
ISSN 2227-1171 (Print)

Том 11, № 2. 2020

Сквозной номер – 40

ISSN 2542-1247 (Online)

Vol. 11, No. 2. 2020

Continuous issue – 40

ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель:
Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
420108, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Магистральная, 35

Редакционно-издательское отделение:
420059, г. Казань,
ул. Оренбургский тракт, 128

Выходит с 2010 года ежеквартально

Наш индекс в объединенном каталоге
"Пресса России" – 84683

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций 29 июня 2012 г.

Регистрационный номер ПИ № ФС 77-50418

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание
ученых степеней доктора и кандидата наук
(12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и государстве;
12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный
процесс; муниципальное право;
12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-
исполнительное право;
12.00.09 – Уголовный процесс;
12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность,
правозащитная и правоохранительная деятельность;
12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность)

Журнал включен в систему Российского
индекса научного цитирования (e-library)
Журнал включен в Ulrich's Periodicals Directory
Журнал включен в электронный периодический справочник
«Система ГАРАНТ»

Журнал распространяется только по подписке

Academic Journal

Founder and publisher:
the Kazan Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs
of the Russian Federation
35, Magistralnaya, Kazan
420108, The Republic of Tatarstan, Russia

Editorial-and-publishing office:
128, Orenburgskii trakt
420059, Kazan

The Journal is being published since 2010 each quarter

Our index in the combined catalog
"Pressa Rossii" – 84683

The Journal is registered in Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology and Mass
Communications
June, 29, 2012.

Identification Number PI No. FS 77-50418

The Journal is included in the Catalogue of the leading peer-
reviewed journals, in which should be published basic academic
results of degree dissertations
(12.00.01 Theory and history of law and state; history of theory
of law and state,
12.00.02 Constitutional law; constitutional trial; municipal law,
12.00.08 Criminal law and criminology; criminal and penal law,
12.00.09 Criminal proceedings,
12.00.11 Judicial work, prosecutorial activity, human rights
and law enforcement activity,
12.00.12 Criminalistics; forensics; investigation activity)

The Journal is included in the Russian
Science Citation System (e-library)
The Journal is included in the Ulrich's Periodicals Directory
The Journal is included in the electronic periodical
"Sistema GARANT"

The Journal is available only on a subscription basis

email: vestnikkui@mail.ru

<http://www.vestnikkui.ru>

Редакционный совет

- Андреев Максим Валентинович** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин (Казань, КЮИ МВД России). ORCID: 0000-0002-3749-7669
- Балахонский Виталий Витальевич** – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России). ORCID: 0000-0003-3098-2802
- Безверхов Артур Геннадьевич** – доктор юридических наук, профессор (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева)
- Варыгин Александр Николаевич** – доктор юридических наук, профессор (Саратов, СГЮА)
- Воронин Михаил Юрьевич** – доктор юридических наук, профессор (Институт международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета)
- Гишинский Яков Ильич** – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)
- Готчина Лариса Владимировна** – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России). ORCID: 0000-0003-4477-6559
- Демидов Виктор Николаевич** – доктор юридических наук, профессор (Управление министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан)
- Дубровин Сергей Викторович** – доктор юридических наук, профессор (Москва, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя)
- Егорышев Сергей Васильевич** – доктор социологических наук, профессор (Уфа, ВЭГУ). ORCID: 0000-0003-0930-7482
- Мезяев Александр Борисович** – доктор юридических наук, профессор (Казань, Университет управления «ТИСБИ»). ORCID: 0000-0002-5318-3029
- Нигматуллин Ришат Вахидович** – доктор юридических наук, профессор (Уфа, БашГУ). ORCID: 0000-0001-6350-1775
- Павличенко Николай Владимирович** – доктор юридических наук, профессор (Москва, Академия управления МВД России). ORCID: 0000-0001-7889-4743
- Степаненко Равия Фаритовна** – доктор юридических наук, профессор (Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Университет управления «ТИСБИ»). ORCID: 0000-0002-4748-9195

Редакционная коллегия

- Председатель – доктор педагогических наук, профессор **Зиннуров Фоат Канафиевич**, начальник КЮИ МВД России. ORCID: 0000-0002-5062-9160
- Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент **Миронов Сергей Николаевич**, заместитель начальника КЮИ МВД России (по научной работе) ORCID: 0000-0003-1532-9258
- Члены редакционной коллегии:
- Алиулов Рашид Рахимулович** – доктор юридических наук, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД КЮИ МВД России
- Гарафутдинов Марат Рафикович** – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника КЮИ МВД России (по учебной работе)
- Казанцев Сергей Яковлевич** – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики КЮИ МВД России
- Комлев Юрий Юрьевич** – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии КЮИ МВД России
- Хрусталева Ольга Николаевна** – кандидат педагогических наук, доцент, начальник редакционно-издательского отделения КЮИ МВД России. ORCID: 0000-0002-0275-5373
- Шайдулина Эльвира Дамировна** – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса КЮИ МВД России
- Шалагин Антон Евгеньевич** – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права КЮИ МВД России

Это произведение доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.
Чтобы увидеть копию этой лицензии, посетите
<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

Editorial Board

Maksim Valentinovich Andreev, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Associate Professor, Professor of State and Legal Disciplines (Kazan, the Kazan Law Institute of MIA of Russia). ORCID: 0000-0002-3749-7669

Vitalii Vital'evich Balahonsky, Doctor of Philosophy (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia). ORCID: 0000-0003-3098-2802

Artur Gennad'evich Bezverhov, Doctor of Laws (Doctor habilitatus) Professor (Samara, Samara State Aerospace University named after S.P. Koroljov)

Aleksandr Nikolaevich Varyigin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Saratov, Saratov State Justice Academy)

Mikhail Yurievich Voronin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor of Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Yakov Il'ich Gilinskiy, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia)

Larisa Vladimirovna Gotchina, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia). ORCID: 0000-0003-4477-6559

Victor Nikolaevich Demidov, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Associate Professor (Administration of the Ministry of Justice of the Russian Federation of the Republic of Tatarstan)

Sergey Victorovich Dubrovin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Moscow University of MIA of Russia)

Sergey Vasil'evich Egorychev, Doctor of Sociology (Doctor habilitatus), Professor (Ufa, Eastern Law and Economics Humanitarian Academy). ORCID: 0000-0003-0930-7482

Aleksandr Borisovich Mezyaev, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Kazan, University of Management "TISBI"). ORCID: 0000-0002-5318-3029

Rishat Vahidovich Nigmatullin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Ufa, Bashkir State University). ORCID: 0000-0001-6350-1775

Nikolai Vladimirovich Pavlichenko, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Administration Academy of MIA of Russia). ORCID: 0000-0001-7889-4743

Raviya Faritovna Stepanenko, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Kazan, Kazan (Volga region) Federal University, University of Management "TISBI"). ORCID: 0000-0002-4748-9195

Editorial Council

Chairperson:

Foat Kanafievich Zinnurov, Doctor of Pedagogy (Doctor habilitatus), Associate Professor, Chief of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. ORCID: 0000-0002-5062-9160

Vice Chairman:

Sergey Nikolaevich Mironov, Candidate of History (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of the Kazan Law Institute of MIA of Russia for academic work. ORCID: 0000-0003-1532-9258

Editorial Board:

Rashid Rahimullovich Aliullov, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Head of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Marat Rafikovich Garafutdinov, Candidate of Laws (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of KLI of MIA of Russia for Educational Work

Sergei Yakovlevich Kazantsev, Doctor of Pedagogy, Candidate in Laws (Doctor habilitatus), Professor of Criminalistics of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Yurii Yur'evich Komlev, Doctor of Sociology (Doctor habilitatus), Professor of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Ol'ga Nikolaevna Hrustaljova, Candidate of Pedagogy (Research doctorate), Associate Professor, Head of the Editorial Department of the Editorial-and-Publishing Office of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. ORCID: 0000-0002-0275-5373

Elvira Damirovna Shaidullina, Candidate of Laws (Research doctorate), Deputy Chief of Department of Criminal Process of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Anton Evgen'evich Shalagin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Associate Professor, Head of the Department of Criminology and Penitentiary Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

СОДЕРЖАНИЕ

<u>CONTENTS</u>	6
<u>ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА</u>	
Ольков С.Г. Закон «успешных» преступников: измерение доходности преступной деятельности.....	152
<u>ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА</u>	
Карнаушенко Л.В. Естественное и позитивное право: перспективы преодоления противоречий.....	159
Садыков И.А. Цели и задачи правовой экономической политики социального государства: общетеоретические аспекты	164
Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Роль правовых принципов в правовом воздействии.....	170
<u>УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ</u>	
Гараева Д.М. Социальные предпосылки криминализации деяний, связанных с воспрепятствованием оказанию медицинской помощи.....	177
Голенко Д.В. Статья Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: понятие, виды, построение	182
Карпов В.О. Проблемы дефиниции понятий серийных и массовых насильственных преступлений.....	187
Колесникова Т.В. Вымогательство в 2010 – 2020 годах и борьба с ним.....	191
Мальхина Т.А. Основные факторы, детерминирующие проявления экстремизма в молодежной среде.....	197
Степанов М.В., Петрянин А.В. Социально-правовая обусловленность криминализации противоправной деятельности, сопряженной с использованием цифровых финансовых активов.....	203
Шавалеев Б.Э. Банковские меры противодействия преступлениям в сфере информационных технологий.....	213
Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. Зарубежный опыт предупреждения преступности в XXI веке.....	219
Шестакова Е.В. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего, находящегося в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей	226
<u>УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД И КРИМИНАЛИСТИКА</u>	
Багаутдинов Ф.Н. Некоторые вопросы организации видеоконференцсвязи между судами регионов и вышестоящими судами	233
Каац М.Э. К вопросу о совершенствовании механизма признания доказательств недопустимыми.....	237
Кудряшова Е.С. Качество досудебного производства по уголовному делу как общее условие предварительного расследования	244
Равнюшкин А.В., Нагорный А.П. О совершенствовании правовых норм уголовного закона, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением сторон и назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.....	250
<u>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</u>	258

CONTENTS

DISCUSSION

Ol'kov S.G.

The Law of Successful Criminals. Measuring the Profitability of Criminal Activity 152

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Karnaushenko L.V.

Natural and Positive Law: Prospects for Overcoming Contradictions..... 159

Sadykov I.A.

Goals and Objectives of Legal Economic Policy of the Social State: General Theoretical Aspects..... 164

Skorobogatov A.V., Krasnov A.V.

Role of Law Principles in Law Exposure..... 170

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Garajeva D.M.

Obstructing the Medical Care: Social Background..... 177

Golenko D.V.

Article of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation..... 182

Karpov V.O.

Serial and Mass Violent Crimes: the Problem of Definitions in Modern Criminology..... 187

Kolesnikova T.V.

Extortion in 2010 – 2020 and the Fight Against it..... 191

Malykhina T.A.

The Main Factors Determining Extremism in the Youth..... 197

Stepanov M.V., Petryanin A.V.

Social and Legal Conditionality of the Criminalization of Illegal Activities Involving the Use of Digital Financial Assets..... 203

Shavaleyev B.E.

Banking Measures to Combat Information Technology Crimes 213

Shalagin A.E., Idiyatulloev A.D.

Crime Prevention Abroad in XXI Century..... 219

Shestakova E.V.

Criminological Portrait of a Personality of a Minor in the Center of Temporary Isolation for Juvenile Delinquents..... 226

CRIMINAL TRIAL, INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND CRIMINALISTICS

Bagautdinov F.N.

Videoteleconference in the Courts of Regions and Higher Courts 233

Kaats M.E.

Improving the Mechanism for Recognizing Evidence as Inadmissible..... 237

Kudriashova E.S.

Quality of the Pre-trial Proceedings in a Criminal Case as a General Condition of the Preliminary Investigation 244

Ravniushkin A.V., Nagorny A.P.

Improvement of Legal Norms of the Criminal Law Regulating Release from Criminal Responsibility due to Active Repentance, Reconciliation of the Parties and Appointment of a Measure of a Criminal Legal Nature in the Form of a Judicial Fine..... 250

NOTICE TO AUTHORS..... 258

УДК 342.2

DOI: 10.37973/KUI.2020.71.73.001

С.Г. Ольков

**ЗАКОН «УСПЕШНЫХ» ПРЕСТУПНИКОВ:
ИЗМЕРЕНИЕ ДОХОДНОСТИ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**THE LAW OF SUCCESSFUL CRIMINALS.
MEASURING THE PROFITABILITY OF CRIMINAL ACTIVITY**

Введение: статья посвящена описанию установления общего закона «успешной» преступной деятельности, эмпирических законов «успешной» воровской деятельности, общей формулы валового дохода профессиональных преступников.

Материалы и методы: в качестве материалов исследования выступают первичные статистические данные об уровне преступности; использованы методы математического анализа, теории вероятностей и математической статистики.

Результаты исследования: 1) установлен общий строгий отрицательный экспоненциальный закон «успешной» и «безуспешной» преступной деятельности: $t=Ae^{-kn}$; 2) установлен (с учетом латентности) строгий отрицательный экспоненциальный закон «успешного» воровства в России для 2018 года: $t=100 \cdot e^{-0,133 \cdot n}$; 3) установлена общая формула валового дохода профессионального преступника при совершении произвольного количества преступлений: $R_x = \sum_{i=1}^n \tilde{p}_x^n \cdot n \cdot \bar{r}_x$; 4) доказано, что эффективным является совершение небольшой серии краж (в идеале не более трех), а профессиональное занятие воровством – убыточный род деятельности. Продемонстрировано, что уже после второго преступления идет быстрое падение доходности в данном виде «индивидуальной предпринимательской деятельности»; 5) показано, как измеряется относительное реальное число раскрытых преступлений в отличие от номинального их числа: $\hat{h} = \frac{z}{c}$.

Ключевые слова: криминология, криминометрика, уголовная политика, уголовное право, уголовная ответственность, цена преступления, преступление, преступник, кража, грабеж, разбой, мошенничество, присвоение, растрата, экспоненциальный закон

Для цитирования: Ольков С.Г. Закон «успешных» преступников: измерение доходности преступной деятельности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 152 – 158. DOI: 10.37973/KUI.2020.71.73.001

Introduction: the purpose of the article is to determine the general law of successful criminal activity, empirical laws of successful theft, the general formula of gross income of professional criminals.

Materials and Methods: the primary statistical data on the level of crime; methods of mathematical analysis, probability theory and mathematical statistics.

Results: 1) a general strict negative exponential law of successful and unsuccessful criminal activity is established: $t=Ae^{-kn}$; 2) a strict negative exponential law of successful theft in Russia for 2018 has been established taking into account latency: $t=100 \cdot e^{-0,133 \cdot n}$; 3) the general formula for the gross income of a professional criminal when committing an arbitrary number of crimes is established: $R_x = \sum_{i=1}^n \tilde{p}_x^n \cdot n \cdot \bar{r}_x$; 4) it is proved that it is effective to commit a small series of thefts (no more than three), and professional theft is a loss-making activity. It is shown that after the second crime there is a rapid drop in profitability in this type of "individual business"; 5) it is shown how the relative real number of solved crimes is measured, as opposed to their nominal number: $\hat{h} = \frac{z}{c}$.

Keywords: criminology, criminometrics, criminal policy, criminal law, criminal liability, price of a crime, crime, perpetrator, theft, robbery, fraud, misappropriation, embezzlement, exponential law

For citation: Ol'kov S.G. The Law of Successful Criminals. Measuring the Profitability of Criminal Activity // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 2. P. 152 – 158. DOI: 10.37973/KUI.2020.71.73.001

Введение

Как ранее нами уже неоднократно было установлено [1, с. 128-142; 2, с. 89-109], преступление – это товар, «преступный актив», а преступность – соответствующий рынок товаров преступлений, нас интересуют такие вопросы, как: 1) насколько успешна преступная деятельность; 2) как измерить доходность вложения в преступные активы; 3) применимы ли методы классического портфельного анализа для изучения доходности от преступной деятельности. На эти вопросы и призвана ответить нижеследующая научная работа в виде ряда научных результатов – установить общий закон «успешной» преступной деятельности, эмпирические законы «успешной» воровской деятельности, общую формулу валового дохода профессиональных преступников и показать применение портфельного анализа относительно активов преступлений.

Результаты исследования

Рассмотрим простой пример – занятие воровской деятельностью. При этом воровство понимается в узком смысле – как совершение классического преступления – кражи. Статья, в которой специфицируется данный товар в Особенной части современного Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), имеет номер 158 и в первой части гласит: «Кража, то есть тайное хищение чужого имущества». Доля краж в структуре преступности является самой большой. Эта доля, хотя и колеблется во времени по исследуемым пространствам, обычно довольно устойчива и определяется по формуле: $\text{доля} = \frac{\text{часть}}{\text{целое}} \Rightarrow d = \frac{q}{c}$, что удобно выразить и в процентах, помножив долю на 100. Следовательно, доля краж в структуре преступности на некоей территории за какой-то промежуток времени есть отношение числа краж ко всей совокупности преступлений. Основным математическим свойством доли является то, что она может принимать значение в пределах от нуля до единицы, не включая последнюю, что просто означает – часть всегда (строго) меньше целого: $c < c$.

Говоря о структуре преступности и других структурах, мы понимаем, что сумма долей структурных составляющих равняется целому, то есть единице или ста процентам, что наглядно представить диаграммой Парето, которая учитывает абсолютную и относительную составляющие структуры, представляет кумуляту (cumulative), выраженную как в абсолютных, так и относительных величинах с ранжированной (упорядоченной) от максимума к минимуму структурой.

Поскольку доля краж в структуре преступности максимальна, постольку логично утверждать, что основная масса осужденных – это лица, осужденные за кражи. Так, в 2019 году в России было зарегистрировано 2 024 337 преступлений, из которых 774 159

краж¹. То есть доля краж в структуре российской преступности в 2019 году составила: $D_k = \frac{774\ 159}{2\ 024\ 337} = 0,38$, или 38%. В предыдущем 2018 году доля краж составляла: $D_k = \frac{756\ 395}{1\ 991\ 532} = 0,3798$, или 37,9%, что почти равно аналогичному показателю за 2019 год. Из основного криминологического тождества и первичных статистических данных следует, что число зарегистрированных краж всегда меньше их совокупного числа: $C_k = R_k + L_k$, где в левой части уравнения стоит валовое число краж, а в правой – сумма зарегистрированных и латентных краж. Число зарегистрированных краж строго детерминировано на конкретную дату, а число латентных на той же территории и за то же время легко определить по формуле: $L_k = \frac{R_k^2}{W} - 1$, что подробно доказано мной ранее [3]. Дабл ю (W) в формуле – абсолютное число осужденных за кражи по одноименному моменту времени и пространства. Не зная число осужденных, можно примерно оценить валовое число краж, умножив их долю на валовое число преступлений: $C_k = D_k \cdot C$, где C – валовое число преступлений: $C = R + L = \frac{R^2}{W}$, где W – абсолютное число осужденных, человек, R – абсолютное число зарегистрированных преступлений, штук; L – абсолютное число латентных преступлений, штук; C – валовое число преступлений, штук (следует обратить внимание, что C в правой части уравнения: $C_k = D_k \cdot C$ приводится без нижнего индекса, то есть это валовое число преступлений, а не только краж, а C_k в левой части – это валовое число краж). Зная валовое число краж из основного криминологического тождества, адаптированного к кражам: $C_k = R_k + L_k$, легко найти число латентных краж: $L_k = C_k - R_k$.

Важно отметить, что основной причиной спроса на товар кражи является их относительно низкая цена. По части первой статьи 158 УК РФ максимальное наказание за кражу составляет 2 года лишения свободы. Это номинальная цена, а реальная всегда существенно ниже, поскольку умножается на статистическую вероятность поимки вора. Реальная цена краж вычисляется по формуле: $P_k = \frac{\text{раскрыто краж, штук}}{\text{зарегистрировано краж, штук}}$. Для 2019 года реальная максимальная цена кражи по части первой статьи 158 УК РФ составляла: $P_k = \frac{272\ 691}{774\ 159} \cdot 2 = 0,704$ года лишения свободы, или 8,4 месяца лишения свободы, что можно представить и в денежном выражении, используя понятие альтернативной стоимости.

Поскольку на кражи предъявляется повышенный спрос, а следовательно, обеспечивается и абсолютно адекватное предложение данного товара (продавец и покупатель здесь выступает в одном лице – это вор), постольку имеет смысл рассмотреть эффективность данного вида преступной деятельности.

Положим, у нас имеется 100 физических лиц, предъявляющих спрос на товар «кража». Примем

¹ Официальный сайт МВД России: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 20.03.2020).

вероятность поимки вора равной 0,4 (в данном случае я просто округлил до десятых вероятность изобличения вора в 2019 году: $\frac{272\ 591}{774\ 159} = 0,352 \approx 0,4$, откуда вероятность, что его не поймают, составит 0,6). Тогда

закон, связывающий число успешных воров с числом совершаемых краж, описывается уравнением: $t=100,17 \cdot e^{-0,511n}$, что отражено в нижеследующем рисунке.

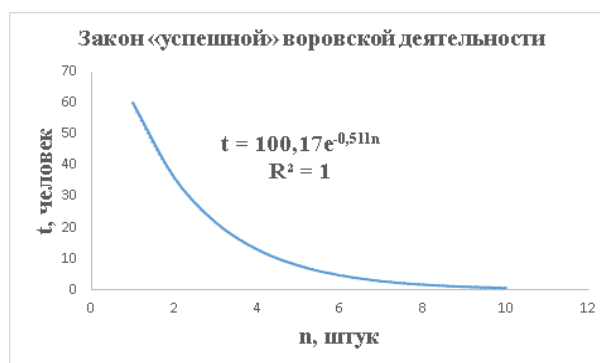

Рисунок 1 – Закон «успешной» воровской деятельности
Illustration 1. The Law of Successful Theft

Поясним полученный научный результат. Сто физических лиц в момент времени x одновременно начинают совершать кражи. Поскольку вероятность поимки вора составляет 0,4, то после совершения первой кражи 40 человек будет поймано и исключено из числа успешных воров, продолжающих совершать кражи. Количество последних составит 60 человек. То есть на совершение второй кражи выходит уже 60 человек. После совершения второй кражи из 60 физических лиц на третью кражу сможет выйти только 21 вор: $60 \cdot 0,6 = 36$, поскольку 24 человека будут пойманы после совершения второй кражи: $60 \cdot 0,4 = 24$.

Очевидно, функции «успешных» разбойников, грабителей, мошенников, взяточников, убийц и

прочих «почтенных лиц» будут подобными вышеприведенной с той лишь разницей, что поменяются параметры функции. То есть перед нами на рисунке 1 одна из реализаций семейства функций успешных преступников. Таким образом, де-факто мы получили в общем виде решенное дифференциальное уравнение для успешных преступников или, проще говоря, установили строгий закон «успешной» преступной деятельности, вполне подтверждающий народную мудрость: «Сколько веревочке не виться, а конец будет».

Несложно установить и закон «неуспешной» преступной деятельности. Для этого используем те же данные, по которым выполняли вычисления относительно успешных воров.

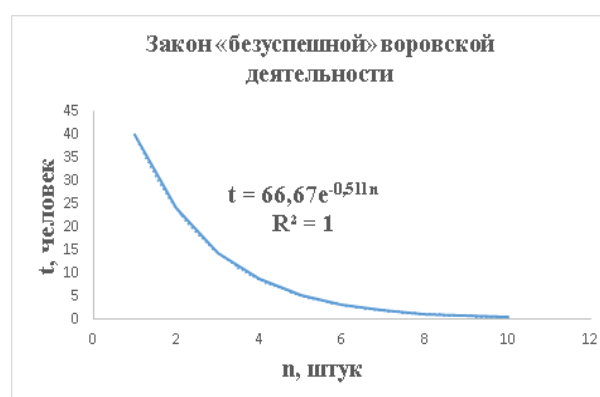

Рисунок 2 – Закон «безуспешной» воровской деятельности
Illustration 2. The Law of Unsuccessful Theft

Таким образом, закон «безуспешной» преступной деятельности применительно к кражам в современной России описывается отрицательным экспоненциальным уравнением: $t=66,67 \cdot e^{-0,511n}$.

Насколько реалистичны законы «успешной» и «безуспешной» преступной деятельности? Очевидно,

что в общем виде они в полной мере соответствуют действительности, однако, когда мы работаем с реальными эмпирическими данными, должны корректировать показатель раскрываемости соответствующих видов преступлений или преступности в целом, если вычисления проводятся для общей преступности.

В задаче, решение которой представлено на рисунках 1 и 2, мы полагали, что раскрываемость краж составляла 40%, но это явно завышенный результат. В 2019 году реальная раскрываемость краж составила 35,2%, то есть, округляя, мы завысили раскрываемость на $40-35,2=4,8\%$, и это не сильно отразится на параметрах функций успешных и безуспешных воров. Однако с учетом латентности, которая в последние годы превышает коэффициент, равный трем (например, в 2018 году мультипликатор латентности составлял 3,03), можно сделать вывод, что реальная раскрываемость краж в 2019 году кратно ниже номинальной: $\frac{372\ 891}{3\ 974\ 159} = 0,1174$ или 11,74%. Отсюда вероятность того, что кража не будет раскрыта, составляет: $1-0,1174=0,8826$

или 88,26%. Такой результат очевиден, поскольку цифра в знаменателе дроби выросла в три раза, а числитель не поменялся – число раскрытых преступлений осталось прежним.

Поскольку на момент подготовки данной статьи я не располагал данными о числе осужденных за 2019 год, а следовательно, не имел возможности точно рассчитать мультипликатор латентности, воспользуемся данными за 2018 год, когда мультипликатор латентности был точно рассчитан. Вычислим реальную раскрываемость краж в 2018 году: $\frac{285\ 633}{3,03 \cdot 756\ 395} = 0,1246$ или 12,46%, откуда вероятность того, что кража не будет раскрыта в 2018 году, составляла: $1-0,1246=0,8754$ или 87,54%.

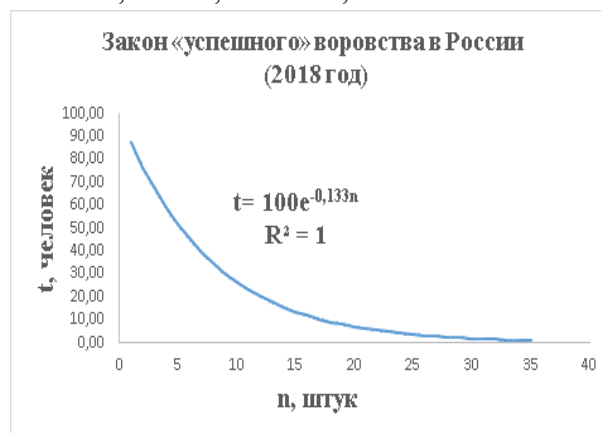

Рисунок 3 – Закон «успешного» воровства в России по эмпирическим данным за 2018 год
Illustration 3. The Law of Successful Theft in Russia. Empirical Data. 2018

На рисунке 1 функция «успешного» воровства описывалась уравнением: $t=100,17e^{-0,511n}$, а на рисунке 3: $t=100e^{-0,133n}$, то есть параметр в функции на рисунке 3 больше, чем на рисунке 1 в 3,84 раза или на 384%: $-0,133 > -0,511$, поскольку перед параметрами стоит знак минус, следовательно, наша условная сотня воров иссякнет только к 35 преступлению, тогда как на рисунке 1 это происходило уже к десятому преступлению.

Таким образом, важное значение имеет реальный, а не номинальный показатель относительной раскрываемости преступлений, который вычисляется по формуле: $h = \frac{\text{абсолютное число раскрытых преступлений}}{\text{абсолютное число совершенных преступлений}} = \frac{z}{C}$, где h – относительная реальная раскрываемость, z – абсолютное число раскрытых за период по исследуемому пространству преступлений в штуках, C – абсолютное число совершенных за то же время в том же месте преступлений в штуках. Очевидно, что номинальная раскрываемость всегда строго больше реальной, поскольку мультипликатор латентности строго больше единицы, следовательно, при неизменном числителе знаменатель дроби при расчете реальной относительной раскрываемости всегда больше знаменателя для рас-

чета номинальной относительной раскрываемости и нужно записать: $h < h_n$, где h – относительная номинальная раскрываемость преступлений любого вида или агрегированный относительный показатель раскрываемости по всем структурным составляющим преступности. Например, в 2018 году было зарегистрировано 1 991 532 преступлений, из которых 215 036 составило мошенничество. Следовательно, $h_m = \frac{57\ 418}{215\ 036} = 0,267$ или 26,7%, поскольку абсолютное число раскрытых преступлений «мошенничество» составило всего 57 418 штук, а абсолютное число зарегистрированных мошенничеств было 215 036. Реальный относительный показатель раскрываемости мошенничества в России для 2018 года составил:

$h_m = \frac{57\ 418}{3,03 \cdot 215\ 036} = 0,088$ или 8,8, что хуже реальной относительной раскрываемости краж, и реальная цена мошенничества в этом году составила: $P_m = 0,088 \cdot 2 = 0,176$ лет лишения свободы, если пользоваться для определения номинальной цены мошенничества максимальной величиной лишения свободы по ч. 1 ст. 159 УК РФ.

Перейдем к анализу доходности от преступной деятельности на примере товара «кража».

Простейший способ измерения доходности преступной деятельности. Пусть субъект А решил заняться преступной деятельностью, например, совершением краж на профессиональной основе. Очевидно, что данный вид деятельности связан с высоким уровнем риска, который обусловлен прежде всего вероятностью поимки и изобличения преступника. Предположим в учебных целях, что вероятность поимки и изобличения вора в данное время и на данной территории составляет 0,4 или 40%, что легко измерить, зная число зарегистрированных и раскрытых краж, о чем регулярно приводится информация на официальном сайте МВД России (можно точно измерить за любой интересующий период и по соответствующей территории). Можно измерить и среднюю доходность, которую приносит совершение краж. Пока в чисто теоретических целях предположим, что средняя доходность кражи составляет 200 тысяч рублей, как, например, приблизительная доходность на одно преступление в 2018 году в России (на самом деле доходность краж ниже, чем в среднем по преступности, но для обнаружения нужного нам общего закона это не играет никакой роли, что будет показано далее).

Этих данных вполне достаточно для ответа на вопрос о валовой прибыли профессионального занятия кражами. Валовая прибыль в данном случае понимается как разница между доходами и расходами исследуемого субъекта. При этом расходы на совершение кражи примем равными нулю, поскольку цену кражи вор будет платить лишь тогда, когда будет изобличен и осужден судом. То же самое относится и к возмещению ущерба, хотя он может возмещаться и на досудебных стадиях уголовного процесса, но все же после поимки вора. Иными издержками вора на совершение кражи можно пренебречь, подобно тому как физики игнорируют сопротивление воздуха при измерении падения тел с некоторой высоты на поверхность Земли.

Коль скоро нам известна вероятность изобличения вора, то нам известна и вероятность его неизобличения при однократном совершении кражи: $\tilde{p} = 1 - p$. То есть для нашего примера: $\tilde{p} = 1 - p = 1 - 0,4 = 0,6 = 60\%$, откуда автоматически следует общая формула валового дохода профессионального вора при совершении произвольного количества краж: $R_k = \sum_{i=1}^n \tilde{p}_k^i \cdot n \cdot \bar{r}_k$ (формула 1), где R_k – валовой

доход вора в рублях, n – число совершенных краж, в штуках, \bar{r}_k – средний доход на одну кражу. Но, поскольку $\tilde{p}_k < 1$, а $n \geq 1$, постольку очевидно $\lim_{n \rightarrow \infty} R_k = 0$. Говоря в общем виде, здесь можно и уточнить, что $n \in \mathbb{N}$, где \mathbb{N} – натуральные числа, а вероятность может принимать значения в пределах от нуля до единицы, включая, собственно, нуль и единицу. В формуле $R_k = \sum_{i=1}^n \tilde{p}_k^i \cdot n \cdot \bar{r}_k$ использован знак суммы, а не интеграла, поскольку в нее входит дискретная переменная n .

Почему в формуле $R_k = \sum_{i=1}^n \tilde{p}_k^i \cdot n \cdot \bar{r}_k$ появляется вероятность в степени n ? Рисуем дерево возможных вариантов. Для случая с кражей, приняв решение и совершая кражу, вор имеет два варианта – быть пойманным или не быть пойманным. Вероятность быть пойманным равна p , а вероятность быть не пойманным равна $1 - p$. Если вора поймали, то продолжение краж с его стороны заканчивается и он получает нулевой выигрыш, а в нагрузку – возмещение ущерба потерпевшему и уплата цены за приобретение товара «кража», что мы пока в модели игнорируем, останавливаясь просто на нулевом выигрыше.

Коль вора не поймали, он совершает вторую кражу и вероятность уклониться от уголовной ответственности здесь равна произведению вероятностей: $\tilde{p}_1 \cdot \tilde{p}_2$. Очевидно, что для n краж: $\tilde{p}_1 \cdot \tilde{p}_2 \cdot \dots \cdot \tilde{p}_n = \tilde{p}^n$. То есть мы просто перемножаем вероятности уклониться от уголовной ответственности от первой до n -ой кражи по ребрам дерева возможностей (дерева решений), на которых откладывается вероятность уклониться от уголовной ответственности (или шире – поимки).

Соответственно, для нашего числового примера имеем доход для одной кражи:

$$R_1 = \sum_{i=1}^1 \tilde{p}_1^1 \cdot 1 \cdot \bar{r}_k = 0,6 \cdot 200 = 120 \text{ тысяч рублей, а для}$$

$$10 \text{ краж уже } R_{10} = \sum_{i=1}^{10} \tilde{p}_{10}^i \cdot 10 \cdot \bar{r}_k = 0,6^{10} \cdot 10 \cdot 200 = 12$$

тысяч рублей; для 100 краж соответственно нуль. При пятидесяти кражах доход составит $8,083 \cdot 10^{-8}$, то есть бесконечно малую величину. Теперь, взяв реальную относительную раскрываемость краж в 2018 году, мы можем посмотреть, каковой была бы ее доходность, если средний доход на одну кражу составлял 200 тысяч рублей:

$$R_{1\ 2018} = \sum_{i=1}^1 \tilde{p}_1^1 \cdot 1 \cdot \bar{r}_k = 0,8754 \cdot 200 = 175$$

тысяч рублей, что в $\frac{175}{120} = 1,5$ или на 150 процентов выгоднее, чем при использовании в расчетах номинального относительного показателя раскрываемости краж.

¹ В данном случае, чтобы облегчить понимание вычислений, мы не берем точное значение раскрываемости краж, с которым читатель уже ознакомился здесь ранее, а используем округленное значение номинальной относительной раскрываемости, поскольку для вывода нужной формулы точные значения не играют никакой роли. Мы вообще могли использовать простые символы вместо цифр в данном случае, но для удобства читателя используем элементарный числовой пример.

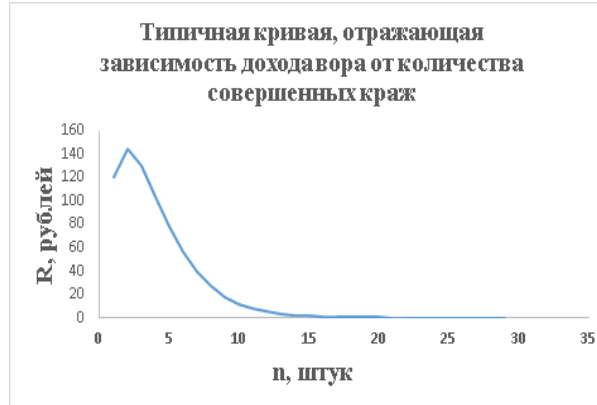

Рисунок 4 – Закономерность, связывающая доход вора с количеством совершенных краж, при $\bar{r}_k=200$ тысяч рублей, $\tilde{p}_k=0,6$
 Illustration 4. The Mechanism that Combines the Income of a Criminal and the Quantity of his / her Thefts
 $\bar{r}_k=200.000$ roubles, $p_k=0,6$

Видно, что уже после второго преступления идет быстрое падение доходности данного вида противоправной деятельности, и при этом нам ясно, что аналогичный закон будет выполняться для любых других корыстных преступлений, кроме кражи, поскольку формула $R_x = \sum_{i=1}^n \tilde{p}_x^n \cdot n \cdot \bar{r}_x$ является универсальной и строго выполняются условия: $\tilde{p}_x < 1$, а $n \geq 1$. Единственное, что мы поменяли в данной формуле, по сравнению с предыдущей, – индекс краж заменили на произвольный

индекс икс, и поэтому подобно тому, как мы ранее говорили о кражах, можем говорить о грабежах, разбоях, мошенничестве, присвоении, растрате и других корыстных преступлениях. Теперь приблизимся к реальности и вместо номинальной относительной раскрываемости включим в формулу для вычисления доходности реальную относительную раскрываемость краж, сравним графически доходность для обоих случаев.

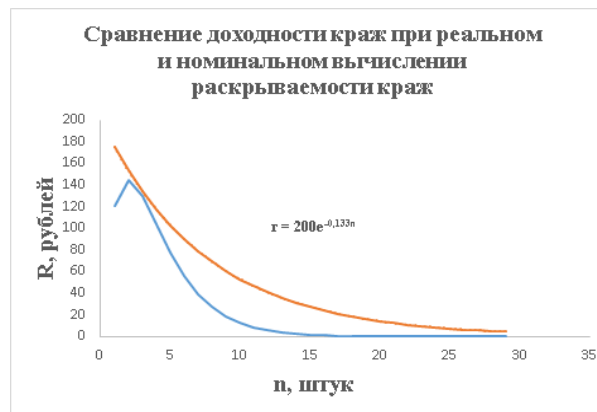

Рисунок 5 – Сравнение доходности краж при реальном и номинальном относительном вычислении раскрываемости краж
 Illustration 5. Theft Income in Real and Nominal Theft Exposure Calculation. Comparison

Видно, что доходность краж существенно выше при использовании в расчетах реальной, а не номинальной относительной раскрываемости преступлений. Разность площадей под графиками функций и показывает величину соответствующе-

го преимущества в доходности. На рисунке видна экспоненциальная отрицательная функция для вычислений, проведенных относительно реальной относительной раскрываемости краж.

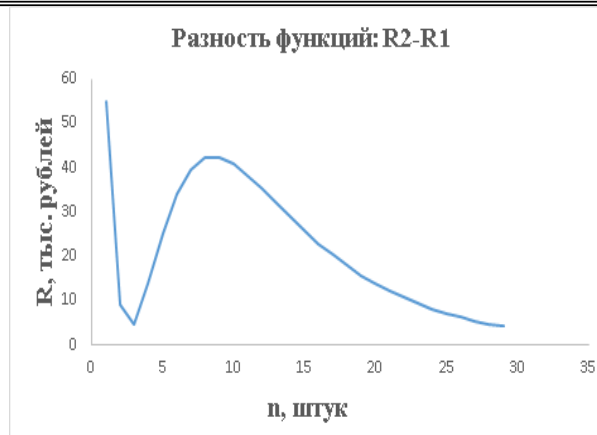

Рисунок – 6. Разность функций доходности краж при относительном реальном и номинальном вычислении раскрываемости краж

Illustration 6. Thefts Income Functions Variety in Real and Nominal Theft Exposure Calculation

Из графика на рисунке наглядно видно, что фактор вычисления раскрываемости оказывает сильное влияние на точность вычисления доходности от занятия данным и подобными видами деятельности. Когда относительная раскрываемость является реальной, тогда доходность краж существенно выше, чем при использовании номинального показателя относительной раскрываемости краж. Итоговая сумма реального выгодоприобретения воров равна площади подграфика функции, приведенной на рисунке выше данного абзаца. Глобальный максимум разности достигается в области определения первой кражи (разность составляем 55,08 тысяч рублей), а локальный в области определения девятой кражи (42,24 тысячи рублей). Локальный минимум разности достигается в области определения, равной трем

кражам, а глобальный в области определения сороковой кражи.

Обсуждение и заключения

Получены научные результаты, развивающие криминологическую теорию, в частности, общие законы «успешной» и «безуспешной» преступной деятельности; валового дохода профессионального преступника; показана методика измерения реального числа раскрытых преступлений; выведена формула валового дохода профессионального преступника при совершении произвольного количества преступлений. Исследование было проведено с применением новейшей методики измерения общей и структурной латентной преступности, что повышает точность научных результатов, основанных на эмпирических данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ольков С.Г. О разъяснении природы уголовно-правовых отношений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 128 – 142.
2. Ольков С.Г. Преступность как товар. Закон спроса и предложения преступности. Модели наказания и возмещения ущерба // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 2 (26). С. 89 – 109.
3. Ольков С.Г. Основное криминологическое тождество, измерение латентной преступности в мире и России // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2019. № 4. С. 4 – 14.

REFERENCES

1. Ol'kov S.G. O raz'yasnenii prirody ugovolno-pravovykh otnoshenij // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 2. S. 128 – 142.
2. Ol'kov S.G. Prestupnost' kak tovar. Zakon sprosa i predlozheniya prestupnosti. Modeli nakazaniya i vozmeshcheniya ushcherba // Biblioteka ugovolnogo prava i kriminologii. 2018. № 2 (26). S. 89 – 109.
3. Ol'kov S.G. Osnovnoe kriminologicheskoe tozhdestvo, izmerenie latentnoj prestupnosti v mire i Rossii // Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Ural'skij region. 2019. № 4. S. 4 – 14.

Об авторе: Ольков Сергей Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
email: olkovsg@mail.ru

© Ольков С.Г., 2020

About the author: Olkov Sergey G., Doctor of Laws, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Л.В. Карнаушенко

ЕСТЕСТВЕННОЕ И ПОЗИТИВНОЕ ПРАВО: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ

NATURAL AND POSITIVE LAW: PROSPECTS FOR OVERCOMING CONTRADICTIONS

Введение: в статье исследуется вопрос о соотношении теорий естественного и позитивного права. При этом одной из основных исследовательских задач является определение возможности синтеза обозначенных теорий, а также определение специфики и сущности противоречий между ними. В статье проводится исследование и сопоставление естественно-правовой и позитивно-правовой теорий, анализируются основные критические замечания в их адрес. Рассматриваются особенности современной правовой практики с точки зрения момента обращения к исследованиям естественно-правового и позитивно-правового характера.

Материалы и методы: в ходе работы были задействованы классические общенаучные методы анализа, синтеза и дедукции, а также обобщение. Кроме того, на отдельных этапах исследования был применен диалектический подход.

Результаты исследования: противоречие между естественно-правовой и позитивно-правовой теорией пролегал в области приоритетов в рассмотрении права, критериев оценки правовых норм, а также характере применяемой методологии. При этом присутствует ряд аспектов, в которых позитивное право дополняет естественно-правовую теорию. Обосновывается возможность формирования правовой теории на стыке естественно-правовой и позитивно-правовой теорий.

Обсуждение и заключения: обосновывается значимость и перспективность разработок, ориентированных на объединение естественно-правового и позитивно-правового подходов. Доказывается, что уже сейчас одной из серьезных тенденций современного права становится совмещение элементов естественного и позитивного права в практике регулирования законодательной сферы.

Ключевые слова: позитивное право, естественное право, мораль, общество, закон

Для цитирования: Карнаушенко Л.В. Естественное и позитивное право: перспективы преодоления противоречий // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 159 – 163. DOI: 10.37973/KUI.2020.86.48.002

Introduction: the article questions the relationship between natural law theory and positive law theory. At the same time, one of the main research tasks is to determine the possibility of synthesis of the indicated theories, as well as to determine the specifics and essence of contradictions between them. The article studies and compares natural-legal and positive-legal theories, analyses the main criticisms against them. The peculiarities of modern legal practice are considered from the point of view of the moment of access to natural and positive legal developments.

Materials and Methods: the work involved classical popular scientific methods of analysis, synthesis and derivation, as well as generalization. In addition, a dialectical approach was adopted at some stages of the study.

Results: the contradiction between natural and positive legal theory lies in the field of priorities in the consideration of law, the criteria for assessing legal norms, as well as the nature of the methodology used. At the same time, there are a number of aspects in which positive law complements natural law theory. The possibility of forming a legal theory at the intersection of natural-legal and positive-legal theories is justified.

Discussions and Conclusions: the significance and prospects of developments aimed at combining natural-legal and positive-legal approaches are justified. It is proved that already one of the serious trends of modern law is the combination of elements of natural and positive law in the practice of regulating the legislative sphere.

Key words: positive law, natural law, morality, society, law

For citation: Karnaushenko L.V. Natural and Positive Law: Prospects for Overcoming Contradictions // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 2. P. 159 – 163. DOI: 10.37973/KUI.2020.86.48.002

Введение

Дискуссия о природе права и критериях его рассмотрения между сторонниками естественно-правовой и позитивно-правовой теорий имеет длительную историю, в рамках которой обозначенные традиции правопонимания противопоставляются друг другу. При этом формируется устойчивое представление о том, что позитивно-правовой и естественно-правовой подходы в корне противостоят друг другу. Вместе с тем нельзя не признать справедливость ряда критических замечаний как в адрес естественно-правовой, так и в адрес позитивно-правовой теории. По факту, ни одна из обозначенных парадигм не дает возможность охватить весь спектр теоретических вопросов, связанных с проблематикой значения права, его представленности в обществе, последствий введения конкретных юридических норм, критериев оценки правовых установлений, оснований осуществления выбора в пользу той или иной нормы в рамках законодательной деятельности и т.д.

Моральный аспект права, широко разрабатываемый в рамках естественно-правовой теории, позволяет сформировать ряд общих установок по формированию правовой системы, однако опирается на идеалистическое, этико-ориентированное мировоззрение в рамках рассмотрения вопросов права не дает исчерпывающих вопросов относительно частных аспектов права, не проистекающих напрямую из существующих естественно-правовых установок. Соответственно, все то, что касается детализации правовой мысли, весьма проблематично определить в рамках естественно-правовой парадигмы. В свою очередь, в рамках теории позитивного права производится последовательное рассмотрение сущности правовых отношений в обществе, оценка социального контекста правовой реальности, выявление значения той или иной юридической нормы в социальной среде (как общей, так и на уровне анализа социальных последствий).

Все эти моменты способствуют углубленному осмыслению ряда деталей, слагающих общую картину правовых отношений конкретного общества. При этом составляющая позитивно-правовой теории, связанная с анализом социального контекста права, позволяет оценивать востребованность обществом той или иной нормы, вне определения ее морального аспекта, но с учетом общих социальных трендов. В этом плане теория позитивного права не позволяет на глобальном уровне ориентироваться в правовой действительности. Она так или иначе ставит право в качестве вторичного по отношению к совокупности социальных условий явления, несмотря на то, что право, собственно

говоря, выступает в роли регулятора общественных отношений. Ограниченность инструментария позитивно-правовой теории в оценке социальной и правовой действительности определяет ее проблематичный статус и, в частности, задает крен ряда исследователей в сторону естественно-правовых установок.

Таким образом, в рамках анализа соотношения естественно-правовой и позитивно-правовой теорий мы приходим к выводу, что каждая из них имеет преимущества и недостатки, при этом теоретические акценты и предметная определенность указанных теорий различаются между собой. В связи с этим крайне актуальным становится вопрос противоречия между естественно-правовой и позитивно-правовой теориями, а также поиск теоретических ориентиров, способствующих формированию социально-правовой теории на стыке позитивного и естественного права. Мы полагаем, что существуют теоретические аспекты, в контексте которых противоречия между позитивно-правовой и естественно-правовой теориями могут быть преодолены, что позволит сформировать более глубокое, целостное, разностороннее понимание ряда вопросов, связанных с тематикой права.

Обзор литературы

Поскольку работа ориентирована на раскрытие соотношения естественно-правовой и позитивно-правовой теорий и, в том числе, поиск их возможных «точек соприкосновения», а также предполагает критическое рассмотрение противоречий между ними, основные источники, на которые опирается настоящая статья, ориентированы на раскрытие обозначенных философско-правовых парадигм, а также их соотношения. В частности, углубленному пониманию специфики естественно-правовой теории способствовало ознакомление с исследованием В.П. Пономаревой [1]. Также полезным для настоящего исследования являлось обращение к работе М.Л. Давыдовой [2], посвященной исследованию позитивно-правовой традиции. Отдельные аспекты рассматриваемой проблематики были раскрыты в наших предшествующих публикациях [3] и работах А.А. Барсуковой [4], ориентированных на раскрытие соотношения естественно-правовой и позитивно-правовой теорий и, в частности, теоретических сдвигов в современной правовой мысли, связанных с осмыслением их соотношения. Этот аспект более подробно представлен в работах И.Л. Честнова [5].

Материалы и методы

Исследование опирается на теоретические работы, посвященные природе права, критериям его оценки, а также социальному аспекту пра-

вовой сферы. Поставленная в рамках настоящей работы задача и характер исследуемого предмета определяют конечный выбор методологических установок. Среди них – классические общенаучные методы анализа, синтеза и дедукции, а также обобщение. Кроме того, на отдельных этапах исследования был востребован диалектический подход, в рамках которого стало возможно преодоление видимых противоречий между рассматриваемыми философско-правовыми парадигмами.

Результаты исследования

Спор между естественно-правовой и позитивно-правовой теориями является одной из центральных дискуссий в философии права, которая сопоставима как по значению, так и по теоретическим акцентам со знаменитым спором об универсалиях [4]. Для большинства заинтересованных в понимании теоретико-правовой тематики людей вполне очевидно, что расхождение в данном случае состоит в понимании природы права и его оснований, а также в характере формируемых критериев оценки правовых норм. В этом плане теории естественного и позитивного права мыслятся как две принципиально различные парадигмы, элементы которых несовместимы между собой. Вместе с тем подобного рода подход не вполне верен, как минимум, в силу того что у указанных теоретических традиций имеется точка пересечения на уровне предметной области исследования, в результате мы имеем возможность сопоставлять сформированные в их рамках выводы и, в том числе, определять меру противоречия между ними.

Для начала следует дать общую характеристику рассматриваемым теоретическим традициям. Теория естественного права базируется на идеалистической предпосылке, согласно которой существует некое подлинное право, универсальное для всех людей, независимо от их культурных характеристик и социальной определенности, и отвечающее ключевым потребностям человека. В соответствии с этой теорией законы отдельных государств отличаются от права и подлежат оценке на предмет близости правовому идеалу [1]. Соответственно, данная теория полагает возможность наличия «хороших» и «плохих» законов, что определяется их мерой соответствия правовому идеалу (и, в частности, тем, насколько в рамках этих законов находят реализацию естественные права человека). Очень важным аспектом естественно-правовой теории является то, что она располагает к критической оценке существующих юридических норм на предмет их соответствия морали и ключевым потребностям членов общества. Естественно-правовая традиция задает вектор развития правовой мысли, основанный на

поиске объективных, идеальных оснований развития правовой системы, что на уровне системы знания означает выход на уровень развитой аксиологии права.

Существует ряд аспектов, в которых естественно-правовая традиция подвергается существенной критике. Прежде всего, следует отметить, что те самые естественные права, реализация которых должна быть осуществлена на уровне законодательной деятельности, неочевидны, несмотря на то, что они относятся теоретиками естественно-правовой теории к базовым нормам права. Суть в том, что разные мыслители различным образом трактуют набор базовых потребностей человека, исходя из специфических антропологических и аксиологических представлений. Очевидно, в данном случае имеет место культурное преломление идеи ключевых прав человека, что противоречит идее универсальности и очевидности естественных прав. Таким образом, с одной стороны, противоречив сам тезис об универсальности и очевидности норм естественного права, с другой – споры возникают между сторонниками естественно-правовой теории, трактующими ее различным образом.

Во-вторых, следует обратить внимание на то, что теория естественного права регламентирует в первую очередь общие интенции развития правовой сферы, в то время как для формирования развернутой регулятивной системы интуиций «подлинного права» становится недостаточно. При этом версия, согласно которой нормы частного права могут быть дедуцированы из естественно-правовых установок, не выдерживает критики по причине того, что взаимосвязь между общими естественно-правовыми интенциями и частными нормами права не носит жесткий логический характер. Скорее, справедливо суждение о том, что естественное право задает систему координат, в рамках которой уже (при условии, если общество ориентировано на реализацию естественного права) самостоятельно формируются частные правовые нормы. И одной из серьезных проблем становится то, что в рамках теоретико-методологической системы теории естественного права мы не можем доподлинно определить, согласно каким основаниям эти нормы формируются, что влияет на этот процесс, как они будут реализованы на уровне социальной практики и т.д. Отрицание в естественно-правовой парадигме частного аспекта права задает проблематичность его раскрытия на теоретическом уровне.

В свою очередь, позитивно-правовая теория ориентирована на раскрытие специфики существующих правовых систем и их социального

преломления, что включает в себя, в том числе, анализ оснований формирования конкретных нормативных установлений, специфики их языкового выражения, характера влияния на социальную среду и т. д. [2]. Методология позитивно-правовой теории позволяет анализировать социальный контекст правовой сферы, предпосылки принятия или отторжения отдельных норм в общественной среде, востребованность конкретных изменений правовой сферы, связанную с состоянием различных общественных институтов и т.д. Вместе с тем мышление, основанное на ситуативной оценке права в соответствии с социальными трендами, несет в себе существенные риски развития законов, аморальных по своему духу, но отвечающих интересам отдельных носителей власти. Собственно говоря, нахождение вне моральных ориентиров, а также отсутствие отчетливых критериев оценки правовых норм, помимо ситуативной востребованности, концептуальной точности и непротиворечивости по отношению к другим существующим законам, являются теми основаниями, которые определяют критику в сторону различных форм позитивно-правовой теории.

Фундаментальное противоречие между естественно-правовой и позитивно-правовой теориями пролегает в области трактовки понятия «право» и основанной на этом системе критериев оценки конкретных норм. Предметность естественно-правовой и позитивно-правовой теорий различается, причем расхождение имеет место именно в тех аспектах, на уровне которых проявляется недостаточность как естественно-правовой, так и позитивно-правовой теории. При этом обозначенный момент противоречия носит концептуальный и методологический характер. Поясняя последнее, отметим, что в различных традициях процесс оценки конкретной правовой нормы производится в опоре на различные основания.

Рассматривая современные тенденции развития права, следует отметить, что в практике большинства развитых стран происходит активное принятие естественно-правовых установок в качестве общих направляющих векторов развития правовой системы, при этом одновременно отмечается тенденция актуализации социально-правовых исследований, ориентированных на оценку общего социального контекста правовой (и, в том числе, законодательной) деятельности. Таким образом, уже на уровне практики происходит совмещение элементов естественно-правовой и позитивно-правовой традиций.

Обсуждение и заключения

В современном мире актуализируется насущная необходимость формирования развитой правовой теории, которая способствовала бы прояснению значения конкретных правовых норм в контексте общей динамики общественных отношений. Одновременно с этим реализуется интенция на реализацию естественно-правовых установок. Это в совокупности определяет значимость развития синтетической правовой модели на стыке позитивно-правовой и естественно-правовой теорий [3]. При этом для формирования подобного рода теории имеют место существенные предпосылки, поскольку естественно-правовая и позитивно-правовая теории находятся в несколько различных теоретических плоскостях, что определяет полемику между ними не столько как выяснение конкретного противоречивого вопроса, сколько как определение приоритетности конкретного ракурса рассмотрения правовой проблематики. В частности, отдельные элементы позитивно-правовой и естественно-правовой теорий не противоречат друг другу и могут быть совмещены в единый теоретический конструкт. Все это свидетельствует о наличии серьезных перспектив синтеза естественно-правовой и позитивно-правовой теорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пономарева В.П. Отражение в теориях естественного права идеалистического правопонимания // Вестник БГУ. 2012. № 2 (1). С. 227 – 229.
2. Давыдова М.Л. Принципы позитивного права в теоретико-правовом дискурсе // Logos et Praxis. 2016. № 3 (33). С. 36 – 45.
3. Карнаушенко Л.В. Роль метафизики права в современном философско-правовом дискурсе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 277 – 282. DOI: 10.24420/KUI.2019.41.37.003.
4. Барсукова А.А. Соотношение естественного и позитивного права // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2019. № 1 (22). С. 95 – 100.
5. Честнов И.Л. Перспективы и проблемы социокультурной антропологии права: ответ на критические замечания // Lex Russica. 2016. № 6 (115). С. 225 – 233.

REFERENCES

1. Ponomareva V.P. Otrazhenie v teoriyah estestvennogo prava idealisticheskogo pravoponimaniya // Vestnik BGU. 2012. № 2 (1). S. 227 – 229.
2. Davydova M.L. Principy pozitivnogo prava v teoretiko-pravovom diskurse // Logos et Praxis. 2016. № 3 (33). S. 36 – 45.
3. Karнаushenko L.V. Rol' metafiziki prava v sovremennom filosofsko-pravovom diskurse // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. T. 10, № 3. S. 277 – 282.
4. Barsukova A.A. Sootnoshenie estestvennogo i pozitivnogo prava // Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya: Pravo. 2019. № 1 (22). S. 95 – 100.
5. Chestnov I.L. Perspektivy i problemy sociokul'turnoj antropologii prava: otvet na kriticheskie zamechaniya // Lex Russica. 2016. № 6 (115). S. 225 – 233.

Об авторе:

Карнаушенко Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России
email: karml@mail.ru

©Карнаушенко Л.В., 2020

Статья получена: 26.12.2019. Статья принята к публикации: 23.06.2020.

Статья опубликована онлайн: 29.06.2020.

About the author:

Karnaushenko Leonid V., Doctor of History (Doctor habilitatus), Professor, Head of Chair of Theory and History of Law and State, the Krasnodar University of MIA of Russia
email: karml@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 340

DOI: 10.37973/KUI.2020.56.89.003

И.А. Садыков

**ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ПРАВОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА:
ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

**GOALS AND OBJECTIVES OF LEGAL ECONOMIC POLICY
OF THE SOCIAL STATE:
GENERAL THEORETICAL ASPECTS**

Введение: в статье формулируются цели и задачи правовой экономической политики социального государства, значимость реализации которых подтверждается современными преобразованиями правовой реальности.

Материалы и методы: в работе использованы общенаучные и частнонаучные методы исследования (анализ, синтез, сравнение, формально-юридический метод и др.). Межотраслевое взаимодействие теоретического правоведения и конституционного права позволило обосновать цели и задачи правовой экономической политики в аксиологическом подходе.

Результаты исследования: проведен анализ развития теории правовой политики, объяснено ее методологическое значение, обоснован межотраслевой подход теории государства и права и конституционного права, при помощи которого необходимо установить цели и задачи современной правовой экономической политики социального государства.

Обсуждение и заключения: обосновывается необходимость применения межотраслевого и междисциплинарного подходов в правовой науке при объяснении стратегий правовой экономической политики социального государства в ходе взаимодействия таких научных дисциплин, как право, экономика, история, социология, политология и др. Автор приходит к выводу, что необходимо определение конкретных целей и задач рассматриваемой проблемы, важной для юридической науки и практики.

Ключевые слова: право, экономика, социальное государство, правовая политика, социально-экономические права

Для цитирования: Садыков И.А. Цели и задачи правовой экономической политики социального государства: общетеоретические аспекты // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 164 – 169. DOI: 10.37973/KUI.2020.56.89.003

Introduction: the article presents goals and objectives of the legal economic policy of the social state, the relevance of which is confirmed by the modern transformations of the basic law of the Russian Federation.

Materials and Methods: the work used general scientific and special scientific research methods (analysis, synthesis, comparison, formal legal method, etc.). The intersectoral interaction of the theoretical jurisprudence and the constitutional law allowed substantiating the goals and objectives of the legal economic policy in the axiological approach.

Results: the author carried out legal politics development analysis, explained its methodology, substantiated interdisciplinary approach of the theory of the state and law and constitutional law due to which it is necessary to set goals and tasks of legal economic policy of social state.

Discussion and Conclusions: the article substantiates the need for an interdisciplinary approach in explaining the construction of strategies for the legal economic policy of the social state, through the interaction of such scientific disciplines as law, economics, history, sociology, political science, etc. It is possible to determine the specific goals and objectives of the issues under consideration.

Key words: law, economy, social state, legal policy, socio-economic rights

For citation: Sadykov I.A. Goals and Objectives of Legal Economic Policy of the Social State: General Theoretical Aspects // The Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, N 2. С. 164 – 169. DOI: 10.37973/KUI.2020.56.89.003

Введение

Современные процессы обсуждения органами власти и институтами гражданского общества преобразований конституционного пространства, вызванные, в том числе, необходимостью уточнения правовых стандартов социально-экономических прав человека и гражданина, направлены на повышение эффективности общесоциальной функции права в демократическом социальном государстве. Присутствие в структуре российского общества значительного числа социально незащищенных групп населения, сложившегося по объективным причинам экономико-политического характера, повлияло на увеличение научного интереса к проблемам теории правовой политики и выделение в ней такого самостоятельного направления, как правовая экономическая политика социального государства.

Обзор литературы

Научные исследования в сфере изучения проблем российской правовой политики отмечены многообразием и большим числом работ известных отечественных правоведов (С.А. Авакьян, В.Д. Зорькин, В.В. Лапаева, В.В. Лазарев, А.В. Малько, Л.С. Мамут, Н.И. Матузов, Е.Н. Муромцев, О.Ю. Рыбаков, В.Н. Синюков, Р.Ф. Степаненко, В.М. Сырых, С.В. Тихонова, К.А. Шундииков, Б.Н. Чичерин, Б.С. Эбзеев и многие другие), часть из которых была использована в данной работе. Развитие теории правовой политики в России подтверждает актуальность ее научно-практического содержания, важного для эволюции права и государства.

Материалы и методы

Методологическая основа исследования представлена общенаучными (исторический, социологический, политологический, экономико-теоретический и общелогический) и частнонаучными (формально-юридический) методами и подходами. В работе обосновывается необходимость использования межотраслевого (теория права и государства и конституционное право), а также междисциплинарного подходов, значение которых возрастает в связи с формулированием целей и задач правовой экономической политики социального государства.

Результаты исследования

Одной из основных задач юридической науки является изучение особенностей и закономерностей, в русле которых развиваются явления общественной жизни. Преобладающее большинство из них связано с правом и им регламентируется. Право также является социальным феноменом, взаимодействующим постоянно с иными социальными явлениями (политика, экономика, культура,

наука и т.д.). Юридическая наука направлена на изучение соотношения права с другими социальными институтами, основ их взаимодействия и зависимости от тех сфер деятельности, которые осуществляются ими и важны для развития государственности.

Как отмечал известный русский правовед С.А. Муромцев в работе «Определение и основное разделение права» (Москва, 1879 год): «Первый шаг науки – чисто объективный, наблюдательный. Она определяет, что есть. Политика, в смысле теории искусства, выполняет второй шаг. Она определяет, что должно быть, к чему следует стремиться» [1, с. 27]. Классифицируя структуру гражданского правоведения, автор выделяет: а) общее гражданское правоведение и б) гражданскую правовую политику. Последняя устанавливает цели и способы, которыми должны руководствоваться законодатели и правоприменители в своей деятельности [1, с. 28], что важно для нашего исследования.

Если взять за основу предложенную схему классификации гражданского правоведения, изложенную С.А. Муромцевым, то можно (воспользовавшись ею) предположить, что предмет нашего исследования должен изучаться в проблемном поле: а) что сегодня представляет собой экономическая политика государства в сфере соблюдения социальных прав граждан; б) какой должна быть правовая экономическая политика социального государства и какие цели и задачи она должна преследовать для развития нашего государства, общества, личности; в) каковы должны быть пределы политического регулирования правовой сферы социально-экономических отношений и правовой регламентации политической деятельности в решении задач функционирования и развития социального государства; г) в каких масштабах допустимо участие гражданского общества и каково его значение для реализации правовой экономической политики социального государства, если правовая политика признается управленческой деятельностью?

Современная российская доктрина правовой политики, выстраиваемая и развиваемая отечественным теоретическим и отраслевым правоведением, в основе своих исследований выявляет необходимость поиска, нахождения и осуществления базовых правовых начал при реализации, главным образом, конституционных положений действующего законодательства. Актуальность и значение теории правовой политики для юридической науки и практики состоят в изучении и использовании научных выводов и положений при построении стратегий политической деятельно-

сти, направленной на решение тех социально-экономических и социокультурных задач, которые стоят перед органами государственной власти и гражданским обществом и закреплены в Основном законе России.

Методологическое значение теории правовой политики, как отмечает О.Ю. Рыбаков, заключается в: а) реализации ее положений в качестве способов и средств решения теоретических и практических проблем, стоящих перед государством, обществом, личностью; б) соотношении правовой политики с правотворчеством, правоприменением и т.д.; в) развитии научной теории правовой политики, представляющей собой «форму организации и воспроизводства научного знания», которая предназначена для реализации стратегических целей и задач в правовой области (совершенствование законодательства, правоприменения и др.); г) выстраивании правовой политики как вида деятельности на основе признания государством естественных прав и свобод человека и гражданина, в особенности при воспроизводстве этих прав в нормативных правовых актах. В доктринальном (теоретико-идеологическом) и деятельностно-практическом (праксеологическом) подходах объединяются стратегии деятельности государства в правовой сфере, базирующиеся на ценностной системе правовых идей и идеалов [2, 3], отмечает автор.

Обосновывая идею правовой экономической политики, прежде всего мы останавливаем внимание на нормах Конституции Российской Федерации, где в статье 7 говорится о политике социального государства, которая ориентирована на создание таких условий для человека и гражданина, в которых становятся возможными и постулируются: достойная жизнь и свободное развитие, охрана здоровья и труда, обеспечение поддержки семейных благ, материнства, отцовства, детства, пожилых граждан и инвалидов, установление и гарантии пенсий, пособий, минимального размера оплаты труда. Последнее имеет очень важное значение для осуществления правовой экономической политики – как системной и целенаправленной деятельности государства и должностных лиц в сфере производства, обмена, потребления результатов труда и использования природных и иных материальных ресурсов в целях реализации правовыми средствами положений Конституции Российской Федерации. Данное самостоятельное направление правовой политики сегодня должно быть представлено и обосновано работами теоретиков права в межотраслевом (конституционное, гражданское, административное, налоговое, финансовое и др.)

и междисциплинарном подходах, объясняющих важность правовой регламентации процессов современного экономического развития.

Сегодня в условиях рыночной экономики отношения между производителями услуг и вещей опосредуются рынком. Но это не свидетельствует о его (рынка) произвольном и саморегулируемом характере, так как экономический процесс не может быть не урегулирован правовыми средствами и механизмами, которые упорядочивают материально-производительные основы жизни общества. В этом смысле, учитывая признание высшей ценностью прав и свобод граждан, правовая экономическая политика должна быть в первую очередь ориентирована именно на соблюдение социально-экономических прав человека и гражданина. Иной экономической политикой в правовом государстве (ст. 1 Конституции РФ) быть не должна, поэтому и развитие экономики должно быть нацелено на повышение качества жизни человека и преумножение общественных благ.

Например, минимальный размер оплаты труда прямо предназначен для установления социальных стандартов экономически активного населения, то есть потенциальных трудовых резервов (ресурсов) государства, которые принимают участие в производственно-хозяйственной и других сферах деятельности. Вместе с тем эффективность государственно-правового регулирования сегодня говорит о недостатках как самого «рыночного хозяйства», так и правовых инструментов по управлению ими. К правовым государственным методам регулирования экономики можно отнести принятие законодательных актов, управление предприятиями государственной формы собственности, инвестиционную поддержку, субсидирование и кредитование и т.д., при помощи которых пропорционально должны распределяться средства на обеспечение государством социальной политики.

Следует остановить внимание на важнейшей проблеме правовой экономической политики и роли права в ее реализации – наличии значительного числа социально незащищенных и уязвимых граждан. Как отмечают исследователи общеправовой теории маргинальности, изучающие особенности преобразований социально-экономических отношений в переходный период от государства социалистического типа к новому с рыночной экономикой, социально-экономическая ориентация политики государства, не учитывающая интересов личности и общества, проблемы безработицы, бездомности, бедности, хаотичной миграции, низкого уровня минимального размера оплаты труда и прожиточного минимума и др., сложно соотно-

сима с правовой и социальной эффективностью [4]. Неюримизированность и правовая необеспеченность эффективным законодательством многих сфер рыночной экономики не соответствуют в целом взглядам на государство как правовое и социальное, что требует концептуального изучения для принятия государством должных мер по улучшению и преобразованию социально-экономической политики.

Социальное законодательство современной России и дальновидная политика государства на стадии становления постиндустриальной экономики должны выстраиваться в политику сохранения и умножения человеческого капитала. Это законодательство, исходя из его четко сформулированных целей и задач, должно обеспечивать всестороннее и свободное развитие граждан, достойный уровень их благосостояния [5], справедливо утверждает А.В. Солдатов.

Учитывая современное состояние российской экономики, подверженное санкциям и зависящее от цен на природные ресурсы, принимая во внимание такие деструктивные явления, как коррупция, утечка капиталов, злоупотребление должностными полномочиями при распределении бюджетных средств, необходимо разрабатывать эффективные механизмы противодействия «теневой экономике». Обеспечение устойчивого правопорядка, помимо запретительных мер, должно осуществляться при помощи правовых процедур и механизмов, обосновываемых при помощи положений юридической науки в общетеоретическом и прикладном значениях.

В частности, перераспределение доходов в социальном государстве должно быть направлено на рост доходов населения, обеспечение возможностей получения образования, медицинских услуг, отдых, культуру, занятость, демографию, защиту жилищных и иных социальных благ. Стратегии государственной политики в области экономического развития выстраиваются в соответствии с Конституцией РФ и должны гарантировать россиянам реализацию демократических свобод, создание внешних и внутренних рынков (предприятий малого, среднего бизнеса, зон свободной торговли), обеспечение конкурентоспособности и многое другое. Для этих централизованных функций государства предназначено налоговое, финансовое, таможенное, антимонопольное и иное законодательство.

При этом право (закон) не должно восприниматься как инструмент извлечения дохода, пользы и выгоды в чьих бы то ни было экономических интересах и целях. Такое понимание права в зарубежной концепции поведенческой экономики обосно-

вывается Д. Канеманом, А. Тверски, П. Словиком и другими и принципиально отличается, как отмечает Р.Ф. Степаненко, от отечественного понимания права и государства [6]. Напротив, именно право и его ценностно-мировоззренческие предпосылки должны лежать в основе социально-экономической политики, «ибо ни одно экономическое отношение не может существовать без своей правовой формы... Действительным объективное право становится, если оно находит свое выражение в актах целенаправленной предметно-практической деятельности людей, в их конкретных производственных, распределительных и иных экономических... отношениях» [7, с. 4], подчеркивает известный и авторитетный теоретик права В.М. Сырых.

Как писал выдающийся русский философ и правовед Е.Н. Трубецкой: «В самом деле, государство есть, прежде всего, правовая организация, союз людей, связанных между собою общими началами прав; ясное дело, следовательно, что понятие государства уже предполагает понятие права» [8, с. 12]. Поэтому закрепленное в Конституции РФ положение о правовом государстве выдвигает на первое место необходимость реализации такого его принципа, как формальное равенство и верховенство права в так называемом материальном смысле, что сочетается в полной мере с принципом социального государства. Последний означает, с одной стороны, разумное и справедливое перераспределение полученных государством доходов в пользу адресной поддержки социально-уязвимых слоев населения, а с другой – свободное развитие возможностей трудоспособного населения, молодежи, предпринимательство и т.д. При этом в обязанности государства входит обеспечение любых не запрещенных законом видов деятельности и их защита от возможного вмешательства должностных лиц, организаций и граждан. Характер государственных гарантий социально-экономических прав граждан отражается в социальных программах, указах Президента, других нормативных правовых актах, что требует от государства не только признания, соблюдения, защиты этих прав, но и активной позитивной деятельности, формулы которой должны содержаться в научно обоснованных стратегиях правовой экономической политики социального государства.

Обсуждение и заключения

Обсуждение проблемы определения целей и задач правовой экономической политики социального государства в общетеоретическом и прикладном аспектах приводит нас к формулированию следующих выводов и заключений, в которых целями рассматриваемого самостоятельного направления правовой политики являются:

- соблюдение и защита социально-экономических прав и свобод граждан, установленных и гарантированных действующей Конституцией Российской Федерации;

- повышение уровня и качества жизни граждан России, приумножение общественных благ и благосостояния государства.

Для реализации этих целей важно решение следующих задач:

- оказание помощи социально незащищенным слоям населения путем установления реальных, соответствующих социально-значимым стандартам размеров пенсий, пособий, стипендий и иных социальных выплат, а также их своевременная индексация в установленных законодательством параметрах;

- эффективное правовое обеспечение экономической деятельности путем реализации и совершенствования законодательного массива и договорного правового регулирования;

- минимизация негативного влияния «теневой экономики», коррупции, неосновательного обогащения, несправедливого перераспределения доходов и иных неправовых явлений на социально-экономическую сферу посредством эффективной правотворческой и правоприменительной деятельности;

- поддержка и реализация социально-экономических потребностей и интересов трудоспособного населения, оказание содействия в получении образования, предоставление помощи малому и среднему предпринимательству, поддержка самозанятых и иных социально важных для общества и государства сфер деятельности;

- проведение федеральной и региональной правовой экономической политики в соответствии с целями и задачами развития правового, демократического, социального государства, основанной на справедливом и пропорциональном распределении средств федерального бюджета и т.д.

Для научного концептуального обоснования целей и задач правовой экономической политики социального государства необходимо, помимо междисциплинарного изучения и объяснения данных вопросов, также использовать и междисциплинарный подход, значение которого для развития современной правовой науки сегодня возрастает. Для практической реализации отмеченных целей и задач важным является всенародное обсуждение поправок, предлагаемых в Основной закон России, и их закрепление в нормах конституционного законодательства. Это также отмечалось и в монографическом исследовании «Стратегии правового развития России» [9], что является актуальным для современной правовой реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права (вступительная статья, комментарий д-ра юрид. наук, профессора Ю.И. Гревцова). 2-е изд., доп. СПб., 2004. 224 с.
2. Рыбаков О.Ю. Методологическое значение теории правовой политики // Юридическая наука. 2017. № 4. С. 50 – 53.
3. Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Правовая политика как управление позитивным правом: новая версия теории правовой политики // Lex russica (Русский закон). 2015. Т. 100. № 3. С. 7 – 18.
4. Степаненко Р.Ф. Общеправовая теория маргинальности о проблеме правового регулирования социально-экономических отношений // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. № 4. С. 43 – 53.
5. Солдатова А.В. Социальное законодательство современной России: основные тенденции развития // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы XV Международной научно-практической конференции. В 3-х томах. Тольятти 2018. Т.1. С. 46 – 49.
6. Степаненко Р.Ф. Правовое содержание концепции поведенческой экономики: проблемы методологии междисциплинарности // Предпринимательская деятельность в поведенческой экономике: формы реализации и механизмы обеспечения: материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции / под редакцией Н.М. Прусс, А.Н. Грязнова. Казань, 2019. С. 268 – 275.
7. Сырых В.М. Материалистическая философия частного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 552 с.
8. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 232 с.
9. Рыбаков О.Ю. и др. Стратегии правового развития России: коллективная монография. М.: ЮСТИЦИЯ, 2015. 624 с.
10. Матузов Н.И. Понятие и основные приоритеты российской правовой политики // Правоведение. 1997. № 4. С. 6 – 17.

REFERENCES

1. Muromcev S.A. Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava (vstupitel'naya stat'ya, kommentarij d-ra yurid. nauk, professora Yu.I. Grevcova). 2-e izd., dop. SPb., 2004. 224 s.
2. Rybakov O.Yu. Metodologicheskoe znachenie teorii pravovoj politiki // Yuridicheskaya nauka. 2017. № 4. S. 50 – 53.
3. Rybakov O.Yu., Tihonova S.V. Pravovaya politika kak upravlenie pozitivnym pravom: novaya versiya teorii pravovoj

politiki // Lex russica (Russkij zakon). 2015. T. 100. № 3. S. 7 – 18.

4. Stepanenko R.F. Obshchepравovaya teoriya marginal'nosti o probleme pravovogo regulirovaniya social'no-ekonomicheskikh otnoshenij // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2014. T. 156. № 4. S. 43 – 53.

5. Soldatova A.V. Social'noe zakonodatel'stvo sovremennoj Rossii: osnovnye tendencii razvitiya // Tatishchevskie chteniya: aktual'nye problemy nauki i praktiki: materialy XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 3-h tomah. Tol'yatti 2018. T.1. S. 46 – 49.

6. Stepanenko R.F. Pravovoe sodержanie koncepcii povedencheskoj ekonomiki: problemy metodologii mezhdisciplinarnosti // Predprinimatel'skaya deyatel'nost' v povedencheskoj ekonomike: formy realizacii i mekhanizmy obespecheniya: materialy ezhegodnoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod redakciej N.M. Pruss, A.N. Gryaznova. Kazan', 2019. S. 268 – 275.

7. Syryh V.M. Materialisticheskaya filosofiya chastnogo prava: monografiya. M.: Yurlitinform, 2014. 552 s.

8. Trubeckoj E.N. Lekcii po enciklopedii prava. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2019. 232 s.

9. Rybakov O.Yu. i dr. Strategii pravovogo razvitiya Rossii: kollektivnaya monografiya. M.: YuSTICIYa, 2015. 624 s.

10. Matuzov N.I. Ponyatie i osnovnye priority rossijskoj pravovoj politiki // Pravovedenie. 1997. № 4. S. 6 – 17.

Об авторе:

Садыков Искандер Анварович, аспирант кафедры теории и истории государства и права Университета управления «ТИСБИ»

email: skansad@mail.ru

© Садыков И.А., 2020

About the author:

Sadykov Iskander A., Post-Graduate Student of Theory and History of State and Law of "University Of Management "TISBI"

email: skansad@mail.ru

Статья получена: 31.03.2020. Статья принята к публикации: 23.06.2020.

Статья опубликована онлайн: 29.06.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 340.111

DOI: 10.37973/KUI.2020.68.26.004

А.В. Скоробогатов, А.В. Краснов

РОЛЬ ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ В ПРАВОВОМ ВОЗДЕЙСТВИИ

ROLE OF LAW PRINCIPLES IN LAW EXPOSURE

Введение: в статье исследуются правовые принципы как несущие конструкции правовой материи, обозначающие связи права с правовой системой, закрепляющие превалирующие в обществе социальные и правовые ценности, а также обеспечивающие правовое взаимодействие субъектов.

Материалы и методы: источниками исследования послужили действующее законодательство России и судебная практика. В работе используются философские методы исследования постклассического порядка (феноменологический, синергетический), общенаучные методы (общелогические, системно-структурный, исторический), частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты исследования: по мнению авторов статьи, правовые принципы рассматриваются в онтологическом плане как фундаментальная форма права, отражающая когнитивный аспект правовой реальности; в гносеологическом измерении – как фундаментальная категория, определяющая особенности интерпретации правовой реальности; в аксиологическом плане воплощают систему правовых и социальных ценностей.

Обсуждение и заключения: правовые принципы отличаются смешанной, объективно-субъективной природой, отражая как объективные закономерности развития отношений, так и результаты социального конструирования правовой реальности. Как результат – они выступают ведущим детерминирующим фактором в отношении правового воздействия.

Ключевые слова: правовой принцип, правовое воздействие, правовое регулирование, правовая реальность, постклассическая методология, форма права, правовая ценность, легитимация прав

Для цитирования: Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Роль правовых принципов в правовом воздействии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 170 – 176. DOI: 10.37973/KUI.2020.68.26.004

Introduction: the article investigates legal principles as bearing structure of the legal matter that denote the connection between law and legal system and strengthen prevailing social and legal values and ensure interaction of the subjects.

Materials and Methods: the main sources of the article are Russian legal and judicial practice. The article is written on the basis of postclassical methodology (phenomenological and synergetic approaches), general scientific methodology (general logical, system and structural, historical approaches), special scientific methodology (legal and comparative legal approaches).

Results: according to the authors' point of view legal principles within ontology are considered as fundamental form of the law that reflects cognitive aspect of legal reality, in gnoseological value – as fundamental category defining specifics of legal reality interpretations, in axiological aspect – embody the system of legal and social values.

Discussion and Conclusions: law principles are combined, objective and subjective, reflect both objective evolution of the relationship and the results of social construction of legal reality. They are the leading determinative factor in legal influence.

Keywords: law principle, law impact, law regulation, law reality, post-classical methodology, form of law, law value, legitimation of legal

For citation: Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. Role of Law Principles in Law Exposure // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 1. P. 170 – 176. DOI: 10.37973/KUI.2020.68.26.004

Введение

Осмысление сущности, содержания и значения правовых принципов в правовом регулировании и воздействии является одной из важнейших проблем современной юридической науки. Пристальное внимание ученых к данной проблеме связано с тесной связью этой категории на когнитивном и функциональном уровне с содержанием и развитием правовой и социальной реальности. Именно принципы определяют связь правовой системы с другими областями общественной жизни и обуславливают ценностное отношение человека к окружающему миру, его ориентацию на включенность в правовое и социальное взаимодействие. Несмотря на устойчивый научный интерес к этой проблеме, преимущественно изучаются либо отдельные принципы, либо значение принципов для отдельных отраслей и институтов права.

Материалы и методы

В качестве основных источников выступили действующее законодательство и материалы судебной практики, которые позволяют наиболее полно раскрыть особенности нормативного закрепления и реализацию правовых принципов в правовой реальности России. Анализ и интерпретация обозначенных источников были осуществлены на основании использования постклассической методологии, ориентированной на междисциплинарную интеграцию методов исследования, разработанных как в рамках юриспруденции (формально-юридический, сравнительно-правовой), так и заимствованных из социальной философии (феноменологический, синергетический).

Обзор литературы

Общетеоретическое и философско-правовое исследование правовых принципов, как правило, происходило в рамках марксистской и позитивистской парадигмы. В частности, в советский период развития правовой науки превалировало понимание правовых принципов как исходных, определяющих идей, положений, составляющих основу возникновения, развития и функционирования права [1, с. 11]; либо объективных начал построения системы права [2, с. 22-23], нормативно-руководящих положений [3, с. 21]; основных черт права, определяющих его содержание [4, с. 69].

В последние десятилетия подобные трактовки принципов как идей [5, с. 70], начал правового регулирования [6, с. 24] не утратили популярность

в научном сообществе, однако стали появляться попытки значительного переосмысления сущности правовых принципов как явлений правосознания [7, с. 26], первоначальных абстрактных регуляторов, придающих правовому регулированию отношений всесторонность [8], а также фундаментальных форм права, определяющих его сущность и используемых в качестве правового регулятора общественных отношений [9, с. 307].

Результаты исследования

Трудности современного научного восприятия правовых принципов в аксиологическом плане в значительной степени связаны с неопределенностью понятийно-категориального аппарата и недостаточной изученностью сущности правовых принципов в контексте их роли как ценностного основания в правовом регулировании.

По нашему мнению, исследование правовых принципов не должно ограничиваться юридическим аспектом, поскольку принцип выступает в качестве философско-правовой категории. Это определяет понимание правового принципа не только онтологически, но также аксиологически и гносеологически. Только в этом случае мы сможем рассмотреть как когнитивное, так и функциональное значение принципов в правовом регулировании.

Правовой принцип на онтологическом уровне является фундаментальной формой права, которая отражает когнитивный аспект правовой реальности и способствует обеспечению целенаправленности процессов правообразования и правореализации. Правовой принцип в гносеологическом аспекте можно рассматривать как фундаментальную категорию, определяющую особенности анализа, интерпретации и оценки правовой реальности на основе постклассического методологического инструментария. В аксиологическом отношении правовой принцип отражает конвенциональность развития, функционирования и рефлексии (индивидуальной, групповой и социальной) правовой реальности и выступает в качестве ценностной системы.

Правовые принципы обеспечивают гармонизацию правовой реальности, единство ее ценностного восприятия всеми субъектами права. Их закрепление в Конституции РФ и иных нормативных правовых актах обеспечивает верховенство права и формирует единство правотворческого и правоприменительного

процесса [10]. Правовые принципы выступают в качестве критерия оценки правовой системы и методологической основой правового прогресса. Именно принципы определяют легитимность и легальность правового регулирования, способствуют повышению его эффективности.

Предельно обобщенный характер правовых принципов позволяет говорить об их определяющей роли не только в правовом регулировании, но и в правовом воздействии в целом. Это связано с тем, что их содержание способно воздействовать на сознание субъектов информационно и психологически как до того, как они вступили в правовые отношения, так и в момент их участия в правоотношениях, в силу базовой легитимирующей и легализующей роли принципов как регуляторов, закрепляющих самые общие представления о моделях поведения, которые транслируются субъектами и являются основой для их ожидания поведения со стороны других лиц.

Именно принципы позволяют государству воздействовать на сознание и поведение людей наиболее эффективным образом с целью формирования ценностной основы легитимации законодательства и обеспечения правопорядка с минимально возможным применением принуждения.

Правовые принципы являются концентрированным выражением ценностных оснований правовой реальности [11]. Они обеспечивают перевод на юридический язык социальных интересов и закрепляют единство когнитивного и функционального образа права. Объективно-субъективная природа правовых ценностей позволяет им в равной степени являться отражением сложившихся в обществе норм и ценностей и результатом конструктивистской деятельности более или менее широких по составу референтных групп по созданию формального правового массива. Однако и в последнем случае принципы отражают социальный правовой опыт, сложившийся в процессе не только внутригрупповой, но и межгрупповой коммуникации, позволяя легитимировать законодательство [12].

Императивный характер правовых принципов является методологической основой функционирования государственного механизма. В первую очередь речь идет о законодательных органах, задачей которой является не только формирование законодательства на основе

формального закрепления правовых принципов в юридической норме, но и их наполнение конкретным содержанием в соответствии с интересами и уровнем развития данного социально-культурного хронотопа. Однако конструирование нормативного массива на основе правовых принципов как формально, так и содержательно еще не означает признания их методологической роли в правовом воздействии. Как правило, национальное законодательство, в т.ч. российское, не содержит легальной дефиниции правового принципа в целом и не дает дефиниций конкретных правовых принципов. Определение общепризнанных принципов международного права, данное Пленумом Верховного Суда РФ, как основополагающих императивных норм международного права, принимаемых и признаваемых международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо¹, носит ярко выраженный нормативистский характер и отождествляет принципы с императивными нормами, тем самым не давая раскрыть иные грани их правового бытия. Отсутствие четкого определения правовых принципов не только порождает различие в доктринальном понимании содержания и назначения принципов, но и осложняет их применение в правотворческой и правоприменительной деятельности [13]. Закрепление понятия и содержания правовых принципов на уровне конституционного законодательства при условии их корреляции с правовыми ценностями позволит существенно повысить легитимацию не только правотворчества, но и правоприменения.

Конечно, нормативное определение правовых принципов не означает автоматического перехода этой категории из когнитивной сферы в функциональную. Однако это позволяет усилить внутреннее единство правовой системы и обеспечить процесс создания и поддержания правопорядка фундаментом не только онтологически, но и аксиологически. Восприятие принципов как ценностных ориентиров всеми субъектами правовой реальности означает формирование экзистенциального императива правового статуса и социальной роли физических и юридических лиц как условия правового прогресса.

В связи со сказанным достаточно своевременным выглядит предложение Президента РФ, высказанное им в рамках

¹ О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

Послания Федеральному Собранию РФ 15 января 2020 г.¹, и предпринятые впоследствии меры по формированию ряда социальных поправок в Конституцию РФ². Тем самым предпринимается попытка усилить и конкретизировать содержание принципов социального государства (ст. 7 Конституции РФ) в иных конституционных нормах. Однако конкретизация содержания правовых принципов на уровне правотворчества не будет означать однозначного последующего усиления их действия на уровне правоприменения: в таком случае необходимым представляется также формирование соответствующих практик на уровне Пенсионного фонда РФ, а также органов государственной социальной защиты, что требует принятия целого комплекса мер, в том числе по усилению этического, а также антикоррупционного регулирования.

Правовые принципы отражают и закрепляют необходимые и существенные социальные связи, что позволяет обеспечить бесконфликтное сосуществование членов определенного сообщества (социальная группа, общество). В зависимости от того, являются ли эти принципы результатом конструирования личностью, референтной группой или обществом, можно судить о правовом режиме государства. Чем шире социальные интересы, которые выражают правовые принципы, чем больше степень их легитимности, тем более демократическим является государство.

Конструирование содержания правовых принципов имеет место в большей степени в тех случаях, когда речь идет о существенном реформировании правовой системы. В этом случае либо происходит конструирование принципов на базе выбранной модели развития общества (например, в период становления и развития советского социалистического права), либо осуществляется заимствование, в т.ч. в форме прямого трансфера, правовых принципов и положений зарубежного законодательства (как это имело место в ряде отраслей отечественного законодательства в 1990-е гг.) [14].

Правовое воздействие принципов на человека и общество заключается также в ценностном влиянии на формирование правовой культуры. Восприятие индивидом правовых принципов в процессе правовой социализации, прежде всего вторичной, обеспечивает его правовую идентификацию и социальную адаптацию [15].

Это, в свою очередь, повышает эффективность внутригрупповой и межгрупповой правовой коммуникации как горизонтального, так и вертикального характера.

Правовые принципы являются отправной точкой в правотворческой деятельности как в процессуальном, так и в материальном смысле. С одной стороны, правотворческий процесс подчинен определенным принципам, которые сформулированы юридической техникой. Это позволяет осуществлять подобную деятельность не только целенаправленно и единообразно, но и легитимно. С другой стороны, правовые принципы выступают методологическим фундаментом правотворческой инициативы и содержания разработанных законопроектов. Учет в правообразовании правовых принципов обеспечивает легитимность законодательства и обеспечивает эффективность его применения [16].

Соблюдение этих требований как на уровне конституционного, так и отраслевого законодательства призвано обеспечить единство правовой системы структурно и содержательно. Использование правовых принципов в процессе правотворчества обеспечивает баланс между стабильностью и динамизмом правового регулирования, сочетание правовой традиции и правовых заимствований в этом процессе. Равновесное отношение в процессе правообразования к индивидуальным, групповым и общественным интересам максимально широкого круга субъектов права позволяет создать законодательство, ценностно отвечающее их потребностям, существующим в границах определенного социально-культурного хронотопа [17]. При этом изменения отраслевого законодательства будут вытекать и определяться развитием и состоянием конституционного права.

В то же время игнорирование принципов при формировании правовой системы приводит не только к значительному числу коллизий в законодательстве, но и к усилению таких негативных явлений, как правовой нигилизм и правовой инфантилизм, причем и на уровне правосознания, и на уровне правового поведения. Следование правовым принципам, в свою очередь, дает возможность избежать коллизионности в правовом регулировании и правовом воздействии за счет апеллирования к основополагающим требованиям по отношению к моделям поведения, а прямое их применение в качестве правового

¹Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 20.01.2020).

²Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

регулятора также позволяет увеличить объем беспробельного регулирования, поскольку наличие правового принципа само по себе дает возможность вынесения правоприменительного решения.

Правовые принципы определяют содержание и тенденции развития не только законодательства, но и правовой системы в целом, тем самым выполняя роль правообразующей категории [18]. Благодаря принципам правовая материя приобретает формально выраженный и систематизированный характер, позволяющий эффективно осуществлять правовое регулирование общественных отношений. Правовые принципы имеют аксиоматический приоритет над юридическими нормами, которые являются лишь отражением принципов, средством их конкретизации и формализации.

Функциональное значение правовых принципов определяется не только их ценностным восприятием в правовой культуре и законодательстве, но и реализацией в юридической практике. Они выступают доктринальной основой при принятии правоприменительного решения, отражая усмотрение правоприменителя [19]. С этим связано расширение применения принципов в правоприменительной, прежде всего судебной деятельности. Предельная абстрактность правовых принципов оставляет судам достаточную свободу усмотрения и оценок в процессе разрешения конкретных дел и позволяет участвовать в правовом регулировании не только в качестве правоприменительного, но и правотворческого органа. Можно выделить несколько направлений применения правовых принципов в судопроизводстве. Во-первых, это применение принципов при вынесении решения по конкретному делу. Во-вторых, применение правовых принципов для устранения пробелов в действующем законодательстве. В-третьих, происходит наполнение правового принципа, указанного в законодательстве, конкретным юридическим содержанием. В-четвертых, возможно прямое указание на несоответствие нормативных правовых актов и конкретных юридических норм требованиям правовых принципов с последующей утратой силы положений такого рода. Отметим, что вторая ситуация встречается гораздо чаще, однако применение принципа напрямую при отсутствии пробела не только возможно, но и необходимо для усиления правоприменительной позиции.

Исходя из вышесказанного, принципы в функциональном контексте можно рассматривать как инструменты интеграции ценностей и действительных отношений в обществе в правопорядок, придания последнему легитимного характера.

Обращение к правовым принципам в судебном процессе позволяет институализировать и конкретизировать правовые ценности. С этим связана не только регулятивная, но и правоинтерпретационная деятельность судов. Именно применение принципов при толковании юридических норм позволяет судье не только сконструировать легальное решение, но и обеспечить его легитимацию [20].

Понимание роли правовых принципов в регулировании общественных отношений позволяет правоприменительному органу транслировать ценностное содержание юридической нормы на уровень конкретного правоотношения. При этом не только обеспечивается единообразное понимание нормы на правотворческом и правореализационном уровне правовой реальности, но и обеспечивается ее функциональная гармонизация [21].

Как отмечают представители социологической теории права, законодательство не способно оперативно реагировать на изменение общественных отношений и не способно урегулировать все проявления общественных отношений. С этим связано не только наличие в нормативном массиве пробелов, но и наличие неопределенностей, разрешать которые призваны суды в процессе применения юридической нормы к разрешению конкретного дела. Однако роль суда при разрешении таких неопределенностей, как правило, не закреплена в тексте закона и связана с его пониманием норм и принципов и готовностью к их применению на практике. В большей степени это характерно для стран, принадлежащих к англо-американской правовой семье. Однако, как мы отметили выше, и в рамках российской правовой системы судебные органы повышают определенность правового регулирования различными средствами: и прямым применением принципов, и официальным толкованием, и посредством нормоконтроля.

Обсуждение и заключения

Таким образом, правовые принципы имеют дуальную природу. С одной стороны, они выступают как отражение исторически развивающейся внутригрупповой и межгрупповой правовой коммуникации. С другой стороны, они выступают в качестве конвенционального результата социального конструирования правовой реальности. Это определяет их ведущую роль в правообразовании и правоприменении. Правовые принципы определяют не только особенности осуществления правового регулирования, но и содержание и основные направления правового воздействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Явич Л.С. Право развитого социалистического общества. Сущность и принципы. М.: Юридическая литература, 1978. 224 с.
2. Лукашева Е.А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 21 – 29.
3. Александров Н.Г. Социалистические принципы советского права // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 16 – 29.
4. Сабо И. Социалистическое право / под ред. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1964. 396 с.
5. Толстик В.А. Общеизвестные принципы и нормы международного права в правовой системе России // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 66 – 71.
6. Осипов М.Ю. Принципы правового регулирования и их социально-юридическая обусловленность // Право и государство: теория и практика. 2006. № 12. С. 24-30.
7. Скурко Е.В. Принципы права: монография. М.: Ось-89, 2008. 192 с.
8. Панченко В.Ю., Власенко В.Н. Принципы и нормы права как абстрактные и конкретные правовые регуляторы // Российское правосудие. 2020. № 1. С. 14 – 21.
9. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП, 2018. 628 с.
10. Benditt T.M. Law as Rule and Principle: Stanford: Stanford University Press, 1978. 195 p.
11. Ovchinnikov A., Mamychyev A., Mamychyeva D. Sociocultural Bases of State-Legal Development Coding // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. No 3. S.4. P. 67 – 74. DOI: doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n3s4p67.
12. Smejkalová T., Štěpániková M. Law for Elites // Studies in Logic, Grammar and Rhetoric. 2020. Vol. 59. No 1. P. 47 – 68. DOI: doi.org/10.2478/slgr-2019-0028.
13. Sunstein C. On the Expressive Function of Law // University of Pennsylvania Law Review. 1996. № 144 (5). P. 2021 – 2053.
14. Скоробогатов А.В. Правовые заимствования как средство совершенствования национальной правовой системы // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12. № 1. С. 77 – 88.
15. Гуляихин Н.Н. Вторичная правовая социализация человека // Право и политика. 2011. № 9 (141). С. 1583 – 1590.
16. Краснов А.В. Легитимность права: аксиологический аспект // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. С. 87 – 90.
17. Барабошина Н.В. К методологическому обоснованию понятия «хронотоп» // Вестник ОГУ. 2012. № 7(143). С. 243 – 247.
18. Колодий А.Н. Принципы права: генезис, понятие, классификация, место и роль в правовой системе Украины // Право Украины. 2013. № 1. С. 68 – 79.
19. Павлов В.И. Правоприменительное усмотрение как искусство и антропологическая практика // Правоприменение как искусство и наука: материалы десятых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / отв. ред. и сост. В.Г. Графский. М.: Норма, 2016. С. 156 – 163.
20. Schenck M.J. Reading Law as Literature, Reading Literature as Law: A Pragmatist's Approach // Cahiers de recherches médiévales et humanistes. 2013. № 25. P. 9 – 29. DOI: doi.org/10.4000/crm.13061.
21. Van Hoecke M. Judicial Review and Deliberative Democracy: A Circular Model of Law // Creation and Legitimation Ratio Juris. 2001. Vol. 14. No 4. P. 415 – 423. DOI: doi.org/10.1111/1467-9337.00190.

REFERENCES

1. YAvich L.S. Pravo razvitogo socialisticheskogo obshchestva. Sushchnost' i principy. M.: YUridicheskaya literatura, 1978. 224 s.
2. Lukasheva E.A. Principy socialisticheskogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1970. № 6. S. 21 – 29.
3. Aleksandrov N.G. Socialisticheskie principy sovetskogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1970. № 6. S. 16 – 29.
4. Sabo I. Socialisticheskoe pravo / pod red. V.A. Tumanova. M.: Progress, 1964. 396 s.
5. Tolstik V.A. Obshchepriznannye principy i normy mezhdunarodnogo prava v pravovoj sisteme Rossii // ZHurnal rossijskogo prava. 2000. № 8. S. 66 – 71.
6. Osipov M.YU. Principy pravovogo regulirovaniya i ih social'no-yuridicheskaya obuslovlennost' // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2006. № 12. S. 24 – 30.
7. Skurko E.V. Principy prava: monografiya. M.: Os'-89, 2008. 192 s.
8. Panchenko V.YU., Vlasenko V.N. Principy i normy prava kak abstraktnye i konkretnye pravovye regulatory // Rossijskoe pravosudie. 2020. № 1. S. 14 – 21.
9. Ershov V.V. Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennyh otnoshenij: monografiya. M.: RGUP, 2018. 628 s.
10. Benditt T.M. Law as Rule and Principle: Stanford: Stanford University Press, 1978. 195 p.
11. Ovchinnikov A., Mamychyev A., Mamychyeva D. Sociocultural Bases of State-Legal Development Coding // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. No 3. S.4. P. 67 – 74.

12. Smejkalová T., Štěpáníková M. Law for Elites // *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*. 2020. Vol. 59. No 1. P. 47 – 68.
13. Sunstein C. On the Expressive Function of Law // *University of Pennsylvania Law Review*. 1996. № 144 (5). P. 2021 – 2053.
14. Skorobogatov A.V. Pravovye zaimstvovaniya kak sredstvo sovershenstvovaniya nacional'noj pravovoj sistemy // *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. 2018. T. 12. № 1. S. 77 – 88.
15. Gulyaihin N.N. Vtorichnaya pravovaya socializaciya cheloveka // *Pravo i politika*. 2011. № 9 (141). S. 1583 – 1590.
16. Krasnov A.V. Legitimnost' prava: aksiologicheskij aspekt // *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii*. 2019. № 1. S. 87 – 90.
17. Baraboshina N.V. K metodologicheskomu obosnovaniyu ponyatiya «hronotop» // *Vestnik OGU*. 2012. № 7(143). S. 243 – 247.
18. Kolodij A.N. Principy prava: genezis, ponyatie, klassifikaciya, mesto i rol' v pravovoj sisteme Ukrainy // *Pravo Ukrainy*. 2013. № 1. S. 68 – 79.
19. Pavlov V.I. Pravoprimeritel'noe usmotrenie kak iskusstvo i antropologicheskaya praktika // *Pravoprimerenie kak iskusstvo i nauka: materialy desyatyh filosofsko-pravovyh chtenij pamyati akademika V.S. Nersesyanca / otv. red. i sost. V.G. Grafskij*. M.: Norma, 2016. S. 156 – 163.
20. Schenck M.J. Reading Law as Literature, Reading Literature as Law: A Pragmatist's Approach // *Cahiers de recherches médiévales et humanistes*. 2013. № 25. P. 9 – 29.
21. Van Hoecke M. Judicial Review and Deliberative Democracy: A Circular Model of Law // *Creation and Legitimation Ratio Juris*. 2001. Vol. 14. No 4. P. 415 – 423.

Об авторах:

Скоробогатов Андрей Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)
ORCID: 0000-0001-9139-5367

email: av.skorobogatov@mail.ru

Краснов Александр Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия ORCID 0000-0002-9934-4975

email: field08@mail.ru

© Скоробогатов А.В., 2020

© Краснов А.В., 2020

About authors:

Skorobogatov Andrey V., Doctor of History (Doctor habilitatus), Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Legal Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (EIML)
ORCID: 0000-0001-9139-5367

email: av.skorobogatov@mail.ru

Krasnov Alexandr V., Candidate of Laws (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor of The Theory and History of the Right and the State, Kazan branch of Russian University of Justice, ORCID 0000-0002-9934-4975

email: field08@mail.ru

Вклад авторов: Скоробогатов А.В. – разработка концепции статьи, методология исследования, написание философско-правовой части статьи, оформление статьи и списка литературы

Краснов А.В. – написание аннотации, обзор литературы, написание нормативно-правовой и правоприменительной части статьи, оформление сносок и списка литературы.

Статья получена: 22.02.2020. Статья принята к публикации: 23.06.2020. Статья опубликована онлайн: 29.06.2020. Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Д.М. Гараева

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ
ДЕЯНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЕМ
ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ**

OBSTRUCTING THE MEDICAL CARE: SOCIAL BACKGROUND

Введение: в рамках статьи рассматриваются особенности социальной обусловленности криминализации деяний, связанных с воспрепятствованием оказанию медицинской помощи в России.

Материалы и методы: материалами исследования послужили современное уголовное законодательство России, официальные данные Следственного комитета РФ об уголовных делах, связанных с тематикой статьи, за период с 2019 по 2020 гг., а также данные из средств массовой информации. Методологической основой исследования является диалектический метод познания социальных явлений, а также анализ, формально-логический метод, статистический и логико-юридический методы.

Результаты исследования: исследована социальная ситуация, сложившаяся в результате нападений на медицинских работников и воспрепятствования их деятельности, послужившая основанием для введения поправок в Уголовный кодекс РФ.

Обсуждение и заключения: обоснована необходимость наличия специальной нормы, защищающей жизнь и здоровье пациента посредством запрета воспрепятствованию медицинской деятельности.

Ключевые слова: преступления против жизни и здоровья, воспрепятствование оказанию медицинской помощи, совершение преступления в отношении лица в связи с осуществлением им служебной деятельности, нападения на медицинских работников

Для цитирования: Гараева Д.М. Социальные предпосылки криминализации деяний, связанных с воспрепятствованием оказанию медицинской помощи // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 177–181. DOI: 10.37973/KUI.2020.59.20.005

Introduction: the article deals with the features of the criminalization of acts related to the obstructing the medical assistance in the Russian Federation.

Materials and Methods: the study was based on current Russian criminal legislation, official data of the Investigative Committee of the Russian Federation and media. The methodological basis of the research was dialectical method of cognition of social phenomena, as well as analysis, the formal method, statistical and logic-legal methods.

Results: the social situation resulting from attacks on medical workers and obstruction of their activities which led to the introduction of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation was studied.

Discussion and Conclusions: the need for a special article protecting life and health of a patient by prohibiting obstruction of medical activity was justified.

Key words: crimes against life and health, obstructing the medical care, Commission of a crime against a person in connection with the performance of his official duties, attacks on health care workers

For citation: Garaeva D.M. Obstructing the Medical Care: Social Background // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 2. P. 177–181. DOI: 10.37973/KUI.2020.59.20.005

Введение

В последнее время в России участились случаи противодействия деятельности медицинских работников по оказанию помощи пациентам. Проявления такой тенденции находят свое выражение в разнообразных формах: от непредоставления преимущества в движении автомобилям скорой помощи до нанесения побоев медицинским работникам в связи с их служебной деятельностью.

Как известно, эти явления обусловили изменения в законодательстве. Федеральным законом от 26 июля 2019 года Уголовный кодекс РФ (УК РФ) был дополнен статьей 124.1 о воспрепятствовании оказанию медицинской помощи¹. Кроме того, диспозиции статей 115 и 119 УК РФ были дополнены квалифицирующим признаком, предусматривающим наказание за совершение соответствующих преступлений в отношении лица или его близких

в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга.

Актуальность исследования обусловлена увеличением числа нападений на медицинских работников и недостаточной теоретической разработанностью норм уголовного законодательства, предусмотренных статьями 124.1, а также поправок к статьям 115 и 119 УК РФ. Особую актуальность тема статьи приобретает в связи с возросшей социальной ценностью профессии врача в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19. В настоящее время жизнь медицинского работника максимально подвержена опасности не только со стороны правонарушителей, но и в связи с распространением коронавирусной инфекции: отмечается нехватка средств индивидуальной защиты, необходимых для работы в сложившейся ситуации. Следует отметить, что государство пытается защитить жизнь медицинского работника различными способами, в том числе и уголовно-правовыми средствами.

Обзор литературы

Поскольку рассматриваемые законодательные изменения не так давно вступили в силу, существует небольшое количество научных источников, посвященных указанной тематике. Имеющийся научный задел освещает несколько иные аспекты проблемы, касающиеся вопросов административной ответственности за рассматриваемые деяния, предупреждения таких деяний либо меры ответственности за них. В уголовно-правовой науке на момент написания статьи отсутствуют диссертационные исследования и монографии по исследуемой теме.

Проблемам воспрепятствования медицинской помощи и нападения на медицинских работников посвящены научные статьи А.А. Аветисяна и Е.В. Сильченко [1], С.В. Дубовиченко и В.П. Карлова [2], А.С. Поповой [3], К.П. Семенова [4], Е.С. Серогодской [5], Е.В. Тарасовой [6].

Материалы и методы

В качестве материалов исследования выступили нормы национального уголовного законодательства, предусматривающие уголовную ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи, а также за умышленное причинение легкого вреда здоровью и угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью лица в связи с осуществлением им служебной деятельности. При рассмотрении практических примеров были использованы официальные дан-

ные Следственного комитета РФ об уголовных делах, связанных с тематикой статьи, за период с 2019 по 2020 гг. Судебная практика по исследуемым статьям в силу их новизны находится только в процессе формирования, в связи с этим материалами изучения также послужили данные о предмете исследования из средств массовой информации.

Методологической основой исследования является диалектический метод познания социальных явлений, позволяющий рассматривать их в динамике и взаимосвязи. Автором также были использованы такие методы, как анализ, формально-логический метод, статистический и логико-юридический методы.

Результаты исследования

Социальная обусловленность криминализации деяний, связанных с созданием помех оказанию медицинской помощи и нападениями на медицинских работников, известна не только современной российской практике. Подобные случаи имели место и в советский период отечественной истории, однако специальной нормы, непосредственно направленной на охрану жизни и здоровья медицинских работников, не существовало в советской уголовно-правовой действительности, поскольку, как известно, уголовно-правовая охрана того периода была направлена на несколько иные общественные отношения.

В последнее время проблема нападения на врачей и создания препятствий их работе обострилась не только в российском правовом поле, но и в других странах. О всеобщем характере данной проблемы свидетельствует повышенный интерес к ней со стороны международных организаций. Так, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) еще в 2018 году обратила внимание на необходимость защиты работников медицинской сферы. Повышенный резонанс был связан с неоднократными случаями нападения на отдельных докторов и на учреждения системы здравоохранения. На официальном сайте ВОЗ представлено два доклада (2018 и 2019 годов) о необходимости создания системы контроля за нападениями на медицинских работников. В рамках докладов отмечается, что такие нападения лишают людей необходимого ухода, ставят под угрозу деятельность медицинских учреждений и подрывают систему здравоохранения². Все это свидетельствует о необходимости защиты работников здравоохранения, в том числе и уголовно-правовой.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников: Федеральный закон от 26.07.2019 № 206-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.02.2020).

² Нападения на систему здравоохранения // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/publications-detail/attacks-on-health-care-initiative-2019-2022/> (дата обращения: 21.04.2020).

Речь о необходимости криминализации рассматриваемого деяния зашла после ряда громких инцидентов, связанных с созданием помех бригадам скорой помощи. Одним из наиболее резонансных подобных случаев стал инцидент в Петропавловске-Камчатском. По материалам газеты «Комсомольская правда», 10 января 2017 года во дворе одного из домов города случился конфликт между бригадой скорой помощи и автолюбительницей, которая вместе с пассажиром своего авто пыталась отстоять право проезда по узкой проезжей части. Игнорируя требования медицинских работников о предоставлении им преимущества в проезде, девушка фактически стала виновницей смерти пациента, к которому спешила бригада медиков. После инцидента врачи объяснили, что именно автоледи стала помехой своевременному оказанию помощи пациенту¹.

Свое мнение по данному факту выразил пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков, который посчитал, что поведение девушки-водителя абсолютно недопустимо и должно получить соответствующую юридическую и правовую оценку².

Кроме того, в апреле того же 2017 года в Москве водитель заблокировал проезд транспортному средству скорой помощи, направлявшемуся для оказания помощи ребенку. Относительно данного происшествия приведем цитату официального представителя СК РФ Светланы Петренко: «Это далеко не первый случай воспрепятствования проезду машины скорой помощи. Более того, пугающе часто также происходят нападения на врачей». Также представитель ведомства подчеркнула, что действия виновных лиц представляют собой угрозу жизням людей³.

В данный момент проводятся следственные действия по инциденту в Республике Татарстан. Установлено, что 30 марта 2020 года в Казани водитель легкового автомобиля умышленно перекрыл проезд реанимационному автомобилю, доставлявшему в Республиканскую клиническую больницу находившегося в тяжелом состоянии

пациента. По мнению следствия, «в результате противоправных действий водителя легкового автомобиля медицинским работникам не удалось своевременно доставить пациента в больницу, что привело к его смерти»⁴. По результатам проверки Следственным комитетом РФ по Республике Татарстан возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 124.1 УК РФ (воспрепятствование оказанию медицинской помощи, повлекшее по неосторожности смерть пациента).

Правоприменительной практике известны случаи не только создания помех оказанию медицинской помощи, но и непосредственные нападения на врачей. Так, в октябре 2019 года бригада медиков оказывала помощь жителю Иркутска, находящемуся в состоянии алкогольного опьянения. В ходе возникшего между ним и сотрудниками скорой помощи конфликта правонарушитель нанес одному из врачей удар перочинным ножом, последствия которого были квалифицированы как легкий вред здоровью. Злоумышленник был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ⁵.

Дополнительную актуальность проблематика исследования приобретает в связи со сложившейся сегодня ситуацией, связанной с охраной здоровья населения в период распространения в России новой коронавирусной инфекции COVID-19. Так, 17 апреля 2020 года в городе Кирово-Чепецке Кировской области бригада скорой помощи приехала по вызову на дом для забора анализов на коронавирусную инфекцию. Фельдшера, возвращавшегося к машине скорой помощи, увидели двое пьяных жителей этого же дома и потребовали его назвать квартиру, в которой были взяты анализы. Получив отказ, правонарушители стали избивать медицинского работника. Как сообщается на официальном сайте «Российской газеты», по данному факту возбуждено уголовное дело по статье 116 УК РФ⁶.

Кроме того, в начале мая 2020 года в Центральном районе Санкт-Петербурга бригада скорой помощи приехала по вызову к инфицированной коронавирусом 73-летней пенсионерке. Ее 42-лет-

¹ Водителю, не пустившему машину «скорой» к умирающему пациенту на Камчатке, грозит лишение прав // Официальный сайт газеты «Комсомольская правда». URL: <https://www.spb.kp.ru/> (дата обращения: 12.03.2020).

² Песков: поведение водителя, не пропустившего скорую помощь, требует юридической оценки // Электронное периодическое издание «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/01/13/672901-povedenie-voditelya-trebuets-otsenki/> (дата обращения: 12.03.2020).

³ Глава СК поручил возбудить дело в отношении водителя, не пропустившего скорую в Москве // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/4204299/> (дата обращения: 18.03.2020).

⁴ В Республике Татарстан возбуждено уголовное дело о воспрепятствовании работе сотрудников скорой помощи // Официальный сайт Следственного Комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1454226/?pdf=1/> (дата обращения: 05.05.2020).

⁵ В Иркутске вынесен приговор по уголовному делу о нападении на врача скорой медицинской помощи // Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета РФ по Иркутской области. URL: <https://irk.sledcom.ru/news/item/1430951/> (дата обращения: 20.04.2020).

⁶ В Кировской области арестованы братья, избившие фельдшера скорой // Интернет-портал «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2020/04/23/reg-pfo/na-viatke-arestovany-bratia-izbivshie-feldshera-skoroj.html> (дата обращения: 26.04.2020).

ний сосед инициировал конфликтную ситуацию: повалил одного из врачей на пол, сорвал с него маску и порвал защитный костюм, чем подверг его угрозе заражения коронавирусом. Позже пресс-служба МВД сообщила, что по факту данного нападения на врачей скорой помощи возбуждено уголовное дело¹.

Уголовным законом предусмотрены специальные нормы, направленные на защиту жизни и здоровья отдельных категорий профессий. Речь идет о ст. 277 УК РФ («Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля»), ст. 295 УК РФ («Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование»), ст. 317 УК РФ («Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа»). На наш взгляд, значительным пробелом уголовного закона является упущение из поля зрения степени опасности деятельности медицинских работников (в частности, бригад скорой помощи), связанной с их профессиональной деятельностью. Возможно, введение специальной нормы, направленной на охрану жизни и здоровья самого медицинского работника, было бы целесообразным.

Также возможно проведение аналогии со статьями УК РФ, предусматривающими ответственность и за воспрепятствование определенным видам деятельности и за посягательство на жизнь субъекта такой деятельности.

Особенная часть УК РФ насчитывает 7 статей, наименование которых содержит термин «воспрепятствование». Одна из них – ст. 294 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования» – имеет в качестве объекта уголовно-правовой охраны общественные отношения по обеспечению судом правосудия. Более того, законодатель отдельной нормой защищает не только само правосудие, но и лиц, участвующих в его отправлении. Так, следующая статья этой же главы (ст. 295 УК РФ) в качестве объекта рассматривает посягательство на жизнь судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, защитника, эксперта, специалиста, судебного пристава, судебного исполнителя.

Безусловно, трудно переоценить общественную опасность указанных преступлений. Однако когда речь идет о медицинской деятельности как об объекте преступного посягательства, в частности, об оказании неотложной медицинской помощи, нельзя недооценивать степень и характер

опасности того положения, в которое такое посягательство ставит жизни и пациента, и самого врача. Грамотные действия лица, оказывающего помощь, непосредственно спасают жизни людей в экстренных ситуациях.

Нововведенной статьей 124.1 УК РФ законодатель ставит под уголовно-правовую защиту жизнь и здоровье пациента в связи с воспрепятствованием оказанию ему медицинской помощи. Если уголовный закон отдельной нормой не защищает саму жизнь врача, оказывающего такую помощь, то введением поправок в статьи 115 и 119 УК РФ он демонстрирует стремление защитить здоровье врача от нападений при осуществлении им служебной деятельности.

Важно отметить, что зачастую нападения на медицинских работников совершаются исключительно из хулиганских побуждений. Как правило, у нападающего лица нет оснований для выражения агрессии по отношению к врачу или для оказания сопротивления ему. Иными словами, у подобных посягательств отсутствует мотив, что придает им еще большую общественную опасность.

Вышеперечисленное свидетельствует, что наличие специальной нормы (ст. 124.1 УК РФ), не рассматривающей в качестве объекта посягательства жизнь и здоровье медицинского работника, но косвенно (через охрану жизни и здоровья пациента) защищающей самого врача, представляется вполне обоснованным.

Обсуждение и заключения

Таким образом, криминализация деяний, связанных с воспрепятствованием оказанию медицинской помощи и нападениями на медицинских работников, представляется обоснованной. Сложившаяся в России социальная ситуация ставит врачей в уязвимое положение, учитывая повышенную важность деятельности медицинских работников в современной эпидемиологической ситуации, когда жизнь каждого врача имеет особенно важное значение. Тем не менее, наблюдается тенденция увеличения числа нападений на них.

Несмотря на то, что уголовная репрессия напрямую не устранил агрессию в отношении врачей, однако, как известно, нормы уголовного права в качестве одной из своих основных функций имеют общую превенцию. Иными словами, наличие уголовного запрета зачастую является значительным сдерживающим фактором для правонарушителей.

¹ В Петербурге пьяный мужчина напал на врачей скорой при оказании помощи больной COVID-19 // Информационная группа «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/russia/707138/> (дата обращения: 03.05.2020).

² О дополнении и частичном изменении постановления Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР»: постановление Совета Министров РСФСР от 04.12.1974 № 624. URL: <http://okn-mk.mkrf.ru/maps/show/id/343291>. (дата обращения: 11.11.2019).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аветисян А.А., Сильченко Е.В. К вопросу об определении меры ответственности за воспрепятствование оказанию неотложной медицинской помощи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5. С. 101 – 104.
2. Дубовиченко С.В., Карлов В.П. Уголовная ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи: социальная обусловленность и критический анализ законодательных новелл // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. № 4. С. 175 – 184.
3. Попова А.С. Некоторые пробелы в законодательном регулировании защиты жизни и здоровья медицинских работников от противоправных действий пациентов и пути их преодоления // Алтайский юридический вестник. 2019. № 1 (25). С. 72 – 77.
4. Семенов К.П. Уголовно-правовая защита медицинского персонала от преступлений против личности // Мир юридической науки. 2017. № 8-9. С. 47 – 56.
5. Серогодская Е.С. Уголовно-правовой анализ воспрепятствованию оказанию медицинской помощи // Свобода и право. 2019. № 1. С. 17 – 18.
6. Тарасова Е.В. Проблема предупреждения насильственных преступлений, связанных с нападениями на персонал скорой медицинской помощи, целесообразность ужесточения уголовной ответственности за данные деяния // Студенческий вестник. 2018. № 9-2 (29). С. 45 – 47.

REFERENCES

1. Avetisyan A.A., Sil'chenko E.V. K voprosu ob opredelenii mery otvetstvennosti za vosprepyatstvovanie okazaniyu neotlozhnoj medicinskoj pomoshchi // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2018. № 5. S. 101 – 104.
 2. Dubovichenko S.V., Karlov V.P. Ugolovnaya otvetstvennost' za vosprepyatstvovanie okazaniyu medicinskoj pomoshchi: social'naya obuslovlennost' i kriticheskij analiz zakonodatel'nykh novell // Vestnik volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2019. № 4. С. 175 – 184.
 3. Popova A.S. Nekotorye probely v zakonodatel'nom regulirovanii zashchity zhizni i zdorov'ya medicinskih rabotnikov ot protivopravnykh dejstvij pacientov i puti ih preodoleniya // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2019. № 1 (25). S. 72 – 77.
 4. Semenov K.P. Ugolovno-pravovaya zashchita medicinskogo personala ot prestuplenij protiv lichnosti // Mir yuridicheskoy nauki. 2017. № 8-9. С. 47 – 56.
 5. Serogodskaya E.S. Ugolovno-pravovoj analiz vosprepyatstvovaniyu okazaniyu medicinskoj pomoshchi // Svoboda i pravo. 2019. № 1. S. 17 – 18.
- Tarasova E.V. Problema preduprezhdeniya nasil'stvennykh prestuplenij, svyazannyh s napadeniyami na personal skoroy medicinskoj pomoshchi, celesoobraznost' uzhestocheniya ugolovnoj otvetstvennosti za dannye deyaniya // Studencheskij vestnik. 2018. № 9-2 (29). S. 45 – 47.

Об авторе:

Гараева Дина Мирзануровна, адъюнкт Казанского юридического института МВД России
email: dinagaraeva97@gmail.com

© Гараева Д.М., 2020

About the author: Garajeva Dina M., Postgraduate, the Kazan Law Institute of MIA of Russia
email: dinagaraeva97@gmail.com

Статья получена: 19.05.2020. Статья принята к публикации: 23.06.2020.
Статья опубликована онлайн: 29.06.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.3/7

DOI: 10.37973/KUI.2020.38.93.006

Д.В. Голенко

**СТАТЬЯ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ,
ПОСТРОЕНИЕ**

**ARTICLE OF THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Введение: настоящее исследование посвящено изучению понятия, содержания и правил построения базового элемента уголовного закона – статье. В период непрекращающегося реформирования уголовного законодательства актуальным является вопрос о технике построения непротиворечивого нормативного правового акта, надлежащим образом регулирующего общественные отношения. В доктрине уголовного права предложены различные рекомендации по конструированию структурных элементов уголовного закона.

Материалы и методы: нормативную правовую базу исследования составили уголовные кодексы советского периода, действующий уголовный закон. В качестве эмпирической базы выступают судебная практика и официально опубликованная судебная статистика. При проведении исследования и формулировании выводов применены диалектический метод, общенаучный, сравнительный метод, исторический, системно-правовой, формально-логический, сравнительного правоведения, а также социологические методы.

Результаты исследования: определены понятие, содержание статьи Особенной части уголовного закона. Изучены возможные виды статей. Предложены авторские классификации по различным основаниям. Обозначены правила и тенденции в построении статей современного уголовного закона.

Обсуждение и заключения: в работе отражены проблемы, требующие дальнейшего обсуждения, связанные с построением Особенной части уголовного закона. Обозначена необходимость выработки концепции построения логичного, лаконичного и научно обоснованного уголовного закона. Сформулированы некоторые рекомендации по построению изучаемого структурного элемента.

Ключевые слова: статья уголовного закона, законодательная техника, норма уголовного права, состав преступления

Для цитирования: Голенко Д.В. Статья Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: понятие, виды, построение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 182 – 186. DOI: 10.37973/KUI.2020.38.93.006

Introduction: the work highlights the study of the concept, content and rules of formation of the basic element of the Criminal Law – Article. In the continuing reforming of the Criminal Law the issue on the formation technique of consistent legal act that regulates social regulations. Criminal law doctrine suggests various recommendations on the Criminal Law structural element construction.

Materials and Methods: the regulatory legal framework of the study was composed of the Criminal Codes of the period from 1922 – 1996, the current Criminal Law. The empirical base is the case law and officially published juridical statistics. When conducting research and formulating conclusions, the following methods were applied: the dialectic method, the general scientific, comparative method, the historical, system-legal, formal-logical, comparative law, as well as sociological methods.

Discussion and Conclusions: the article identifies problems requiring further discussion related to the construction of the Special Part of the Criminal Law. The necessity of developing a concept of building a logical, concise and scientifically based criminal law is indicated.

Results: the concept and content of the article of the Special Part of the Criminal Law are defined. Possible types of articles have been studied. Author's classification is proposed for various reasons. The trends identified in the construction of the Articles of the modern Criminal Law. Recommendations on the construction of the studied structural element are formulated.

Key words: article of criminal law, legislative technique, norm of criminal law, corpus delicti

For citation: Golenko D.V. Article of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 2. P. 182 – 186. DOI: 10.37973/KUI.2020.38.93.006

Введение

Особенная часть современного уголовного закона представляет собой систему взаимосвязанных элементов. В качестве ее структурных компонентов можно выделить разделы, главы и статьи. На протяжении более 20 лет количество и наименование разделов и глав в Особенной части российского уголовного закона остаются неизменными. Элементом, который в современных условиях подвержен перманентному изменению, является статья.

Актуальность темы исследования подтверждается тем, что статьи находятся в непрекращающемся процессе трансформации. Изменяется не только их структура, но и содержание, вводятся новые статьи, утрачивают силу ранее действовавшие. Эмпирические данные свидетельствуют о практической значимости исследования. Так, если на момент принятия уголовного закона Особенная часть содержала 256 статей, то к апрелю 2020 года их насчитывается уже 368. Только с начала апреля 2020 года в статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) пятью федеральными законами были внесены изменения, а также введено три новых статьи. За весь период действия УК РФ утратили силу 11 статей Особенной части. Наблюдается тенденция стремительного увеличения объема Особенной части в связи с появлением новых статей. Значимость исследования, посвященного изучению формирования основной структурной единицы закона, подтверждается и статистическими данными. Судебная статистика, опубликованная на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, свидетельствует, что более 80 статей Особенной части УК РФ в 2019 году не применялись, из них примерно четверть были включены в уголовный закон в период его действия.

Изменение уголовного закона становится неизбежным процессом, поскольку трансформируются социальные, экономические и политические условия внутри государства. Однако реформирование УК РФ должно быть обосновано, в том числе с научной точки зрения, не должно нарушать систему и логику действующего законодательства, «перенасыщать» уголовный закон. В современных условиях неостанавливающегося «совершенствования» названного нормативного правового акта тема определения основных теорий и правил построения статей Особенной части УК РФ, рекомендуемых для законодателя, является особенно актуальной. Целью настоящей статьи является исследование вопросов, связанных с пониманием, содержанием и построением базового структурного элемента Особенной части УК РФ – статьи.

Научная новизна состоит в комплексном анализе основного структурного элемента уголовного закона – статьи, выработке авторской классификации исследуемого объекта по различным основаниям, формулировании правил построения статей современного уголовного закона.

Обзор литературы

К вопросам законодательной техники, строению уголовного закона и его отдельных компонентов исследователи проявляют устойчивый интерес на протяжении всего периода развития науки уголовного права. Вопросы построения уголовного закона широко освещаются в работах современных исследователей (Л.Л. Кругликова [1], А.В. Иванчина [2], А.Г. Безверхова [3], Н.А. Лопашенко [4], Т.В. Кленовой [5], А.И. Коробеева [6] и др.). Вопросам конструирования структурных элементов закона были посвящены диссертации по построению диспозиций, санкций, примечаний (Е.В. Ильюк [7], А.П. Войтович [8] и др.). Настоящая работа опирается на современные научные достижения, озвученные в трудах названных авторов.

Материалы и методы

Нормативную правовую базу исследования составили современное уголовное законодательство России, уголовные кодексы советского периода. Эмпирическую основу работы составляют судебная практика и официально опубликованная судебная статистика. При написании статьи изучены современные научные исследования в области законодательной техники, теории построения уголовного закона. Методологическую основу исследования составили диалектический метод, сравнительный метод. При проведении исследования применялись специальные методы познания, такие как исторический, системно-правовой, формально-логический, сравнительного правоведения, а также социологические методы.

Результаты исследования

Статья представляет собой структурный элемент уголовного закона. В науке ее образно сравнивают с атомом, частицей законодательной материи. Практически все уголовные законы состоят из статей, то есть это их неотъемлемый структурный элемент.

В уголовном праве нередко поднимается вопрос о соотношении таких понятий, как норма права, статья, состав преступления. Если норма является базовым элементом права, то статья выступает элементом закона, его структурной составляющей. Статья относится к области законодательства, норма – к области права. Норма условно воплощается через статьи закона. Законодатель, используя инструментарий законодательной техники (приемы, способы, средства и т.д.),

руководствуясь представлениями о норме права, создает статью. Состав преступления также имеет неразрывную связь со статей. Он представляет собой модель, юридическую конструкцию, состоящую из четырех элементов. В диспозиции статьи Особенной части УК РФ описываются некоторые из признаков состава преступления, но не все. В доктрине озвучено любопытное мнение, согласно которому состав преступления представляет собой научное описание уголовно-правовой нормы, а разновидности состава – ее модификации, следовательно, норма может содержаться в различных частях одной статьи УК РФ [5, с. 324]. Логический анализ позволяет сделать вывод, что в одной статье могут быть описаны некоторые признаки нескольких самостоятельных составов преступлений (ст. 108 УК РФ), несколько статей могут воплощать одну норму, одна норма может быть воплощена в нескольких частях статьи. Таким образом, норма права, статья, состав преступления – пересекающиеся понятия, но не равнозначные [10].

В качестве структурных элементов статьи Особенной части УК РФ в юридической науке говорят о диспозиции и санкции. Также поднимается вопрос о соотношении структуры нормы и структуры статьи. Как справедливо отмечено в литературе, структура норм никогда не совпадает со структурой статей УК РФ [11, с. 121]. Следует согласиться с мнением о том, что структура нормы стабильна, а структура статей имеет множество вариантов. Так, А.В. Иванчин приходит к выводу, что в диспозиции статьи Особенной части УК РФ размещается ядро гипотезы уголовно-правовой нормы [2, с. 182]. Ученый придерживается мнения, что уголовно-правовая норма состоит только из двух элементов. Наиболее распространенным в доктрине является мнение, что диспозиция и санкция статьи уголовного закона имеют корреляцию с диспозицией и санкцией уголовно-правовой нормы.

В Особенной части УК РФ использованы различные по структуре статьи. Преимущественно в качестве элементов они включают диспозицию и санкцию, хотя есть исключение (ст. 331 УК РФ). В Особенной части советских уголовных кодексов такие виды статей встречались чаще (например, ст. 57, 74, 200 Уголовного кодекса РСФСР (УК РСФСР) 1922 г.).

Статья Особенной части УК РФ может состоять из нескольких частей, каждая из которых включает самостоятельную диспозицию и санкцию. В доктрине уголовного права обращено внимание на негативную тенденцию по увеличению числа частей в статьях Особенной части УК РФ. Спра-

ведливо отмечает А.В. Иванчин, что оптимально статья должна состоять не больше, чем из трех-четырёх частей [2, с. 174]. В современном уголовном законе можно встретить статьи, состоящие из шести (ст. 290 УК РФ) и даже семи частей (ст. 263 УК РФ), которые представляют собой вариант не совсем удачной конструкции. Части статей современного российского уголовного закона могут включать пункты (ст. 105 УК РФ).

Дискуссионным является вопрос о примечании как элементе статьи. А.П. Войтович указывает, что это подразделение статьи [8, с. 150]. А.В. Иванчин с такой постановкой вопроса не согласен и говорит о том, что примечание является самостоятельной структурной единицей нормативного акта [2, с. 169]. Вне статьи примечание в УК РФ не располагается. Оно неразрывно связано с содержанием статьи. Однако следует отметить, что законодатель в определенном смысле отделяет примечание, располагает его всегда в конце статьи, с самостоятельной нумерацией, не зависимой от статьи. В этом контексте можно допустить его определенную самостоятельность как элемента законодательного акта, но не полную. В настоящее время примечание – достаточно распространенный прием, используемый законодателем. С 1996 по 2020 годы их число в уголовном законе выросло приблизительно в 4 раза. Например, к каждой новой статье, посвященной преступлениям террористической направленности (ст. 205.1-205.6 УК РФ), имеется примечание.

Статьи располагаются в определенной последовательности, чаще всего она обусловлена объектом уголовно-правовой охраны, категорией описываемого в статье преступления. Новые статьи помещаются законодателем не в конец главы, раздела и не в конец УК РФ, а рядом с теми статьями, с которыми они логически связаны.

В современном уголовном законе России все статьи имеют заголовок и наименование. Индексирование (нумерация) сплошное по всему закону. В советских уголовных кодексах также присутствовала сплошная нумерация, но части статей пронумерованы не были, что создавало некоторые сложности при применении.

По структуре можно выделять виды статей в зависимости от наличия или отсутствия диспозиции, санкции и примечания.

В зависимости от расположения в статье диспозиции и санкции можно говорить о статьях, где диспозиция предшествует санкции, или диспозиция расположена после санкции, или диспозиция и санкция смешаны [7, с. 8]. В современном уголовном законе России статьи построены таким образом, что диспозиция всегда предшествует санкции.

По содержанию статья может носить уголовно-правовой или иной характер. Например, в советских уголовных кодексах имелись статьи, относящиеся по своему содержанию к административному праву.

В зависимости от использованных приемов построения диспозиций и санкций можно говорить о ссылочных (отсылочных) статьях. При этом ссылка может содержаться как в диспозиции, так и в санкции. Последние характерны для советского уголовного законодательства. Что касается статей с абстрактным и казуистичным способом изложения (применительно к диспозиции), то одни исследователи полагают, что использование абстрактного приема характерно для более высокого уровня законодательной техники, другие говорят о необходимости их «оптимального соотношения» [6, с. 122], разработки правил, позволяющих сочетать названные приемы [7, с. 13]. Также возможно назвать простые, описательные, бланкетные статьи и др. В данном случае корреляция осуществляется с видами диспозиций и санкций.

С технической точки зрения оформления законодательного материала можно выделить статьи с наличием (отсутствием) заголовка, номеров частей, пунктов. Заголовки отсутствовали, например, в УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г.

При введении новых статей в УК РФ законодатель должен исходить из общих принципов криминализации (декриминализации), пенализации (депенализации), учитывать систему существующего уголовного закона и не нарушать ее. Как справедливо отмечено в доктрине, структура статей по возможности должна быть единообразной [5, с. 333]. Системность, беспробельность, логичность, лаконичность должны составлять основу разработки статей и Особенной части уголовного закона.

Отметим лишь некоторые практические рекомендации законодателю по построению статей Особенной части уголовного закона. Законодатель при построении статей должен учитывать следующие правила: 1. В одной статье Особенной части УК РФ должны быть описаны признаки одного состава преступления, его вариации (квалифицированные виды). 2. Признаки различных по степени общественной опасности деяний должны находиться в различных частях статьи, например, угроза совершения действий не равна совершению самих действий (ч. 1 ст. 205 УК РФ). 3. Статья должна быть гармонична. При ее конструировании должны быть учтены правила построения диспозиции и санкции. 4. Следует минимизировать применение примечаний к статьям в Особенной части УК РФ. 5. Необходимо описывать признаки состава преступления не в примечании, а преимущественно в диспозиции статьи. 6. Статья должна включать не более трех-четырёх частей. 7. У статей должны быть заголовки, а также сплошная нумерация. 8. Следует оптимизировать объем Особенной части УК РФ, например, путем исключения статей с дублирующими признаками уже названных составов преступлений.

Обсуждение и заключения

Доктрине предстоит разработать надежную систему правил построения законов, используя комплексный подход, применяя достижения теории уголовного права и криминологии. Требуют дальнейшего глубокого изучения теория и практика построения Особенной части УК РФ, в том числе статей. Оптимальным является изменение уголовного закона с учетом разработанной и научно обоснованной концепции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кругликов Л.Л. Виды юридических конструкций в уголовном праве // Юридическая техника. 2013. № 7. Ч.2. С. 53 – 60. DOI: /10.17150/2500-4255.2017.11(1).109-118
2. Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовно правовом творчестве: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. 208 с.
3. Безверхов А.Г. О проблеме конструирования составов преступлений по моменту окончания // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2012. № 1 (11). С. 70 – 78.
4. Лопашенко Н.А., Кобзева Е.В., Хутов К.М., Долотов Р.О. Теоретическая модель Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: основные положения структуры и содержания // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 109 – 118.
5. Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Самара, 2001. 386 с.
6. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 352 с.
7. Ильюк Е.В. Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Свердловск, 1989. 17 с.
8. Войтович А. П. Примечания в уголовном законе (сущность, виды, общая характеристика): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ульяновск, 2006. 184 с.
9. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления. М.: Проспект, 2020. 352 с.
10. Денисова А.В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Самара, 2018. 633 с.

REFERENCES

1. Kruglikov L.L. Vidy juridicheskikh konstrukcij v ugovolnom prave // YUridicheskaya tekhnika. 2013. № 7. CH.2. S. 53 – 60.
2. Ivanchin A.V. Zakonodatel'naya tekhnika i ee rol' v rossijskom ugovolno pravotvorchestve: monografiya. M.: YUrlitinform, 2011. 208 s.
3. Bezverhov A.G. O probleme konstruirovaniya sostavov prestuplenij po momentu okonchaniya // Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya «Pravo». 2012. № 1 (11). S. 70 – 78.
4. Lopashenko N.A., Kobzeva E.V., Hutov K.M., Dolotov R.O. Teoreticheskaya model' Osobnoy chasti Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: osnovnye polozheniya struktury i soderzhaniya // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2017. T. 11. № 1. S. 109 –118.
5. Klenova T.V. Osnovy teorii kodifikacii ugovolno-pravovyh norm: dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.08. Samara, 2001. 386 s.
6. Korobeev A.I. Ugolovno-pravovaya politika Rossii: ot genezisa do krizisa: monografiya. M.: YUrlitinform, 2019. 352 s.
7. Il'yuk E.V. Zakonodatel'naya tekhnika postroeniya dispozicii stat'i ugovolnogo zakona: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Sverdlovsk, 1989. 17 s.
8. Vojtovich A. P. Primechaniya v ugovolnom zakone (sushchnost', vidy, obshchaya harakteristika): dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Ul'yanovsk, 2006. 184 s.
9. Ivanchin A.V. Konstruirovaniye sostava prestupleniya. M.: Prospekt, 2020. 352 s.
10. Denisova A.V. Sistemnost' rossijskogo ugovolnogo prava: teoriya, zakon, praktika: dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.08. Samara, 2018. 633 s.

Об авторе: Голенко Диана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева
email: golenko.diana@bk.ru

© Голенко Д.В., 2020

About the authors: Golenko Diana V., Candidate of Laws, Associate Professor of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University
email: golenko.diana@bk.ru

Статья получена: 14.05.2020. Статья принята к публикации: 23.06.2020.
Статья опубликована онлайн: 29.06.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

В.О. Карпов

ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЙ СЕРИЙНЫХ И МАССОВЫХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

SERIAL AND MASS VIOLENT CRIMES: THE PROBLEM OF DEFINITIONS IN MODERN CRIMINOLOGY

Введение: в статье рассматриваются понятие и основные особенности серийных и массовых насильственных преступлений, а также вопросы их квалификации в соответствии с отечественным уголовным законом.

Материалы и методы: исследование осуществлялось при помощи логического, исторического, аналитического и компаративистского методов.

Результаты исследования: автор предлагает собственные определения серийных и массовых насильственных преступлений, а также рассматривает общие характеристики и особенности таких преступлений, в том числе вопросы их уголовно-правовой квалификации.

Обсуждение и заключение: автор статьи приходит к выводу, что необходимо проведение более тщательных криминологических исследований серийных и массовых преступлений с целью организации надлежащего социального контроля за ними.

Ключевые слова: серийные насильственные преступления, массовые насильственные преступления, насилие, квалификация преступления, множественность преступлений

Для цитирования: Карпов В.О. Проблемы дефиниции понятий серийных и массовых насильственных преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 187 – 190. DOI: 10.37973/KUI.2020.58.13.007

Introduction: the author tries to analyze the concepts and basic characteristics of serial and mass violent crimes. The author considers the qualification of such crimes in accordance with the Criminal Code of the Russian Federation.

Materials and Methods: logical, historical, analytical and comparative methods were used during the work on the article.

Results: the author offered his definitions of serial and mass crimes, and considered general characteristics and features of such crimes including issues of their criminal qualification.

Discussion and Conclusions: the author considers that it is necessary to conduct more thorough criminological studies of serial and mass crimes in order to organize proper social control over them.

Keywords: serial violent crimes, mass violent crimes, violence, qualification of a crime, multiplicity of crimes

For citation: Karpov V.O. Serial and Mass Violent Crimes: the Problem of Definitions in Modern Criminology // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 2. P. 187 – 190. DOI: 10.37973/KUI.2020.58.13.007

Введение

Дефиниции серийных и массовых преступлений не встречаются в нормативных актах Российской Федерации, а в криминологической доктрине не имеют однозначного подхода к своим определениям. В большей части характеристики таких социальных феноменов заимствованы из зарубежной науки, особенно трудов американских криминологов. Вместе с тем, изучение данной преступности довольно актуально для Российской Федерации. В первую очередь, это связано с колебанием количественных показателей серийных и массовых преступлений (в частности ростом

числа массовых преступлений). Также отмечается развитие некоторых общественных процессов, которые имеют прямую связь с изучаемыми преступлениями, в частности рост домашнего насилия, увеличение динамики агрессивности среди молодежи, информатизация общественного сознания (массовое использование населением информационно – телекоммуникационной сети «Интернет» и т.д. Данные факторы, согласно многочисленным исследованиям, в той или иной степени могут влиять в качестве причин и/или условий на совершение рассматриваемых преступлений. Например, в рамках проведенного автором исследова-

ния установлено, что будущие серийные убийцы часто подвергались насилию со стороны родителей (чаще отцов) в детском возрасте, а представители school shooting часто совершали массовые убийства под воздействием деструктивной информации, полученной от определенных лиц из сети Интернет.

Обзор литературы

В отечественной литературе проблемы серийных насильственных преступлений с точки зрения криминологических исследований мало изучены. В основном особенности таких преступлений рассматривались криминалистами или психиатрами. В качестве источников автором рассматривались труды Ю.М. Антоняна, В.Н. Исаенко, Н.А. Исаева, А.О. Бухановского, О.А. Бухановской, В.А. Образцова. Полноценные криминологические исследования о массовых насильственных преступлениях в России отсутствуют, хотя некоторыми учеными понятие «массовость» в трудах использовалось (например, С.Ф. Милюков). В большей степени автором использовались научные работы зарубежных авторов (преимущественно американских): M.G.Aamodt, E. Hickey, J. Douglas R.Ressler, P.J. Brantingham, P.L. Brantingham, D. K.Rossmo, D. Canter, R.Holmes и др.

Как уже было сказано, однозначные дефиниции рассматриваемых преступлений не установлены, и указанные авторы на основании проведенных исследований пытались сформулировать собственные определения и характеристики деликтов. В частности, научные споры вызывают такие факторы, как количество жертв, после увеличения которого преступления могут называться серийными или массовыми, темпоральные характеристики преступлений, детерминация происхождения противоправного поведения преступников и т.д.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели были использованы такие методы исследования, как логический, исторический, аналитический и компаративистский. Автором изучались материалы уголовных дел по фактам совершения на территории России серийных и массовых убийств, заключения судебно-психиатрических экспертиз, проводимых в Федеральном медицинском исследовательском центре психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского в отношении вышеуказанных лиц. Проводился подробный анализ преступной активности преступников, их биографий, виктимологический анализ.

Результаты исследования

В рамках настоящей статьи автор проводит криминологический анализ серийных и массовых

насильственных преступлений. Среди серийных насильственных преступлений выделены серийные убийства и изнасилования, среди массовых – убийства. К сожалению, в мировой криминологии отсутствует однозначное мнение о точной дефиниции серийных и массовых насильственных преступлениях. Однозначно к таким преступлениям должны относиться деликты, выражающиеся в причинении вреда более одному человеку с применением насилия со стороны преступника с прямым умыслом [1], [2]. В структуре всей преступности в Российской Федерации уровень серийных и массовых преступлений относительно невелик. Вместе с тем определение точного количества совершенных на территории страны серийных преступлений невозможно, по причине отсутствия такого понятия в нормативных правовых актах и относительной латентности подобных деяний. Однако Я.И. Гилинский указывает, что некоторыми статистами отмечается рост числа серийных убийств на сексуальной почве, включая педофилию. По мнению автора, мы имеем дело скорее с эффектом быстрого реагирования СМИ. Кроме того, количественный уровень серийных насильственных преступлений является относительно стабильным в популяции [3]. Говоря о динамике массовых убийств, мы вынуждены отмечать рост таких преступлений с начала 2010 года. Установлено, что в среднем в год на территории страны совершается от 2 до 4 таких преступлений. Отмечается появление и постоянный количественный рост такого вида массовых убийств, как применение насилия в образовательных организациях (нападения на школьников и педагогов с применением огнестрельного («school shooting») или холодного оружия).

В рамках настоящего исследования мы предлагаем использовать следующее определение серийного насильственного преступления: «умышленное совершение преступления(й) против 2 и более лиц одним и тем же преступником (группой преступников) в течение длительного периода времени». В качестве основных особенностей данного определения выступают: количество преступников, количество преступлений, количество жертв – длительность периода.

Изучая вопрос о количественном показателе преступников, совершающих серийные убийства, отметим, что такое число может варьировать от одного (в изученных нами материалах 96% серийных убийств и изнасилований совершались преступниками-одиночками), до нескольких (4%).

Относительно установления количества жертв серийных преступников в научной литературе встречаются разные мнения. Некоторые ученые

предлагают признавать преступления серийой, когда деликты совершаются в отношении двух жертв, другими – в отношении трех. Мы согласны, что серийное преступление характеризуется как такое при наличии хотя бы двух потерпевших. Так, В.Н. Исаенко [4], О.Ю. Михайлова [5] указывают, что многие преступники после совершения ими двух правонарушений уже больше не могли их совершать, исходя из внешних, не зависящих от них обстоятельств, а также, что двух преступлений достаточно для квалификации серии, так как во втором деянии уже проявляются признаки индивидуального почерка серийного преступника. Необходимо также учитывать, что серийный убийца может одновременно совершать убийство одной жертвы (98% изученных случаев на территории России) и более (2% случаев).

Темпоральный признак является базисным в разграничении совершения серийных и массовых преступлений. Серийный убийца/наильник после совершения преступления в отношении одного (нескольких) потерпевших прекращает совершение деликтов на определенное время, а затем продолжает их совершать (длительный период). На длительный период могут влиять не зависящие от преступника факторы (нахождение в органах исполнения наказания, особая активность правоохранительных органов и т.д.) и зависящие (желание, похоть, настроение, психофизический голод (в случае каннибализма)), то есть факторы, обусловленные исключительно индивидуальными особенностями психики преступника. Именно от индивидуализации психики личности и зависит поведенческая активность человека (при учете зависящих факторов). Так, по результатам изучения заключений судебно-психиатрических экспертиз, проводимых в Федеральном медицинском исследовательском центре психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского в отношении серийных преступников, установлено, что в одних случаях временной промежуток между одним преступлением мог составлять несколько дней, в других – недели, месяцы.

Серийные преступления могут совершаться исходя из различной мотивации. В своих исследованиях мы акцентируем внимание в основном на трех категориях: корыстной (когда убийство совершается с целью незаконного обогащения), личностной (основанной на удовлетворении собственных психологических и поведенческих потребностей) и смешанной.

Исследователями выделяется огромное количество признаков, характерных для серийных преступников. Например, неограниченность содеянного, отсутствие связи между преступником и

жертвой, избыточность насилия, наличие автографов на месте происшествия, сексуального подтекста, общность мотивов, наличие прямого умысла, полное или частичное обнажение жертвы; манипуляции с половыми органами либо сексуально-значимыми местами жертв; нанесение множественных стереотипных ранений; и действий, условий, выбора жертв, однотипность орудия и др. [6], [7]. Однако не все признаки, указанные исследователями, могут характеризовать серийных преступников. Так, в результате изучения преступного поведения преступников нами выделены такие особенности, как неограниченность преступной активности, цикличность действий, наличие психосексуальной деструктивности (даже если преступления совершаются без открытых сексуальных признаков).

В результате анализа материалов уголовных дел, возбуждаемых по факту совершения серийных преступлений в России, отметим, что такие преступления квалифицируются в соответствии с п. «а» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ (УК РФ). Дополнительными квалифицирующими признаками чаще всего могут выступать: п. «в», «е», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Под массовыми насильственными преступлениями мы понимаем «умышленное совершение лицом (группой лиц) преступления (й) в отношении двух и более лиц за короткий период времени».

В качестве главного отличия массовых преступлений от серийных мы отмечаем такую особенность темпоральной характеристики, как короткий период. Если серийный убийца после совершения одного (нескольких) убийств прекращает преступную деятельность на определенное время, то для массового убийцы характерно отсутствие перерывов в совершении деликтов (за исключением таких случаев, как перезарядка оружия, перемещение в другое место в целях безопасности/поиска новых жертв). Его целеполагание направлено на убийство определенного или неопределенного количества людей за одну единицу времени, после чего его преступная активность прекращается и не может быть возобновлена вновь.

Установлено, что массовые убийства могут совершаться в открытых помещениях (улицы, парки), закрытых (здания, торговые центры). Отдельно с учетом актуальности и наиболее повышенной опасности в криминологии выделяется такой вид массовых убийств, как school shooting, то есть стрельба в образовательных организациях. Самым громким инцидентом такого феномена в России является массовое убийство в Керченском политехническом колледже, произошедшее 17 ок-

тября 2018 года. С учетом требований законодательства об оружии в Российской Федерации, влекущих сложности в приобретении огнестрельного оружия, аналогичные преступления совершаются также с применением холодного оружия.

Совершение такого вида преступления надлежит квалифицировать, как и в случаях с серийными убийствами, в соответствии с п. «а» ч.2 ст.105

УК РФ. Дополнительными квалифицирующими признаками могут выступать п «е», «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Вместе с тем необходимо учитывать, что массовые убийства могут характеризоваться и иными составами преступлений, например, совершение террористического акта. В таком случае действия субъекта преступления надлежит квалифицировать в соответствии со статьей 205 УК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kocsis R.N. Criminal profiling: International theory, research, and practice. Humana Press. 2007. 417 p.
2. Duwe G. Mass murder in the United States: A History. Jefferson, NC: McFarland. 2007. 213 p.
3. Гишинский Я.И. Социальное насилие. 2-е изд., испр. и доп., СПб.: Алетея, 2017. 212 с.
4. Исаенко В.Н. Проблемы теории и практики расследования серийных убийств. М.: Юридические программы. 2005. 304 с.
5. Михайлова О.Ю. Психологическая диагностика личности серийных сексуальных преступников. Ростов-на-Дону, 2001. 232 с.
6. Антонян Ю.М. Особо опасный преступник. М.: Проспект, 2011. 312 с.
7. Лаговский А.Ю., Бегунова Л.А., Басенко М.С. Построение розыскных версий по делам о серийных изнасилованиях и убийствах, совершенных по сексуальным мотивам: пособие. М.: ВНИИ МВД России, 1997. 64 с.

REFERENCES

1. Kocsis R.N. Criminal profiling: International theory, research, and practice. Humana Press. 2007. 417 p.
2. Duwe G. Mass murder in the United States: A History. Jefferson, NC: McFarland. 2007. 213 p.
3. Gilinskij YA.I. Social'noe nasilie. 2-e izd., ispr. i dop., SPb.: Aletejya, 2017. 212 s.
4. Isaenko V.N. Problemy teorii i praktiki rassledovaniya serijnyh ubijstv, M.: YUridicheskie programmy. 2005. 304 s.
5. Mihajlova O.YU. Psihologicheskaya diagnostika lichnosti serijnyh seksual'nyh prestupnikov. Rostov-na-Donu, 2001. 232 s.
6. Antonyan YU.M. Osobo opasnyj prestupnik. M.: Prospekt, 2011. 312 s.
7. Lagovskij A.YU., Begunova L.A., Basenko M.S. Postroenie rozysknyh versij po delam o serijnyh iznasilovaniyah i ubijstvah, sovershennyh po seksual'nyh motivam: posobie. M.: VNIИ MVD Rossii, 1997. 64 s.

Об авторе: Карпов Владимир Олегович, аспирант кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена
email: vlaka92@mail.ru

© Карпов В.О., 2020

Karpov Vladimir O., Graduate Student of Criminal Law of Russian State Pedagogical University A.I. Herzen
email: vlaka92@mail.ru

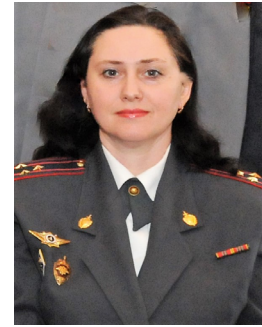
Статья получена: 16.03.2020. Статья принята к публикации: 23.06.2020.
Статья опубликована онлайн: 29.06.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Т.В. Колесникова

**ВЫЯВЛЕНИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА
В РОССИИ В 2010 – 2020 ГОДАХ**

**DETECTION AND INVESTIGATION OF EXTORTION
IN RUSSIA IN 2010 – 2020**

Введение: статья посвящена анализу такого преступления, как вымогательство в России: его латентность, рост, снижение раскрываемости, проблемы расследования. Рассматриваются способы вымогательства, связь с преступными группами. Предлагаются меры по борьбе с вымогательством.

Материалы и методы: при подготовке работы были использованы общенаучные (исторический, сравнительный, системный анализ) и частнонаучные методы научного познания (правовой анализ, анкетирование и опросы граждан, изучение статистики и уголовных дел).

Результаты исследования: рассмотрены вопросы, связанные с научно-практическими подходами к раскрытию и расследованию вымогательства. Особое внимание обращается на проблемы латентности вымогательства, ухудшение раскрываемости этой категории преступлений. Подчеркивается опасность вымогательства как направления деятельности преступных групп. Обозначаются проблемы расследования и меры по их решению.

Обсуждение и заключения: автор приходит к выводу о необходимости более строгих уголовно-правовых подходов к рассмотрению вымогательства, а также связанной с ним организованной преступности, коррупции и преступлений в сфере экономической деятельности, о необходимости повышения организационно-управленческого уровня расследования данной категории преступлений; о введении более строгой ответственности сотрудников и руководителей правоохранительных органов за выявление преступлений и результаты расследования, об усилении применения технических средств и тактических приемов расследования.

Ключевые слова: вымогательство, раскрываемость, угроза, насилие, преступные группы, следствие, контроль, защита

Для цитирования: Колесникова Т.В. Выявление и расследование вымогательства в России в 2010 – 2020 годах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 191 – 196. DOI: 10.37973/KUI.2020.96.45.008

Introduction: the article analyses statistics and surveys of citizens about the crime of extortion in Russia, its latency, growth, decrease in disclosure, and issues of investigation. Methods of extortion and connection with criminal groups are considered. Measures to combat extortion are proposed.

Materials and Methods: general scientific (historical, comparative, system analysis) and private scientific methods of scientific knowledge (legal analysis, characteristics of normative legal acts, questionnaires and surveys of citizens, the study of statistics and criminal cases) were used.

Results: the author discussed issues on scientific and practical approaches to detection and investigation of extortion; drew special attention to the issues of latency of extortion, decrease in disclosure of the crimes; highlighted the danger of extortion as the activity of criminal group.

Discussion and Conclusions: the author comes to the conclusion that it is necessary to use stricter criminal-legal approaches to consider the extortion and related organized crime, corruption and economic crimes, on the need to improve organizational and managerial level of investigation of this category of crime; the introduction of a strict liability of employees and heads of law enforcement agencies in identifying offences and the results of the investigation, the rise in the usage of technical means and tactical methods of investigation.

Keywords: extortion, disclosure, threat, violence, criminal groups, investigation, control, protection

For citation: Kolesnikova T.V. Detection and Investigation of Extortion in Russia in 2010 – 2020 // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. T. 11, No 2. С. 191 – 196. DOI: 10.37973/KUI.2020.96.45.008

Введение

По официальной статистике правоохранительных органов¹, в 2019 году в Российской Федерации было зарегистрировано 5 386 фактов вымогательств. Вымогательство – это преступление в сфере экономики, предусмотренное статьей 163 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Следует отличать вымогательство как преступление в сфере экономики от вымогательства-взятки – у этих деяний разная направленность. О вымогательстве говорится еще в нескольких статьях УК РФ, это касается вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, ядерных материалов, наркотических средств и психотропных веществ. Эти деяния связаны со спецификой предметов посягательств, и статистика по ним ведется отдельно.

В данной статье будет идти речь о вымогательстве по ст. 163 УК РФ². Это требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких.

По сравнению с 2018 годом количество вымогательств в 2019 году увеличилось на 5,6 %. Из числа зарегистрированных вымогательств раскрыто 2458. Это означает, что более половины зарегистрированных вымогательств не раскрыто. По сравнению с тем же 2018 годом раскрываемость вымогательств ухудшилась на 7,6 %. Наблюдается тенденция значительного роста преступлений, связанных с применением новых технологий. В 2019 году число преступлений с использованием информационных, телекоммуникационных технологий возросло почти на 70 % и составило более 294 тыс. преступлений. Высок их удельный вес в общем количестве зарегистрированных преступлений – 14,5 %³.

В предыдущий период, с 2010 по 2013 годы, количество зарегистрированных вымогательств в России составляло 0,25% – 0,29% от общего числа зарегистрированных преступлений в год⁴.

В отдельные предшествующие периоды до 2010 года это количество доходило до 0,5%. То есть, с одной стороны, мы наблюдаем резкое увеличение удельного веса вымогательства в структуре всех преступлений по сравнению с прошлым периодом. С другой стороны, незначительные показатели свидетельствуют о высокой степени латентности вымогательства, об этом пойдет речь в других разделах статьи.

За период с 2013 по 2017 годы, как отмечали исследователи, в целом по стране количество зарегистрированных вымогательств увеличилось на 13,1% и составляло 5 159 преступлений, на 5,5% выросло количество зарегистрированных преступлений, совершенных организованными преступными группами и преступными организациями [1].

Обзор литературы

Тема вымогательства исследовалась во многих научных и методических трудах. Уголовно-правовые, процессуальные, криминологические проблемы, проблемы анализа и прогнозирования нашли отражение в трудах А.В. Башкова, С.Д. Белоцерковского, И.В. Бобровского, О.В. Дмитриева, О.В. Корягиной, В.В. Мордачева, Ф.Ю. Сафина, Н.А. Скорилкиной, В.В. Щербиной и др.

Криминалистические вопросы и методика расследования вымогательства получили отражение в трудах А.Г. Быкова, Р.Р. Вафина, А.П. Гайдука, С.Н. Иванова, В.В. Осина, В.И. Константинова, Е.Б. Серовой, О.А. Славгородской и др.

Современные изменения требуют внесения корректировок и дополнений в теорию и практику расследования вымогательства.

Материалы и методы

Несомненно, статистика регистрируемых преступлений и отчеты правоохранительных органов по раскрываемости имеют большое значение и должны учитываться при изучении данной темы.

Неоднократно на протяжении ряда лет в монографиях и статьях мною прогнозировалось распространение новых способов вымогательства, связанного с современными технологиями, а также увеличение общего количества вымогательств [2, 3, 4], что подтвердилось. Предлагалось использовать в деятельности правоохранительных органов научные разработки по предупреждению и пресечению вымогательств [5]. Отчасти такая

¹Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 года. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации (дата обращения: 10 марта 2020 года).

²Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. 17 июня. № 25. Ст. 2954. Изменения, внесенные Федеральным законом от 27.12.2019 № 500-ФЗ, вступили в силу по истечении 10 дней после дня официального опубликования (опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.12.2019).

³Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/> (Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации) (дата обращения: 10.03.2020).

⁴Состояние преступности в России за январь-декабрь 2010, 2011, 2012, 2013 года. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации (дата обращения: 10.03.2020).

работа велась. Автор статьи по поручению руководства кафедры юридического вуза МВД России разрабатывала рекомендации для правоохранительных органов по выявлению и расследованию вымогательств. Однако статистика свидетельствует о недостаточном внимании правоохранительных органов к данному направлению работы.

Необходимо учитывать, что вымогательство относится к преступлениям высокой степени латентности. По данным анкетирования работников торгово-экономической сферы, проводимого нами в 2013 – 2014 годах, около половины из опрошенных работников сообщали, что им приходилось бывать жертвами вымогательства. По результатам изучения в МВД общественного мнения десять лет назад, 14% опрошенных обращались в органы внутренних дел в связи с вымогательством. Это преступление называлось гражданами в числе наиболее распространенных, наряду с кражами, грабежами, разбоями, мошенничествами и др.¹ Данные опросы подтверждают высокую латентность вымогательства.

В программных документах («Стратегия национальной безопасности Российской Федерации»², «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»³) обращалось внимание на низкий уровень жизни многих граждан РФ, значительный разрыв между доходами малообеспеченных и состоятельных категорий населения. Так, в статьях 51, 53 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» говорится об усилении дифференциации населения по уровню доходов. В ч. 2.12 п. 18, 19, 20 «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года» к основным вызовам и угрозам экономической безопасности России отнесены, в числе иных, значительная доля теневой экономики, высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере, усиление дифференциации населения по уровню доходов. Эти перечисленные обстоятельства также способствуют росту вымогательства.

Результаты исследования

Данный вид преступления стал особенно актуальным в постсоветский период реформ, изменений законодательства, когда крупные материальные средства, средства производства, недвижимость оказались в частной собственно-

сти. Многие криминально активные личности, преступные группы, используя шантаж, угрозы, давление, пытались улучшить свое материальное положение. К вымогательству неоднократно обращались при разделе бизнеса, решении спорных вопросов, в конфликтах, при разделе сфер преступного влияния.

В прошедшее десятилетие сотрудники агентств по востребованию долгов с граждан неоднократно проявляли себя агрессивно: выявлены многочисленные случаи угроз побоями, убийствами, поджогами должникам, в ряде случаев угрозы были применены. Значительная часть населения нашей страны имеет кредитные и иные долговые обязательства. Порой граждане оформляют несколько кредитов на самые простые цели и повседневные нужды. Широко рекламируются такие разновидности кредитов, как «Собрать ребенка в школу», «Занять денег до зарплаты», в том числе и с целью купить продукты питания. Ситуация с агентствами по востребованию долгов неоднократно, как сообщалось в печати, обсуждалась в Генеральной прокуратуре РФ, МВД России. Руководители обращали внимание на то обстоятельство, что уголовные дела по поводу противоправных действий коллекторов возбуждаются в единичных случаях и не отражают криминальную картину⁴.

Статистика по итогам 2019 года приводит данные, что почти каждое второе преступление совершается лицами, ранее совершавшими преступления, почти каждое третье – лицами в состоянии алкогольного опьянения. Среди лиц, выявленных за совершение преступлений, 63,8% не имеют постоянного источника дохода. Эти данные свидетельствуют о том, что выявляются и фиксируются в отчетности, преимущественно, самые примитивные и несложные для расследования преступления. А преступления, требующие предварительной подготовки, сокрытия, совершаемые с использованием документов, коррумпированных связей, специальных знаний, выявляются реже. К таким относятся преступления в сфере экономической деятельности. Они обладают высокой степенью латентности, более половины таких преступлений уходят в тень. По итогам 2019 года выявлено меньше преступлений в сфере экономической деятельности, чем в 2018 году. Ухудшились показатели раскрываемости данной

¹ Результаты изучения общественного мнения // Профессионал. 2010. № 1. С. 7-11.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. 4 января. № 1 (часть II). Ст. 212.

³ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. 5 мая. № 20. Ст. 2902.

⁴ Электронное издание еженедельной газеты «Версия» www.versia.ru. № 50 от 28.12.2015 (дата обращения: 14.01.2016). См. также электронное издание «Российская газета» www.rg.ru от 27.10.2015. И. Егоров. Генпрокуратура проверила законность действий коллекторов (дата обращения: 04.01.2016).

категории преступлений. Эти данные подтверждают наличие проблем, просчетов, кризисных явлений в деятельности правоохранительных органов, несмотря на некоторые положительные изменения в статистике: например, снизилось количество несовершеннолетних, совершивших преступления.

Кстати, в научных исследованиях подчеркивалось, что в прошедшие годы привлечение к уголовной ответственности несовершеннолетних, в том числе за вымогательство, оказывалось достаточно проблематичным [6]. Уголовная ответственность за вымогательство наступает с 14-летнего возраста, согласно ст. 20 УК РФ. Такие деяния активно проявляются в среде учащихся-воспитанников детских домов, что неоднократно подтверждалось следственной практикой по многим регионам России.

В последние годы зафиксированы новые способы вымогательств, связанные с применением технических средств и компьютерных технологий, похищением и блокированием информации, шантажом, созданием препятствий в работе коммерческих структур. Такие способы применялись в отношении как российских, так и зарубежных фирм российскими преступными группами.

Неоднократно возникали предположения, не вытесняют ли новые способы вымогательства в современных условиях старые, примитивные способы совершения данного преступления, характерные для постсоветского периода. Согласно данным практики, наряду с новыми, технологичными, совершаются и примитивные вымогательства с применением грубой физической силы, угроз. Как правило, такие вымогательства осуществляются преступными группами из ранее судимых лиц. В таких вымогательствах для устрашения использовались ножи, биты, огнестрельное оружие. Выявлены преступные группы, занимавшиеся вымогательством, бандитизмом, разбоями, рейдерскими захватами предприятий, поджогами, организацией незаконных аукционов, поддержанием коррупции в правоохранительных органах.

Вымогательство – это характерное направление деятельности организованных преступных групп, банд, преступных сообществ. Анкетирование граждан показало, что многие граждане этому обстоятельству не придают значения, недооценивают опасности ситуации. Это приводит зачастую к тяжким последствиям и подтверждается результатами изучения архивных уголовных дел.

По итогам 2019 года наблюдается рост тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных организованными преступными группами и преступными сообществами, увеличился их удельный вес. Остается высоким общий уровень групповой преступности, по всем видам преступных групп. Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений вырос в 2019 году до 24,4%. Ущерб от преступлений в 2019 году возрос на 11,5% по сравнению с 2018 годом¹.

Вымогательство чаще всего совершается с предварительной подготовкой, принимаются меры и по сокрытию, оказывается и психологическое влияние на жертв, поэтому не все потерпевшие заявляют в правоохранительные органы. Может иметь место наблюдение, сбор информации, заранее подготовленное вовлечение жертвы в аморальные и неблаговидные поступки, преступления, финансовые схемы, чтобы в дальнейшем использовать такие сведения для давления и шантажа, в целях получения денежных средств, имущества. Также применялись угрозы оглашения позорящих сведений, распространения сведений о доходах, коммерческой тайне, азартных играх.

Среди способов вымогательства в последние десятилетия выявлены многочисленные угрозы психологического характера, в результате изучения уголовных дел установлено, что такие угрозы не всегда действовали на потерпевших. На наш взгляд, это происходило потому, что люди привыкли к довольно жестким условиям существования бизнеса, решению вопросов вне правового поля, а многие и к грубости в быту. В средствах массовой информации постоянно эксплуатируются темы насилия, подавления личности, стресса, психологического воздействия на человека. Поэтому многие граждане недооценивали опасности угроз, особенно со стороны преступных групп. Как правило, после угроз вымогатели применяли физическое насилие. Использовался и захват жертв, их родственников в заложники, применялись удержания граждан, пытки.

Вымогательство является окончательным преступлением с момента предъявления требований о передаче чужого имущества. Квалифицирующими признаками, усиливающими наказание за вымогательство, являются совершение этого преступления группой лиц по предварительному сговору, с применением насилия, в крупном размере, совершение вымогательства организованной группой, в целях получения имущества в

¹Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 года. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации (дата обращения: 10 марта 2020 года).

особо крупном размере, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Крупным размером признается стоимость имущества, превышающая 250 тысяч рублей, а особо крупным – 1 млн рублей¹.

Среди способов имели место также угрозы уничтожения или повреждения имущества, требования фиктивного зачисления кого-либо на должность: принудительное навязывание покровительства и охранных услуг, а также ложное обвинение частными лицами в причинении ущерба, навязывание кабальных условий по долговым обязательствам, требование переоформления дорогостоящего имущества. Вымогательства могут быть однократными, состоящими из нескольких эпизодов, длящимися. Преступные требования предъявлялись устно, путем направления отдельных членов преступных групп, и письменно, по телефону, посредством компьютерной связи. Все потерпевшие по делам о вымогательстве – лица, имеющие отношение к значительной собственности, доходам либо руководители предприятий, члены их семей. Не исключены и случайные жертвы. У одиноких лиц, в том числе пенсионеров, инвалидов, вымогались квартиры и дорогостоящее имущество.

Из новых способов и сфер совершения вымогательства следует назвать вымогательство со стороны активистов-экологов с использованием компрометирующего видео. Увеличился компьютерный сегмент способов подготовки, совершения и сокрытия данной категории преступления, также отмечаются вымогательства со стороны блогеров и журналистов.

По результатам опросов, граждане часто связывают вымогательство и коррупцию. Такая связь прослеживается и на основании изучения уголовных дел. Некоторые граждане смешивают понятия вымогательства по ст. 163 УК и вымогательства-взятки, предусмотренного ч.5 ст. 290 УК РФ «Получение взятки». Поэтому при опросах и анкетировании граждан необходимо давать разъяснения по данному аспекту, делать письменную ссылку на статьи УК РФ, их цитирование в опросных листах.

Неоднократно при вымогательстве за прошедшие годы применялись угрозы взрывов объектов. Не исключены давление на органы власти и политические структуры, связь с транснациональными преступными группами, терроризмом,

особенно со стороны организованных групп и преступных сообществ.

Обсуждение и заключения

По результатам проведенного исследования автор статьи пришел к следующим выводам.

1) Аналитические и оперативные подразделения правоохранительных органов должны усилить работу по выявлению, пресечению вымогательства как преступления, и особенно как одного из главных направлений деятельности преступных групп. Требуют улучшения и меры по работе с потенциальными жертвами, защите потерпевших, повышению заинтересованности граждан в сотрудничестве с правоохранительными органами. Необходимо распространять правовую информацию об опасности деятельности преступных групп и вымогательства. Нуждается в особом внимании работа с заявлениями граждан, по установлению психологического контакта с заявителями, более тщательной должна быть и проверка по заявлениям.

2) Сайты правоохранительных органов нуждаются в совершенствовании, способы обращения граждан с заявлениями, сообщениями должны быть простыми, доступными. У граждан при обращении на такие сайты должны оставаться копии писем, даты обращений, возможность приложения документов и фиксации осуществленной телефонной связи с сотрудниками, что в настоящее время не всегда соблюдается. Сотрудникам правоохранительных органов необходимо оперативно реагировать на обращения граждан, проводить с ними доверительные беседы.

3) Необходимо повышать эффективность дознания и следствия, улучшать раскрываемость этой категории дел на основе строгого соблюдения законодательства, грамотного применения технических средств, тактических приемов, тщательного планирования расследования. По делам о вымогательствах велика значимость оперативно-розыскных мероприятий, фиксирования полученной информации, защиты сведений. Более жестким должен быть контроль за ходом расследования и его эффективностью, процессуальными сроками со стороны руководства следственных органов, строже ответственность должностных лиц. В дальнейшем необходимо рассмотреть вопрос о повышении уровня ведомственного контроля по делам этой категории.

¹Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954. Изменения, внесенные Федеральным законом от 27.12.2019 № 500-ФЗ, вступили в силу по истечении 10 дней после дня официального опубликования (опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.12.2019).

²Там же, ст. 290 УК РФ.

4) В уголовно-правовом аспекте необходимо применять более строгие подходы к коррупционерам и преступникам в сфере экономической деятельности, а также к руководящим лицам, которые соглашаются на преступные схемы отчисления средств криминальным группам, в том числе, на постоянной основе.

Несомненно, улучшение в целом экономической ситуации в стране, увеличение до-

ходов большинства граждан будет способствовать снижению количества преступлений против собственности и снижению количества вымогательств и иных корыстно-насильственных посягательств против личности. Таковы способы вымогательства за последнее десятилетие, тенденции, статистические данные и краткие меры по борьбе с вымогательством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю.М. Антонян, Д.А. Бражников, М. В. Гончарова и др. М.: ВНИИ МВД России, 2018. – 86 с., с. 10.
2. Колесникова Т.В. Проблемы расследования вымогательства в Российской Федерации: монография. Саратов: СЮИ МВД РФ, 2009. 240 с.
3. Колесникова Т.В. Вымогательство в России: проблемы расследования: монография. Саратов, 2014. 276 с.
4. Колесникова Т.В. О современных способах вымогательства и мерах по борьбе с вымогательством как преступлением в сфере экономики // Саратовской области – 80 лет: история, опыт развития, перспективы роста: сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции: в 3-х частях / отв. ред. Н.С. Яшин. Саратов, 2017. С. 165 – 167.
5. Колесникова Т.В. Вымогательство как угроза экономической безопасности России // Экономическая безопасность России: вызовы XXI века: материалы международной научно-практической конференции, 15 марта 2016 года / отв. ред. И.А. Сушкова. Саратов, 2016. С. 139 – 154.
6. Колесникова Т.В. Вымогательство в России: проблемы расследования: монография. Саратов, 2014. 276 с. С. 158.

REFERENCES

1. Kompleksnyj analiz sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii i raschetnye varianty ee razvitiya: analiticheskij obzor / YU.M. Antonyan, D.A. Brazhnikov, M. V. Goncharova i dr. M.: VNII MVD Rossii, 2018. – 86 s., s. 10.
2. Kolesnikova T.V. Problemy rassledovaniya vymogatel'stva v Rossijskoj Federacii: monografiya. Saratov: SYUI MVD RF, 2009. 240 s.
3. Kolesnikova T.V. Vymogatel'stvo v Rossii: problemy rassledovaniya: monografiya. Saratov, 2014. 276 s.
4. Kolesnikova T.V. O sovremennyh sposobah vymogatel'stva i merah po bor'be s vymogatel'stvom kak prestupleniem v sfere ekonomiki // Saratovskoj oblasti – 80 let: istoriya, opyt razvitiya, perspektivy rosta: sbornik nauchnyh trudov po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 3-h chastyah / отв. red. N.S. YAshin. Saratov, 2017. S. 165 – 167.
5. Kolesnikova T.V. Vymogatel'stvo kak ugroza ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii // Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: vyzovy HKHI veka: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 15 marta 2016 goda / отв. red. I.A. Sushkova. Saratov, 2016. S. 139 – 154.
6. Kolesnikova T.V. Vymogatel'stvo v Rossii: problemy rassledovaniya: monografiya. Saratov, 2014. 276 s. S. 158.

Об авторе: Колесникова Татьяна Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии
email: kolesn-tatyana @yandex.ru

© Колесникова Т.В., 2020

About the author: Kolesnikova Tatyana V., Candidate of Laws (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor of Prosecutor's Supervision and Criminology, Saratov State Law Academy
email: kolesn-tatyana @yandex.ru

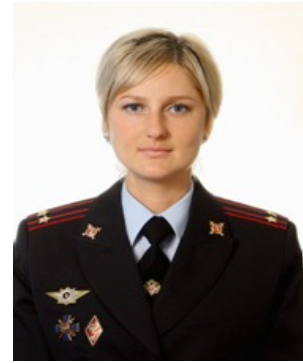
Статья получена: 28.03.2020. Статья принята к публикации: 23.06.2020. Статья опубликована онлайн: 29.06.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Т.А. Малыхина

**ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ
ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА
В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**

**THE MAIN FACTORS DETERMINING EXTREMISM
IN THE YOUTH**

Введение: в статье раскрываются основные криминогенные факторы, детерминирующие проявления экстремизма среди современной молодежи.

Материалы и методы: в работе использовались общенаучный метод всеобщего познания, системно-правовой, формально-правовой, криминологический анализ. Материалами исследования выступили разработки зарубежных и отечественных ученых-юристов, социологов и политологов, касающиеся проблем молодежного экстремизма.

Результаты исследования: в статье представлен анализ некоторых социально значимых проблем, детерминирующих рост экстремистских проявлений среди молодежи. Кроме того, рассмотрены психологические особенности личности рассматриваемой социальной категории как основные детерминанты современного молодежного экстремизма.

Обсуждение и заключения: на основе изучения психологических особенностей личности участников, как реальных, так и потенциальных, были выделены основные факторы, детерминирующие рассматриваемое криминальное явление, с целью дальнейшей разработки наиболее эффективных мер его профилактики.

Ключевые слова: детерминанты, причины и условия, молодежь, экстремизм, экстремизм в молодежной среде

Для цитирования: Малыхина Т.А. Основные факторы, детерминирующие проявления экстремизма в молодежной среде // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 197 – 202. DOI: 10.37973/KUI.2020.18.58.009

Introduction: the article reveals the main criminogenic factors determining the manifestations of extremism among the youth.

Materials and Methods: the general scientific method of general knowledge, system-legal, formal-legal, criminological analysis were used. The research materials were the development of foreign and domestic legal scholars, sociologists and political scientists regarding the issues of youth extremism.

Results: the main determinants of modern youth extremism and ways to resolve the problems associated with its prevention are highlighted, based on the study of personality traits, as the central link in this criminological study.

Discussion and Conclusions: on the basis of a comprehensive criminological study of the personality of participants, as well as leaders of extremist youth movements, both real and potential, the main factors that determine the criminal phenomenon in question were identified in order to further develop the most effective measures for its prevention.

Key words: determinants, causes and conditions, youth, extremism, extremism among young people

For citation: Malykhina T.A. The Main Factors Determining Extremism in the Youth // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 2. P. 197 – 202. DOI: 10.37973/KUI.2020.18.58.009

Введение

Проблемы, связанные с противодействием такому криминальному явлению, как экстремизм, сегодня, как и на протяжении многих лет, стоят достаточно остро. Актуальность противодействия экстремизму и терроризму как крайней формы его проявления обусловлена огромной общественной опасностью таких преступных явлений. Вместе с тем статистические показатели, отражающие состояние преступлений экстремистского характера в Российской Федерации, демонстрируют волнообразную динамику, при которой такие преступления с 2008 года по 2017 год включительно имели достаточно устойчивую тенденцию к росту. За последние же три года отмечается заметное снижение рассматриваемого показателя (с 1 521 зарегистрированного случая в 2017 году до 585 в 2019 году), однако его динамика все же вызывает озабоченность правоохранительных органов и иных субъектов профилактики в силу своей нестабильности и непредсказуемости, а также специфики рассматриваемого вида преступной деятельности и повышенной степени ее общественной опасности¹.

Согласно результатам исследований, экстремизм среди несовершеннолетних и молодежи захватывает все новые слои рассматриваемой возрастной категории населения, а многие преступные элементы остаются латентными, образуют новые «ветви», о которых у правоохранительных органов не имеется необходимой оперативной информации [1, 2, 3].

При всем разнообразии подходов к рассматриваемой проблеме в литературе в качестве особой формы существования экстремизма устойчиво выделяется молодежный, являющийся предметом настоящего исследования. Молодежный экстремизм подлежит первоочередному всестороннему изучению именно как социальный и криминологический феномен для осуществления его эффективной профилактики. Распространение молодежного экстремизма в России стало одной из острейших проблем современного государства и общества. Экстремизм в России «молодеет», наиболее часто преступления подобного рода совершают молодые люди в возрасте от 15 до 25 лет. Особую обеспокоенность вызывает растущее влияние в обществе экстремистских молодежных группировок и леворадикальных организаций [4, с. 54].

Сегодня в России существует множество националистических и антиправительственных группировок, членами которых являются молодые люди до от 16 до 25 лет. В сентябре 2015 г. городской суд Санкт-Петербурга признал экстремистской организацию НСИ («Национальная социалистическая инициатива»), участники и организаторы которой под видом пропаганды здорового образа жизни и борьбы с алкоголизмом и наркоманией внедряли в массы идеи расовой и межнациональной ненависти и насильственной вражды [5, с. 41 – 42].

Среди наиболее известных молодежных экстремистских националистических организаций можно выделить движение радикальной молодежи «АСАВ» («All Cops Are Bastards» – «Все копы – ублюдки»), «Always Carry A Bible» («Всегда носи с собой Библию»)². В современной России действуют различные типы радикальных экстремистских движений. Так, например, в восточной части страны активно развивается такое молодежное движение, как «АУЕ». Данную аббревиатуру принято расшифровывать как «Арестантский уклад един» или «Арестантско-уркаганское единство». Эта подростково-молодежная организация, по некоторым источникам, начала свое существование в 2018 г. в г. Владимире [5, с. 41-42].

Таким образом, в настоящее время изучение преступлений, совершаемых несовершеннолетними и молодежью, исследование их детерминант и разработка мер противодействия – одна из наиболее актуальных и важных задач. Об этом свидетельствуют и статистические данные Федеральной службы государственной статистики. Так, на почти 147 млн населения Российской Федерации приходится около 32 млн молодых людей в возрасте до 29 лет, т.е. порядка 23 %. При этом 14,5 млн составляет молодежь в возрасте до 19 лет³.

Для решения указанных проблем представляется необходимым на основании криминологического анализа феномена молодежного экстремизма выделить основные факторы, его детерминирующие, с целью дальнейшей разработки мер профилактики рассматриваемого явления на общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном уровнях.

¹ По данным ГИАЦ МВД России.

² URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/A.C.A.B.> Аббревиатура появилась еще в 1979 г. (благодаря песне одной популярной группы «4-Skins»), сегодня ее часто изображают на татуировках футбольных хулиганов. Данные лозунги популярны среди российских «скинхедов» различных направлений. Членов таких движений часто называют «злая молодежь», они совершают убийства и избиения по национальным и иным мотивам. Так, их насильственные действия направлены на мигрантов – приезжих из стран ближнего зарубежья, лиц «нерусской нации», не имеющих постоянного места жительства и т.д. Многие из таких организаций спокойно существуют на просторах социальных сетей / имеют страницы в соцсетях. В том же «ВКонтакте» сегодня можно встретить массу экстремистских групп националистического толка.

³ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect> (дата обращения: 20.01.2020).

Материалы и методы

Методологическую основу данного исследования составляет общенаучный метод всеобщего познания, системно-правовой, формально-правовой, криминологический анализ. Теоретическую основу исследования составили разработки зарубежных и отечественных ученых-юристов, социологов и политологов, касающиеся проблем молодежного экстремизма, а также Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025¹. Научная статья также основывается на анализе данных социологических исследований специалистов в данной области, касающихся психологических особенностей личности потенциальных и реальных участников молодежных экстремистских движений как одного из элементов криминологической характеристики личности.

Обзор литературы

Интерес к феномену молодежного экстремизма в науке достаточно велик. Анализ литературы по данной тематике демонстрирует многообразие подходов к изучению детерминирующих молодежный экстремизм факторов (Е.В. Майнагашева, Ю.А. Акунина, В.А. Мазуров, М.А. Стародубцева, Р.Р. Абдулганеев, С.Н. Миронов, А.Н. Варыгин, О.В. Шляпникова, Е.В. Демидова-Петрова, С.С. Оганесян и другие) [3, 5, 6, 7, 8].

В целом, говоря об экстремизме, необходимо отметить, что вовлекаемые в него лица нетерпимы к гражданам, принадлежащим к иным этносам или социальным группам. Причиной этого могут служить различные противоречия правового, политического, культурного, религиозного, экономического и иного характера. Основной же причиной молодежного экстремизма выступает возникающая на фоне указанных противоречий недостаточная социальная адаптация личности, которая, наряду с развитием асоциальных установок, вызывает развитие девиантных норм поведения.

С точки зрения Н.Б. Бааля, «фундаментальными факторами экстремизма являются незавершенные процессы модернизация и урбанизации, социальные контрасты и культурный спад, находящиеся в диалектической взаимосвязи с политическими, этноконфессиональными и социально-психологическими факторами. Все это, на его взгляд, обуславливает криминализацию многих молодежных сообществ, порождая в их среде культ силы, насилия, правовой нигилизм, нетерпимость к «чужакам» и другие» [2, с. 592 – 593].

В связи с этим стоит отметить, что Стратегия противодействия экстремизму в Российской Фе-

дерации до 2025 года, утвержденная Президентом РФ 28.11.2014 (Пр-2753), в качестве основных факторов, негативно влияющих на состояние национального рынка труда, межнациональные отношения в обществе, а также порождающих экстремистские проявления, выделяет неконтролируемую миграцию (в том числе незаконную), а также недостаточно регулируемые на региональном и муниципальном уровнях миграционные процессы, нередко нарушающие сложившийся в отдельных регионах и муниципальных образованиях этноконфессиональный баланс населения.

Указанные факторы способны социально дестабилизировать сознание молодых людей, позволяя организациям экстремистского характера привлекать в свои ряды все большее количество молодых людей, включая несовершеннолетних лиц. Действительно, в условиях слабой организации доступного досуга и социальной стабильности молодежи такие организации с легкостью вербуют молодых людей и подростков под видом пропаганды здорового образа жизни и предоставления бесплатной возможности занятия спортом. Попадая под влияние лидеров этих движений, молодые люди подвергаются мощной идеологической обработке.

Результаты исследования

Выделяя ряд социально значимых проблем, детерминирующих рост экстремистских проявлений среди молодежи, можно отметить следующее.

Во-первых, в качестве основной причины, порождающей деформацию личности ребенка, подростка и молодого человека, выделяется несовершенство системы воспитательной деятельности в семьях, школах и учебных заведениях. Во-вторых, это вытекающие из вышеуказанных факторов деформации идеологического и духовного сознания индивида, способствующие потере жизненных ориентиров. В-третьих, такими причинами, безусловно, являются проблемы, связанные с организацией досуга подростков и молодежи. К ним следует отнести недоступность многих объектов социально-культурной сферы, коммерциализацию центров досуга, отсутствие у большинства людей финансовой возможности заниматься различными видами спорта.

Наряду с этим определенные несоответствия принципов школьного воспитания современным тенденциям развития общества формируют неадекватные реакции молодого поколения на популярные и модные молодежные течения, порождающие в них сильное стремление погрузиться

¹ «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc.

в их идеологические ценности, проникнуться ими. Интенсивные политические, социальные, экономические, культурные преобразования, постоянно происходящие в современном обществе, безусловно, оказывают определенное влияние на мировосприятие молодежи, которое не всегда оказывается положительным.

Еще одним немаловажным фактором, оказывающим влияние на формирование молодежного экстремизма, является то, что современный мир «предлагает» молодым людям такую политику отечественного рынка труда, при которой происходит перераспределение потоков рабочей силы из государственного в негосударственный сектор экономики. Это создает ситуацию, при которой в большей мере становится востребованным неквалифицированный труд (торговля, элементы бытового обслуживания), занимаясь которым молодые люди, рискуя своим будущим благосостоянием, не способны обеспечить себя интеллектуальным багажом знаний и прецедентными навыками. Так, в сознании молодежи укореняется культ денег, формирующий мотивацию, направленную не на содержание трудовой деятельности, а на получение материальной выгоды [3, с. 41 – 42].

Кроме того, отмечаются негативные тенденции роста на интернет-просторах значительного числа сообществ и групп радикальных настроений, которые под видом пропаганды спорта и борьбы с пьянством и алкоголизмом вовлекают молодых людей и подростков. Большинство из них имеет своей целью формирование у молодых людей – спортивных, амбициозных и физически развитых – идей нацистского толка, вызывая в них нетерпимость и ненависть в отношении лиц неславянского происхождения.

Вся совокупность факторов, детерминирующих экстремизм в молодежной среде, так или иначе «накладывается» на эти особенности, способствуя при определенных обстоятельствах взаимодействия с личностью зарождению в ней экстремистских идей. Среди данных факторов можно выделить следующие:

1) комплекс проблем социально-политического характера, включающий в себя недостатки, связанные с качеством образования, проблемы трудоустройства и мотивации выбора профессии, социальное и материальное расслоение, недостаточную социальную поддержку нуждающихся в этом подростков и молодежи, недоступность многих сфер досуга, снижение авторитета государственной власти, недостаточно эффективное применение законодательных норм в сфере противодействия экстремизму и другие;

2) активное вовлечение молодежи в криминальную среду, которая проникает во многие сферы жизни общества, что способствует деформациям общественного сознания молодых людей, возникающим под воздействием социальных деформаций в обществе. Таким образом, причинами экстремизма в молодежной среде в данном контексте являются деформации общественной психологии на различных уровнях, в различных сферах жизни общества [1, с. 43];

3) рассматриваемому явлению способствуют негативные тенденции изменения ценностных ориентаций молодых людей, основанные на идеологиях религиозного фанатизма и экстремизма, отрицании норм и конституционных ценностей, интолерантности к иным нациям, религиям, этносам и др.;

4) реализация целей экстремистски направленных организаций способствует доступ к незаконному обороту оружия и взрывчатых веществ и устройств. Многие молодежные организации имеют в своем арсенале как холодное, так и огнестрельное оружие, обучают обращению с ним;

5) эффективное использование организаторами и лидерами молодежных экстремистских движений потенциальной агрессии и психологической уязвимости молодых людей, основанных на рассмотренных нами ранее факторах;

6) колоссальное влияние интернет-ресурсов и возможностей социальных сетей, используемых как для поиска, вербовки и идеологической обработки определенной аудитории, так и для реализации экстремистских целей [8, с. 74].

Обсуждение и заключения

На основании анализа проведенного исследования можно сделать вывод, что психологические особенности личности молодых людей при тех или иных условиях зачастую выступают главным фактором, способствующим вовлечению в экстремизм молодого поколения. Молодые, как правило, социально активные люди наиболее часто вовлекаются в различные конфликты, провоцируемые деятельностью деструктивных организаций, в том числе экстремистских. Именно молодежи свойственно проявление деструктивного поведения, противоречащего общепризнанным нормам и направленного на радикальное неприятие альтернативных взглядов. Экстремизм является одной из форм проявления такого поведения. Таким образом, молодежь, потенциально склонная к агрессивно-экстремистским действиям, является своеобразной группой риска, требующей особого внимания и изучения в данном ключе.

Исследование данной проблемы дает основания утверждать, что экстремистские молодежные

движения чаще всего зарождаются в крупных городах и столичных центрах. При этом девиантное поведение молодежи ставится следствием низкой культуры населения, отсутствия созидательного досуга, наличия в обществе групп с субкультурой маргинальной и криминальной направленности. Агрессивное поведение радикально настроенной молодежи все чаще проявляется в таких мегаполисах, как Москва и Санкт-Петербург. Все эти факторы в сочетании с пробелами в воспитании молодых людей, вышедших преимущественно из неблагополучных семей с низким уровнем достатка и культуры или являющихся воспитанниками детских домов, повышают вероятность зарождения молодежного экстремизма, особенно в крупных городах, где социальное отчуждение ощущается наиболее остро.

С учетом указанных фактов учеными выделяется ряд специфических причин, способных породить экстремистские проявления среди молодежи. В качестве таковых рассматриваются:

- наличие в обществе социального неравенства, усугубляющегося потребительскими установками, культивируемыми социумом через средства массовой информации, в том числе Интернет;

- отсутствие у большинства молодых людей реальной возможности удовлетворения своих потребностей законным путем, осознание того, что те цели и идеалы, которые современное общество и государство ставят перед человеком, не соответствуют предоставляемым ему возможностям;

- наличие «противоречий между повышенным энергетическим потенциалом, активным развитием физических, интеллектуальных, эмоциональ-

ных сил, желанием самоутвердиться среди взрослых и социальной незрелостью, недостаточным жизненным и профессиональным опытом, а следовательно, и достаточно невысоким социальным статусом» [3, с. 63].

Перечисленные факторы нередко толкают молодых и социально не состоявшихся людей на объединение в различные маргинальные группы со свойственной им субкультурой, в том числе радикальные, способные становиться мощным ресурсом для развития различных форм экстремистской деятельности. Так происходит процесс формирования в обществе негативной микросреды, сопровождающийся распространением в нем ценностей и норм поведения, отличных от общепринятых. Формирование субкультуры становится результатом интеграции людей, деятельность и образ жизни которых являются отклоняющимися от господствующих в современном обществе и, соответственно, отвергаемыми им. При этом чем интенсивнее происходит осуждение и отвержение субкультуры молодых людей таких сообществ государством и обществом, тем выше становится уровень их сплоченности.

Итак, экстремизм в современной молодежной среде представляет собой сложное, особенно с социально-психологической точки зрения, понятие, детерминированное огромным количеством факторов, вытекающих практически из всех сфер жизни общества. Таким образом, проблема молодежного экстремизма затрагивает все общественные сферы, а противодействие ему – это задача государственного уровня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демидова-Петрова Е.В. Основные факторы проявления экстремизма в молодежной среде в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. Казань: КЮИ МВД России. 2015. № 1 (19). С. 72 – 75.
2. Арестова О.Н. Борьба с экстремизмом в молодежной среде как основополагающая идея в развитии общества и укреплении его структуры // Рос. следователь. 2017. № 14. С. 54.
3. Акунина Ю.А. Социально-культурные условия профилактики экстремизма в молодежной среде: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05. М., 2005. 208 с.
4. Довгополая Т.А., Репецкая А.Л.. Бытовое мошенничество: виктимологическая характеристика и предупреждение: монография. Иркутск: ВСИ МВД РФ, 2009. 112 с.
5. Оганесян С.С. Религиозный экстремизм современной молодежи. Проблемы и основные направления профилактики // Обзор НЦПТИ. 2018. № 3 (14). С. 41 – 42.
6. Абдулганеев Р.Р., Миронов С.Н. Криминологический портрет личности современного экстремиста // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 1(31). С. 42 – 48. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11107
7. Бааль Н.Б. Социальные факторы и предпосылки развития политического экстремизма среди молодежи: материалы международной науч.-практич. конференции. М., 2006. С. 592 – 593.
8. Варыгин А.Н., Шляпникова О.В. Проблемы профилактического воздействия на групповую подростково-молодежную преступность // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 3 (37). С. 309 – 315. DOI: 10.24420/KUI.2019.83.20.008.

REFERENCES

1. Demidova-Petrova E.V. Osnovnye faktory proyavleniya ekstremizma v molodezhnoj srede v Rossijskoj Federacii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. Kazan': KYuI MVD Rossii. 2015. № 1 (19). S. 72 – 75.
2. Arestova O.N. Bor'ba s ekstremizmom v molodezhnoj srede kak osnovopolagayushchaya ideya v razvitii obshchestva i ukrepleniya ego struktury // Ros. sledovatel'. 2017. № 14. S. 54.
3. Akunina Yu.A. Social'no-kul'turnye usloviya profilaktiki ekstremizma v molodezhnoj srede: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.05. M., 2005. 208 s.
4. Dovgopolaya T.A., Repeckaya A.L. Bytovoe moshennichestvo: viktimologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie: monografiya. Irkutsk: VSI MVD RF, 2009. 112 s.
5. Oganessian S.S. Religioznyj ekstremizm sovremennoj molodezhi. Problemy i osnovnye napravleniya profilaktiki // Obzor NCPTI. 2018. № 3 (14). S. 41 – 42.
6. Abdulganeev R.R., Mironov S.N. Kriminologicheskij portret lichnosti sovremennogo ekstremista // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 1(31). S. 42 – 48.
7. Baal' N.B. Social'nye faktory i predposylki razvitiya politicheskogo ekstremizma sredi molodezhi: materialy mezhdunarodnoj nauch.-praktich. konferencii. M., 2006. S. 592 – 593.
8. Varygin A.N., Shlyapnikova O.V. Problemy profilakticheskogo vozdejstviya na gruppovuyu podrostkovomolodezhnuyu prestupnost' // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 3 (37). S. 309 – 315.

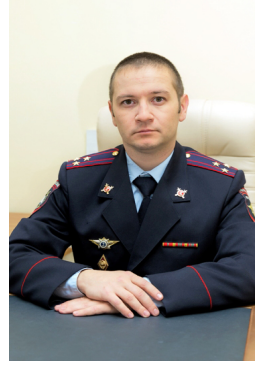
Об авторе: Малыгина Татьяна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России
email: malykhina_t@mail.ru

© Малыгина Т.А., 2020

About the author: Malykhina Tatyana A., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, East-Siberian Institute of MIA of Russia
email: malykhina_t@mail.ru

Статья получена: 23.12.2019. Статья принята к публикации: 23.06.2020.
Статья опубликована онлайн: 29.06.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

М.В. Степанов, А.В. Петрянин

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ
ПРОТИВОПРАВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОПРЯЖЕННОЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ**

**SOCIAL AND LEGAL CONDITIONALITY OF THE CRIMINALIZATION OF ILLEGAL
ACTIVITIES INVOLVING THE USAGE OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS**

Введение: в статье представлена социально-правовая концепция, обосновывающая необходимость уголовно-правовой охраны общественных отношений в области криминального использования виртуальной валюты; выделены юридические и экономические признаки и предпосылки криминализации такой деятельности; продемонстрировано современное состояние судебно-следственной практики, где предметом деяний выступают цифровые финансовые активы; представлены аргументы, указывающие на важность совершенствования механизмов уголовно-правовой охраны интересов в сфере владения, пользования и распоряжения цифровыми финансовыми активами.

Материалы и методы: нормативная основа представлена нормами уголовного и гражданского законодательства, демонстрирующими содержание общественных отношений в сфере оборота цифровых финансовых активов. Международно-правовой базис представлен отчетами Организации Объединенных Наций (далее – ООН) и Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (далее – ФАТФ). Проведенное исследование основано на сравнительно-правовом, логико-юридическом, системно-структурном методах. Материалами исследования послужили доктринальные и законодательные источники, затрагивающие вопросы противодействия криминальному использованию виртуальной валюты.

Результаты исследования: выделены признаки, присущие преступной деятельности, совершаемой с использованием виртуальной валюты; доказано, что цифровые финансовые активы могут выступать в качестве предмета или средства совершения общественно опасных деяний; обоснована криминализация такой формы противоправного поведения.

Обсуждение и заключения: угрозы, исходящие от криминального использования цифровых финансовых активов, обуславливают незамедлительное правовое реагирование на них. Первостепенным должно стать придание рассматриваемому предмету особого правового статуса в результате определения процедуры легального выпуска, учета и обращения указанных имущественных прав.

Ключевые слова: виртуальная валюта, криптовалюта, цифровые финансовые активы, экономическая деятельность, противодействие, преступная деятельность, уголовная политика

Для цитирования: Степанов М.В., Петрянин А.В. Социально-правовая обусловленность криминализации противоправной деятельности, сопряженной с использованием цифровых финансовых активов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 203 - 212. DOI: 10.37973/KUI.2020.54.49.010

Introduction: the article presents a socio-legal concept justifying the need for criminal legal protection of public relations in the field of criminal use of virtual currency; legal and economic features and prerequisites for criminalizing such activities are highlighted; demonstrated the current state of judicial investigative practice,

where the subject of acts is digital financial assets; arguments are presented that indicate the importance of improving the mechanisms of criminal law protection of interests in the field of ownership, use and disposal of digital financial assets.

Materials and Methods: Criminal and State Law that show the essence of social regulations in digital financial assets turnover. International-legal basis are UN reports and the Financial Action Task Force on Money Laundering reports. The study was based on the comparative-legal, logical-legal and systemic-structural methods. The study materials were doctrinal and legislative sources concerning the issues of counteracting the criminal use of virtual currency.

Results: signs inherent in criminal activity using the virtual currency (cryptocurrency) are highlighted; it is proved that digital financial assets can act as an object or means of committing socially dangerous acts; the criminalization of this form of unlawful behavior is justified.

Discussion and Conclusions: the threats posed by the criminal use of digital financial assets give rise to an immediate legal response to them. To give the subject under consideration of special legal status by determining the procedure for legal issue, accounting and circulation of these property rights should become paramount.

Key words: virtual currency, cryptocurrency, digital financial assets, economic activity; counteraction, criminal activity, criminal policy

For citation: Stepanov M.V., Petryanin A.V. Social and Legal Conditionality of the Criminalization of Illegal Activities Involving the Use of Digital Financial Assets // Bulletin of the Kazan law Institute of MIA of Russia. 2020. V 11, No 1. P. 203 - 212. DOI: 10.37973/KUI.2020.54.49.010

Введение

Рассматривая социально-правовую обусловленность криминализации противоправного использования виртуальной валюты, необходимо отметить, что установление уголовной ответственности за криминальную деятельность, сопряженную с оборотом цифровых финансовых активов, должно соответствовать критериям криминализации деяний. Поэтому необходимо определить их характер, степень общественной опасности, установить и проанализировать факты нарушений прав и интересов личности, общества, государства, актуальность и целесообразность установления такого рода превенции. Это даст возможность разработать научно обоснованные предложения по совершенствованию уголовно-правового механизма противодействия преступлениям, совершаемым с использованием криптовалюты¹.

Обзор литературы

Сверхактивное, поступательное распространение виртуальной валюты на площадке всего мирового пространства, ее экономическая привлекательность и правовая неурегулированность указывают на рост преступности, посягающей на оборот цифровых финансовых активов как на предмет имущественных прав, что привлекает внимание значительного количества ученых, в рамках которых, особо хотелось бы отметить И.И. Кучерова, Н.В. Летелкина, Т.В. Пинкевич, М.А. Простосердова М.А. и др. Современная наука озадачена вопросами противодействия общественно

опасным деяниям, сопряженным с использованием виртуальной валюты. Так, значительное направление в доктрине сосредоточено на определении признаков рассматриваемого предмета [1], а также вопросах противодействия деяниям, совершаемым в сфере оборота цифровых финансовых активов [2].

Вместе с тем самостоятельных исследований, раскрывающих необходимость криминализации самого факта неправомерного оборота криптовалюты, не проводилось. Представленная статья посвящена демонстрации уголовно-правовых и криминологических аргументов, а также юридических оснований, обосновывающих необходимость включения в УК РФ статьи 1871 «Неправомерный оборот цифровых финансовых активов».

Материалы и методы

Международно-правовая основа исследования представлена в отчетах ООН «Криптовалюты станут новым рубежом в мире финансов» и ФАТФ «Виртуальные валюты: ключевые определения и потенциальные риски в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма». Национальный базис включает уголовное и гражданское законодательство, а также проекты федеральных законов «О цифровых финансовых активах» и «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Общенаучные и частнонаучные методы составляют методологическую базу исследования.

¹Основной задачей данной работы является демонстрация социально-правовой обусловленности криминализации противоправной деятельности, сопряженной с использованием «цифровых финансовых активов». По этой причине работа объективно перенасыщена данным термином, без изложения которого невозможно выразить научную и концептуальную особенность проведенного исследования. Поэтому нами предлагается использовать в качестве синонимичных такие понятия, как «виртуальная валюта», «криптовалюта».

Результаты исследования

Криминализация деяний является ведущим направлением уголовной политики, и в доктрине уголовного права этому вопросу традиционно уделяется особое внимание [3, с. 226; 4, с. 27 – 29; 5, с. 167; 6, с. 58; 7, с. 108].

Вместе с тем на необходимость сохранения баланса между обусловленностью применения в рассматриваемой сфере средств уголовно-правового реагирования и излишней их репрессивностью неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации в рамках своих правовых позиций, согласно которым уголовный закон в силу своей природы является исключительно крайним средством государственного реагирования на те или иные проявления делинквентного поведения¹.

Приоритетным признаком, отличающим преступление от иного правонарушения, является критерий общественной опасности, проявляющийся в причинении вреда или угрозе его причинения охраняемым уголовным законом общественным отношениям. При этом уровень такой опасности должен свидетельствовать о необходимости применения средств, имеющих именно в уголовном законе. Этот фактор неоднократно отражался в прецедентах толкования (правовых позициях), закрепленных в решениях Конституционного Суда Российской Федерации².

С целью обоснования необходимости применения при регулировании указанной сферы общественных отношений именно мер уголовно-правового характера нами проведено обширное эмпирическое исследование, в рамках которого изучено 110 уголовных дел, 43 постановления об отказе в возбуждении уголовных дел и 137 приговоров судов за 2017–2019 годы, в которых виртуальная валюта фигурировала в качестве предмета преступного посягательства и средства реализации объективной стороны преступлений.

Так, в качестве предмета преступного посягательства криптовалюта выступает при совершении хищений чужого имущества независимо от способа их совершения.

Примером тому является уголовное дело № 11701670002000011, возбужденное Следственным управлением УМВД России по г. Севастополю по признакам преступления, предусмотренного пунктом «в» части второй статьи 158 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ).

Так, органами предварительного следствия установлено, что 29 января 2017 года неустановленное лицо путем свободного доступа, тайно похитило электронное имущество, а именно криптовалюту Bitcoin в количестве 8 единиц, что эквивалентно 35 000 рублей, причинив тем самым потерпевшему значительный материальный ущерб на указанную сумму.

Необходимо отметить, что приведенный факт является не единичным. Так, Следственным управлением МВД России по Республике Коми 8 июля 2018 года было возбуждено уголовное дело № 4018801 по признакам преступления, предусмотренного пунктами «в», «г» части третьей статьи 158 УК РФ по факту хищения криптовалюты, стоимость которой эквивалентна 400 000 рублей [8, с. 35].

Кроме рассмотренных примеров тайного хищения цифровых финансовых активов, посягательства на них квалифицируются правоприменителями и по статье 159 УК РФ «Мошенничество».

Так, приговором Октябрьского районного суда г. Тамбова от 15 февраля 2019 г. по уголовному делу № 1-134/2019 А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 159 УК РФ. Судом установлено, что А., используя сотовый телефон, на сайте www.LocalBitcoins.com вступил в интернет-переписку с потерпевшей и договорился о покупке криптовалюты. Сделка была оценена сторонами в 20 000 рублей, которые А. должен был перечислить потерпевшей на банковскую карту ПАО «Сбербанк России». А., не намереваясь выполнять взятые на себя обязательства по оплате криптовалюты, решил отправить потерпевшей смс-сообщение, полностью повторяющее по своему содержанию сообщение от сервиса мобильного банка: «900 VISA 4671 15:06:04 зачисление 20 000 рублей».

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 10.07.2003 № 270-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 5.

² По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска: постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4; По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян: постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 4; По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина: постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2 и другие.

*Будучи введенной в заблуждение, полагая, что смс-сообщение получено от банка, потерпевшая перевела на электронный кошелек А. принадлежащую ей криптовалюту на сумму 0,03875392 BTC*¹ Аналогичный пример рассмотрен и в приговоре Калининского районного суда г. Чебоксары².

Кроме этого, имеются примеры хищений цифровых финансовых активов и с применением насилия, являющегося обязательным признаком состава грабежа.

Так, в 2018 году в производстве Следственной части ГСУ УМВД России по г. Казани находилось уголовное дело № 11801920047000265, возбужденное 23 марта 2018 года по признакам преступления, предусмотренного пунктом «б» части третьей статьи 161 УК РФ.

Следствием установлено, что четверо жителей г. Казани в составе группы лиц по предварительному сговору совершили ряд преступлений, связанных с хищением криптовалюты Bitcoin у жителей г. Казани на сумму 1 715 059 рублей 36 копеек.

Участники преступной группы посредством мессенджера «Telegram» договаривались с потерпевшими о встрече с целью приобретения цифровых финансовых активов в форме криптовалюты. После этого, применяя насилие, неопасное для жизни и здоровья, вынуждали потерпевших осуществлять переводы криптовалюты Bitcoin на электронный кошелек, подконтрольный участникам преступной группы [8, с. 32].

Анализируя указанную выше фабулу, допускаем возможные варианты квалификации аналогичного противоправного поведения и по статье 162 УК РФ «Разбой» в случае применения насилия, опасного для жизни и здоровья, а также с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Приведенные примеры следственно-судебной практики в полной мере подтверждены и результатами проведенного социологического исследования. Более 32% опрошенных респондентов из

числа сотрудников следственных и оперативных подразделений органов внутренних дел сталкивались в профессиональной деятельности с хищениями чужого имущества в форме цифровых финансовых активов, из которых:

67% – мошенничества, то есть хищения чужого имущества, совершенные путем обмана или злоупотребления доверием (при этом квалификация осуществлялась по соответствующей части 159 УК РФ, а не 1593 УК РФ, что свидетельствует о признании цифровых финансовых активов в качестве имущества, а не электронного средства платежа);

26% – тайные хищения чужого имущества;

7% – насильственные варианты хищений чужого имущества³.

Также следует отметить, что, по мнению респондентов, цифровые финансовые активы выступают предметом преступного посягательства и в других запрещенных уголовным законом деяниях, не связанных с хищением чужого имущества, в частности легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем.

Мнения опрашиваемых специалистов подтверждаются конкретными примерами следственной и судебной практики.

Так, приговором Ленинского районного суда г. Челябинска от 5 февраля 2019 г. по уголовному делу № 1-129/2019 Б. осужден за преступление, предусмотренное частью первой статьи 174.1 УК РФ.

Судом установлено, что Б., действуя в интересах организованной группы, путем проведения финансовых и банковских операций, выразившихся в конвертировании криптовалюты Bitcoin в российские рубли, придал правомерный вид владению, пользованию и распоряжению имуществом, полученным им в результате преступной деятельности⁴.

Подобные решения обнаружены в практике судов Республики Башкортостан⁵, Республики Коми⁶, Пермского края⁷, Челябинской области⁸ и других регионов Российской Федерации.

¹ Приговор Октябрьского районного суда г. Тамбова от 15.02.2019 по уголовному делу № 1-134/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/YvXp7Upq9TJT/> (дата обращения: 13.01.2020).

² Приговор Калининского районного суда г. Чебоксары от 06.02.2018 по уголовному делу № 1-46/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/G3cJCuqgNzd6/> (дата обращения: 13.01.2020).

³ В опросе приняли участие 100 респондентов, являющихся представителями следственных подразделений, органов дознания, подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России, прошедших обучение на факультете переподготовки и повышения квалификации Нижегородской академии МВД России в 2019 году.

⁴ Приговор Ленинского районного суда г. Челябинска от 05.02.2019 по уголовному делу № 1-129/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/l7g4ThPG5KNJ/> (дата обращения: 13.01.2020).

⁵ Приговор Белорецкого городского суда Республики Башкортостан от 22.04.2019 по уголовному делу № 1-97/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BpClvhDjSrmx/> (дата обращения: 13.01.2020).

⁶ Постановление президиума Верховного суда Республики Крым от 15.05.2019 по уголовному делу № 1-3/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fL50CXСj1w5P/> (дата обращения: 13.01.2020).

⁷ Приговор Индустриального районного суда г. Перми от 25.02.2019 по уголовному делу № 1-38/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ggXUlmTEP61/> (дата обращения: 13.01.2020).

⁸ Приговор Ленинского районного суда г. Челябинска от 05.02.2019 по уголовному делу № 1-129/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/l7g4ThPG5KNJ/> (дата обращения: 13.01.2020).

Практика применения отечественного уголовного законодательства, несмотря на отсутствие нормативного закрепления правового статуса криптовалюты, свидетельствует о необходимости рассмотрения цифровых финансовых активов в качестве имущества. Это обстоятельство, на наш взгляд, связано с необходимостью реализации мер уголовно-правовой охраны собственности как важнейшего конституционного права от противоправных посягательств. Обусловлено это тем, что в применении гражданско-правового законодательства виртуальная валюта отнесена к имуществу.

В частности, в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/18 содержатся сведения о включении криптовалюты в конкурсную массу должника. В соответствии с частью первой статьи 189.91 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» все имущество кредитной организации, имеющееся на день открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства, составляет конкурсную массу¹.

Таким образом, правоприменитель реализует позиции, отраженные в указанных в статье рекомендациях ФАТФ, отчете ООН, отечественном гражданском законодательстве и проекте Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Указанное обстоятельство в полной мере подтверждено и результатами проведенного социологического исследования, более половины опрошиваемых согласились с позицией об обоснованности отнесения цифровых финансовых активов к разновидности имущества, аргументируя это тем, что подобный подход позволит создать методологические основы противодействия рассматриваемым преступлениям.

Рассмотрев цифровые финансовые активы в качестве предмета преступного посягательства, необходимо отметить, что виртуальная валюта может способствовать реализации объективной стороны ряда криминальных форм поведения, упрощая тем самым их выполнение. Это позволяет отнести ее к иному признаку состава преступления – средству совершения общественно опасного деяния [9, с. 3–4], [10, с. 226–227].

В ходе проведения настоящего исследования также изучены примеры использования цифровых финансовых активов в посягательствах, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Так, по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России (далее – ГИАЦ МВД России) и информации профильных подразделений, осуществляющих противодействие преступлениям, сопряженным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, в период с января по октябрь 2019 года в России зарегистрировано 160 043 преступлений, предусмотренных статьей 2281 УК РФ «Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества»², из них более 20 711 (12,94 %) деяний³ совершены с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». За аналогичный период 2018 года зарегистрировано 153 001 преступление (-4,4 %), из которых с использованием сетевых технологий на 33,8 % меньше по сравнению с аналогичным периодом 2019 года, то есть 13 711 деяний⁴.

Таким образом, удельный вес преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в общей массе деяний, связанных со сбытом наркотических средств, существенно растет, что актуализирует необходимость защиты этой сферы общественной жизни.

Статистические показатели применения сетевых технологий в преступной деятельности приведены не случайно. Этот критерий введен в официальную уголовную статистику в 2017 году и с тех пор стал отображаться в ежегодных отчетах ГИАЦ МВД России. Что касается использования цифровых финансовых активов, то в настоящее время официальный источник, который мог бы учитывать количественное значение такой деятельности при совершении преступлений, отсутствует⁵.

В то же время необходимо отметить, что из 50 проанализированных приговоров о преступлении-

¹ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Отчет ГИАЦ МВД России о состоянии преступности в России за январь-октябрь 2019 года. С. 33–35.

⁴ Согласно данным ведомственной статистики, в 2017 году зарегистрировано 90 587 преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телеком-муникационных технологий, в 2018 году – уже зафиксировано 174 700 преступлений (+92,8%). Прирост таких преступлений отмечается на территории почти всех федеральных округов и субъектов Российской Федерации.

⁵ По мнению авторов, включение показателя об использовании криптовалюты и токенов при совершении преступлений можно рассматривать как одно из направлений совершенствования деятельности ГИАЦ МВД России. Кроме того, необходимо совершенствование кадровой работы в указанной области.

ях, предусмотренных пунктом «б» части второй статьи 2281 УК РФ, более 18 % совершены с использованием цифровых финансовых активов. Это свидетельствует о широком использовании рассматриваемых технологий в криминальных целях.

Так, приговором Индустриального районного суда г. Перми от 30 мая 2019 года по уголовному делу № 1-210/2019 М. осужден по части третьей статьи 30, пунктам «а», «б» части третьей статьи 2281 УК РФ, части первой статьи 1741 УК РФ.

Согласно своей роли в преступной группе М. должен был оборудовать специальные тайники с наркотическими средствами, после чего в мессенджере «VProle» предоставлять информацию об их местонахождении неустановленным соучастникам, которые в последующем с целью незаконного сбыта наркотических средств предоставляли указанную информацию наркопотребителям посредством сети Интернет.

Расчеты за приобретаемые наркотические средства осуществлялись в криптовалюте. Вознаграждение участникам группы также осуществлялось в указанной форме¹.

Аналогичный пример рассмотрен в приговоре Нижегородского районного суда г. Нижнего Новгорода от 29 мая 2019 года по уголовному делу № 1-160/2019², а также в решениях судов других регионов Российской Федерации, в частности Республики Саха (Якутия)³, Красноярского края⁴, Ивановской⁵, Кемеровской⁶, Ростовской⁷, Рязанской⁸, Саратовской⁹, Ульяновской¹⁰ областей и города Санкт-Петербурга¹¹.

Необходимо отметить, что преступная деятельность, связанная со сбытом наркотических средств с использованием виртуальной валюты, зачастую имеет организованный характер.

Показательным является приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 11 апреля 2019 года по уголовному делу № 1-462/2019 по обвинению Д. в сбыте наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), совершенном в составе преступного сообщества (преступной организации), и последующей легализации денежных средств или иного имущества (в данном случае криптовалюты Bitcoin)¹².

Цифровые финансовые активы широко используются при совершении других деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

Так, приговором Череповецкого городского суда Вологодской области от 5 апреля 2019 года по уголовному делу № 1-102/2019 В. признан виновным в совершении контрабанды наркотических средств в крупном размере, то есть деяния, предусмотренного частью третьей статьи 229.1 УК РФ. Расчеты за приобретение товара и последующее его международное перемещение осуществлялись с использованием криптовалюты¹³.

Цифровые финансовые активы выступают средством реализации объективной стороны иных преступлений, например фальшивомонетничества.

Так, приговором Калужского районного суда Калужской области от 22 мая 2019 года по уголовному делу № 1-353/2019 Б. осужден по части

¹ Приговор Индустриального районного суда г. Перми от 30.05.2019 по делу № 1-210/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/L9T7Lyhm2VVx/> (дата обращения: 16.01.2020).

² Приговор Нижегородского районного суда г. Нижнего Новгорода от 29.05.2019 по уголовному делу № 1-160/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/6a9x37q70xy/?regular-txt=®ular-case_doc=1-160%2F2019®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1007®ular-court=Нижегородский+районный+суд+г.Нижний+Новгород+%28Нижегородская+область%29®ular-judge=&_id=1581869196776 (дата обращения: 16.01.2020).

³ Приговор Якутского городского суда (Республика Саха (Якутия)) от 30.05.2019 по уголовному делу № 1-123/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/L3Eyp3noh3xm/?regular-txt=®ular-case_doc=1-123%2F2019®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=Якутский+городской+суд+%28Республика+Саха+%28Якутия%29%29®ular-judge=&_id=1581869058214 (дата обращения: 19.01.2020).

⁴ Приговор Кировского районного суда г. Красноярска от 22.05.2019 по уголовному делу № 1-231/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IAwiYuplLpdS/> (дата обращения: 19.01.2020).

⁵ Приговор Советского районного суда г. Иваново от 07.03.2019 по уголовному делу № 1-44/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/491K2HJ4ykL8/> (дата обращения: 19.01.2020).

⁶ Приговор Кемеровского районного суда Кемеровской области от 27.02.2019 по уголовному делу № 1-179/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/d5VOqhNFIO6w/> (дата обращения: 19.01.2020).

⁷ Приговор Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону от 17.04.2019 по уголовному делу № 1-286/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/6szZ85W18O1K/?regular-txt=®ular-case_doc=1-286%2F2019®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=Ворошиловский+районный+суд+г.+Ростова-на-Дону+%28Ростовская+область%29®ular-judge=&_id=1581869691789 (дата обращения: 19.01.2020).

⁸ Приговор Октябрьского районного суда г. Рязани от 27.02.2019 по уголовному делу № 1-42/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vo958lfr6UN1/> (дата обращения: 19.01.2020).

⁹ Приговор Балаковского районного суда Саратовской области от 30.05.2019 по уголовному делу № 1-270/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vo958lfr6UN1/> (дата обращения: 19.01.2020).

¹⁰ Приговор Заволжского районного суда г. Ульяновска от 14.02.2019 по уголовному делу № 1-53/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MJZVcrLrLHgA/> (дата обращения: 19.01.2020).

¹¹ Приговор Московского районного суда г. Санкт-Петербурга от 28.05.2019 по уголовному делу № 1-370/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MamciwvL8clQ/> (дата обращения: 19.01.2020).

¹² Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 11.04.2019 по уголовному делу № 1-462/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/V8y4I9rcjRUc/> (дата обращения: 19.01.2020).

¹³ Приговор Череповецкого городского суда Вологодской области от 05.04.2019 по уголовному делу № 1-102/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pqcOXqOL1Hgi/> (дата обращения: 19.01.2020).

первой статьи 186 УК РФ. Согласно показаниям осужденного он с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» приобрел три поддельные денежные купюры Банка России, которые забрал через «закладку», при этом оплачивал данные купюры криптовалютой Bitcoin¹.

Следует констатировать, что, несмотря на отсутствие нормативного установления статуса цифровых финансовых активов, выявлена сложившаяся практика применения уголовного законодательства в сфере противодействия криминальным посягательствам с их использованием в преступных целях.

В то же время формат настоящего исследования не позволяет охватить весь спектр норм уголовного закона, связанных с цифровыми финансовыми активами [11, с. 44 – 47]. В разрешении данного вопроса мы разделяем позицию О.М. Сафонова, указывающего, что «большинство из закрепленных в Уголовном кодексе Российской Федерации умышленных преступлений можно совершить с использованием компьютерных технологий, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей» [12, с. 163–165], следовательно, и криптовалюты.

Прав Н.В. Летелкин, который обосновал широкое распространение преступной деятельности в теневом секторе информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сопряженной с использованием цифровых финансовых активов. В качестве примеров автор приводит деяния, содержащие признаки преступлений, предусмотренных статьями 127.1, 171.2, 174, 174.1, 191.1, 204, 205.1, 222, 222.1, 223.1, 226, 226.1, 228, 228.1, 234, 234.1, 240, 242, 242.1, 290 УК РФ [13, с. 86 – 92].

Таким образом, указанные примеры следственной и судебной практики, результаты анкетирования, интервьюирования респондентов, а также ранее проведенные исследования в изучаемой сфере обосновывают попытку авторской систематизации преступлений, совершаемых с использованием виртуальной валюты, в соответствии с которой предлагается рассмотрение цифровых финансовых активов в качестве:

– предмета преступного посягательства (статьи 158, 159, 161, 162, 163, 204, 242, 242.1, 290 УК РФ и другие статьи УК РФ);

– средства совершения преступлений (статьи 127.1, 171.2, 174, 174.1, 186, 191.1, 205.1, 222,

222.1, 223.1, 226, 226.1, 228, 228.1, 229.1 УК РФ и другие статьи УК РФ).

Следует учитывать, что доминирующим основанием криминализации является общественная опасность, под которой в доктрине уголовного права понимается объективное свойство деяния, определяемое тем вредом, теми последствиями, которые оно может причинить личности, обществу, государству. При установлении ответственности за конкретное деяние необходимо, чтобы его общественная опасность доходила до уровня, способного причинить существенный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям либо создать угрозу причинения такого вреда. В данном случае она определяется их распространенностью, совершением таких преступлений, как правило, организованными группами или преступными сообществами, размером причиняемого ущерба и другими факторами.

Так, В. и Б., являясь активными участниками организованной группы и действуя в соответствии с единым умыслом группы, направленным на отмывание преступного дохода, в период с 1 ноября 2016 года по 20 ноября 2017 года путем проведения финансовых и банковских операций, выражавшихся в конвертировании криптовалюты Bitcoin в российские рубли, придали правомерный вид владению, пользованию и распоряжению денежными средствами, полученными преступным путем, то есть легализовали преступный доход в особо крупном размере на общую сумму 7 415 065 рублей 54 копейки. 5 апреля 2018 года уголовное дело соединено в одно производство с уголовным делом по обвинению В. и Б., им предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных частью третьей статьи 30, пунктами «а», «г» части четвертой статьи 228.1; пунктами «а», «б» части четвертой статьи 174.1 УК Российской Федерации.

Говоря о распространенности криптовалютной деятельности в обществе, следует отметить, что среди 3 000 человек, участвовавших в интернет-опросе, проведенном журналом ForkLog² в конце 2017 года, 90,2% оказались обладателями цифровых финансовых активов, при этом планировали их приобрести 6,6%.

Что касается участия в торгах на криптовалютных биржах, то 43,6% опрошенных в них не участвовали и не собирались, 32,1% планировали, 21,2% принимали участие уже несколько раз, 3,1% – множество раз.

¹ Приговор Калужского районного суда Калужской области от 22.05.2019 по делу № 1-353/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dz14cOg3V3ZJ/> (дата обращения: 19.01.2020).

² Итоги опроса «Биткоин и другие криптовалюты в нашей жизни». URL: <https://forklog.com/itogi-oprosa-forklog-bitkoin-i-dругие-kriptovalyuty-v-nashej-zhizni/> (дата обращения: 13.01.2019).

Более половины опрошенных (50,5%) считали Bitcoin глобальной валютой будущего, 27,6% – многофункциональным цифровым товаром, 19% – спекулятивным активом, который не имеет значимого практического применения, а 2,8% – предметом коллекционирования.

Таким образом, данные свидетельствуют, что цифровые активы не только воспринимаются обществом в качестве имущества, но и превращаются в инвестиции. Криптовалютная деятельность масштабно развивается, и если государство сможет урегулировать экономические процессы, то виртуальная валюта и технология Blockchain будут обеспечивать существенный прирост валового внутреннего продукта [14, с. 231] и реализацию приоритетных направлений развития Российской Федерации¹.

В настоящее время на территории России создано и функционирует множество псевдохолдингов, осуществляющих свою деятельность путем привлечения инвесторов, принимающих в доверительное управление криптовалюту и участие в торгах на бирже с целью получения прибыли, часть которой в соответствии с разработанной бонусной системой выплачивается в виде процентов инвесторам.

Так, с 2015 по 2019 годы на территории Российской Федерации появилось более 20 организаций (Cashbery, Ajforex, Trade-fund, Elysium-ltd, Amazing5, Venture-alliance, Rede-x, Kiboplatform, Webtransfer, Credex, Me-coin, Ethtrade (P), ALPHA-Hold (P) и другие), которые предлагали высокие проценты при соглашении о доверительном управлении криптовалютой. Примером тому может служить ALPHA-Hold, начавшая деятельность в августе 2017 года и привлекая к участию более 180 000 человек. Несмотря на то, что в течение года холдинг своевременно выплачивал проценты от сделок инвесторам, впоследствии деятельность организации была прекращена, а активы, привлеченные от участников, были похищены.

Таким образом, в связи с положениями проекта Федерального закона «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» обосновывается не только совершенствование существующих подходов к уголовно-правовой охране рассматриваемых общественных отношений, но и криминализация незаконного оборота цифровых финансовых активов.

Учитывая количественные и качественные характеристики преступности, сопряженной с ис-

пользованием цифровых финансовых активов, необходимо констатировать важность совершенствования механизмов уголовно-правовой охраны интересов в сфере владения, пользования и распоряжения цифровыми финансовыми активами. При этом такая деятельность должна осуществляться с учетом положений проекта Федерального закона «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В случае принятия этого нормативного правового акта (в редакции, подготовленной ко второму чтению) оборот рассматриваемых средств будет ограничен, а деятельность, связанная с их выпуском и последующим оборотом, потребует включения в специальный реестр операторов информационных систем и (или) реестр операторов обмена цифровых финансовых активов. Следовательно, деятельность по обороту цифровых финансовых активов будет признаваться законной только в случае наличия специальной регистрации, осуществляемой Центральным банком Российской Федерации.

Обсуждение и заключение

В качестве вывода отметим, что изучение социально-правовой обусловленности криминализации деяний, сопряженных с использованием виртуальной валюты, не просто возможно, но и необходимо, что подтверждается следующими теоретико-прикладными аргументами:

- цифровые финансовые активы выступают в качестве предмета посягательств, а также используются при совершении широкого круга общественно опасных деяний, посягающих на различные объекты уголовно-правовой охраны в качестве средства;

- признаки, присущие преступной деятельности, совершаемой с использованием криптовалюты (значительный имущественный ущерб, высокая организованность противоправной деятельности, а также технологичность) свидетельствуют о высоком характере и степени ее общественной опасности;

- складывающаяся следственно-судебная практика в сфере противодействия рассматриваемым преступлениям (в условиях нормативной неопределенности статуса виртуальной валюты) свидетельствует о необходимости реализации именно уголовно-правовых мер реагирования на криминальное использование рассматриваемых активов или посягательство на них;

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

- в связи с предполагаемым принятием Федерального закона «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым определена процедура легального выпуска, учета и обращения указанных имущественных прав, обоснована необходимость криминализации их незаконного оборота.

- криминализация неправомерного оборота криптовалюты может быть отражена во введенной в Уголовный кодекс РФ статье 187.1 «Неправомерный оборот цифровых финансовых активов», обоснование и содержание признаков которой будет раскрыто авторами в следующих публикациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кучеров И.И. «Криптовалюта: (идеи правовой идентификации и легитимации альтернативных платежных средств): монография. М.: Центр ЮрИнфоР, 2018. 203 с.
2. Простосердов М.А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 167 с.
3. Беккария Ч.О. преступлениях и наказаниях. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 464 с.
4. Кенни К. Основы уголовного права. М.: Иностран.лит., 1940. 599 с.
5. Курлянский В.С., Карпушин М.П. Уголовная ответственность и состав преступления. М.: Юрид.лит., 1977. 232 с.
6. Гальперин И.М. Уголовная политика и уголовное законодательство // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 47 – 76.
7. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. 608 с.
8. Ушаков А.Ю., Саакян А.Г., Поздышев Р.С., Мuryлева О.Н. Практика расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалюты: аналитический обзор. Н. Новгород, 2019. С. 35.
9. Пономарева Н.П. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. С. 3 – 4.
10. Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Объективная сторона преступления. СПб.: Изд-во Юридического института, 2004. С. 226 – 227.
11. Боровикова В.В. Информационная политика и уголовно-правовые средства ее обеспечения // Бизнес в законе. 2013. № 4. С. 44 – 47.
12. Сафонов О.М. Особенности объекта уголовно-правовой охраны для преступлений, совершаемых с использованием компьютерных технологий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45): в 2-х ч. Ч. I. С. 163 – 165.
13. Летелкин Н.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»): дис. ... канд. юрид. наук; 12.00.08. Н. Новгород, 2018. 218 с.
14. Долгиева М.М. Социальная обусловленность возникновения уголовно-правовых запретов нарушений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 225 – 235.

REFERENCE

1. Kucherov I. I. «Kriptovalyuta: (idei pravovoj identifikacii i legitimacii al'ternativnyh platezhnyh sredstv): monografiya. M.: Centr YUrInfoR, 2018. 203 s.
2. Prostoserdov M. A. Ekonomicheskie prestupleniya, sovershaemye v kiberprostranstve: monografiya. M.: YUrlitinform, 2017. 167 s.
3. Bekkariya CH. O prestupleniyah i nakazaniyah. M.: YUrid. izd-vo NKYU SSSR, 1939. 464 s.
4. Kenni K. Osnovy ugovolnogo prava. M.: Inostr.lit., 1940. 599 s.
5. Kurlyanskij V.S., Karpushin M.P. Ugolovnaya otvetstvennost' i sostav prestupleniya. M.: YUrid.lit., 1977. 232 s.
6. Gal'perin I.M. Ugolovnaya politika i ugovolnoe zakonodatel'stvo // Osnovnye napravleniya bor'by s prestupnost'yu. M., 1975. S. 47 – 76.
7. Lopashenko N.A. Ugolovnaya politika. M.: Volters Kluver, 2009. 608 s.
8. Ushakov A.YU., Saakyan A.G., Pozdyshev R.S., Muryleva O.N. Praktika rassledovaniya prestuplenij, sovershennyh s ispol'zovaniem kriptovalyuty: analiticheskij obzor. N. Novgorod, 2019. S. 35.
9. Ponomareva N.P. Ugolovno-pravovoe znachenie sposoba soversheniya prestupleniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1970. S. 3 – 4.
10. Malinin V.B., Parfenov A.F. Ob"ektivnaya storona prestupleniya. SPb.: Izd-vo YUridicheskogo instituta, 2004. S. 226 – 227.
11. Borovikova V.V. Informacionnaya politika i ugovolno-pravovye sredstva ee obespecheniya // Biznes v zakone. 2013. № 4. S. 44 – 47.

12. Safonov O.M. Osobennosti ob"ekta ugovorno-pravovoj ohrany dlya prestuplenij, sovershaemyh s ispol'zovaniem komp'yuternyh tekhnologij // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2014. № 7 (45): v 2-h ch. CH. I. С. 163 – 165.
13. Letelkin N.V. Uголовно-правовое protivodejstvie prestupleniyam, sovershaемым s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej (vključaya set' «Internet»): dis. ... kand. yurid. nauk; 12.00.08. N. Novgorod, 2018. 218 s.
14. Dolgieva M.M. Social'naya obuslovlennost' vzniknoveniya ugovorno-pravovyh zapretov narushenij, sovershaemyh v sfere oborota kriptoalyuty // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2018. № 10. S. 225 – 235.

Об авторе:

Петрянин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России

email: petryanin@mail.ru

Степанов Максим Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России

email: stepanov52m@mail.ru

© Петрянин А.В., 2020

© Степанов М.В., 2020

About the authors:

Petrianin Alexey V., Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor, Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, the Nizhny Novgorod Academy of MIA of Russia

email: petryanin@mail.ru

Stepanov Maxim V., Candidate of Laws (Research doctorate), Associate Professor, Head of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Nizhny Novgorod Academy of MIA of Russia

email: stepanov52m@mail.ru

Статья получена: 17.02.2020. Статья принята к публикации: 23.06.2020. Статья опубликована онлайн: 29.06.2020.

Заявленный вклад авторов

Степанов Максим Вячеславович – разработка и обоснование концепции исследования, определение цели и задачи, сбор и анализ эмпирического материала, подготовка первоначального варианта текста.

Петрянин Алексей Владимирович – поиск и исследование доктринального материала, доработка текста, анализ гражданского законодательства, формирование выводов, оформление статьи по установленным требованиям.

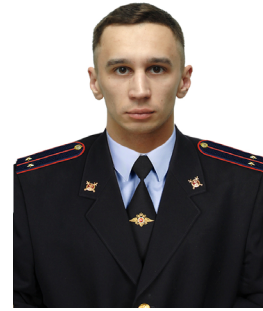
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Б.Э. Шавалеев

**БАНКОВСКИЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ**

**BANKING MEASURES TO COMBAT INFORMATION
TECHNOLOGY CRIMES**

Введение: статья посвящена рассмотрению банковских мер противодействия преступлениям в сфере информационных технологий. На основе исследованного опыта ряда зарубежных стран и отечественной следственно-судебной практики предложены инициативы в целях оптимизации системы мер банковского реагирования.

Материалы и методы: в ходе написания статьи автором были использованы общенаучные и частнонаучные методы познания, среди которых превалирует диалектический метод, в том числе методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой, статистический и формально-логический методы.

Результаты исследования: в статье проанализированы современные тенденции, характеризующие хищения, совершенные с использованием электронных средств платежей, в структуре российской преступности. Анализ опыта зарубежных стран позволил определить наиболее эффективные меры в сфере предупреждения данных деяний. Изучение отечественной системы предупреждения противоправных безналичных транзакций в банковской сфере свидетельствует о том, что не разрешен ряд вопросов, связанных с предупреждением мошенничества с использованием электронных средств платежа.

Обсуждение и заключения: автором на основе действующего законодательства и практики реализации мер предупреждения противоправных транзакций с использованием электронных средств платежа предложены меры по оптимизации системы банковского реагирования, направленные на охрану прав собственности.

Ключевые слова: предупреждение, мошенничество, электронные средства платежа, банковские меры, транзакции, информационные технологии

Для цитирования: Б.Э. Шавалеев Банковские меры противодействия преступлениям в сфере информационных технологий // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 213 - 218. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.85.011

Introduction: the article is devoted to the consideration of banking measures to combat crimes in information technology. Based on the experience of a foreign countries and domestic investigative and judicial practice, the author proposes initiatives to optimize the system of banking response measures.

Materials and Methods: general and private scientific methods of cognition were used, among which the dialectic method prevails, as well as methods of analysis and synthesis, comparative legal, statistical and formal logical methods.

Results: the article presents the current trends characterizing the theft committed using electronic means of payment in the structure of Russian crimes. Foreign experience made it possible to determine the most effective measures in preventing these acts. The study of the domestic system of banking measures to prevent illegal cashless transactions indicated that a number of issues related to the prevention of fraud using electronic means of payment have not been resolved.

Discussion and Conclusions: the author, on the basis of current legislation and practice of implementing measures to prevent illegal transactions using electronic means of payment, has proposed measures to optimize the banking response system aimed at protecting public relations in cashless payments.

Keywords: prevention, fraud, electronic means of payment, banking measures

For citation: Shavaleyev B.E. Banking Measures to Combat Information Technology Crimes // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 2. P. 213 - 218. DOI: 10.37973/KUI.2020.41.85.011

Введение

Увеличение доли безналичных платежей с использованием электронных средств платежа в общем объеме транзакций характерно для большинства стран, в том числе и для Российской Федерации. Мы не учитываем форс-мажорные обстоятельства, связанные с пандемией, объявленной Всемирной организацией здравоохранения 11 марта 2020 г. в связи с распространением коронавирусной инфекции¹, вынудившей население отказаться от наличных денежных средств, поскольку еще в 2019 г. независимые аналитики опубликовали прогноз, согласно которому ожидалось увеличение доли безналичных транзакций в общем объеме переводов до 68,8 %².

Однако развитие товарно-денежных отношений способствовало совершенствованию и технологизации противоправной деятельности. По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России (далее – ГИАЦ МВД России), в январе-декабре 2019 года было зарегистрировано 294,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 68,5 % больше, чем по итогам 2018 г. При этом уже в январе-марте 2020 г. было зарегистрировано 101,5 тыс. преступлений данного вида, что на 83,9 % больше, чем за аналогичный период предыдущего года. Заслуживает внимания тот факт, что 78 % подобных преступлений – это кражи или мошенничества³. Как правило, механизм данных преступлений предполагает противоправное использование банковских карт или иных электронных средств платежа, в частности, в результате обмана работника торговой или кредитной организации [7, с. 132]. Следовательно, совершенствование банковских мер реагирования позволит с большей эффективностью противодействовать преступной деятельности в данной сфере.

Обзор литературы

Опыт зарубежных стран в сфере предупреждения преступности в целом, а также отдельных видов преступлений, в том числе и с примене-

нием информационных технологий, освещался в исследованиях таких отечественных авторов, как Р.Н. Боровских, Г.Н. Дорошин, Л. М. Прозументов, А.В. Шеслер [2, с. 27], А.И. Долгова [3, с. 251], В. Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов [4, с. 373], С.Л. Алексеев, Р.Р. Салимзянова [5, с. 45], Я.И. Гилинский, Ю.В. Морозова, П.В. Федышина [6, с. 73].

Материалы и методы

При проведении исследования автор использовал современное законодательство Российской Федерации, в частности, следующие нормативные правовые акты: Гражданский кодекс РФ⁴; Уголовный кодекс РФ⁵; федеральные законы РФ от 2 декабря 1990 года № 395-1 «О банках и банковской деятельности»⁶ и от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»⁷, а также иные правовые акты, в частности, положение Банка России от 24 декабря 2004 года № 266-П «Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием»⁸, официальные статистические данные, опубликованные ГИАЦ МВД России, а также учитывал результаты, полученные другими авторами в рамках обозначенной проблематики.

Выбор методов исследования был обусловлен междисциплинарным характером исследования, что позволило сформулировать правовые и организационные банковские меры в целях противодействия преступлениям в сфере информационных технологий.

Результаты исследования

Согласно Федеральному закону «О национальной платежной системе» электронное средство платежа – это средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверить и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств⁹.

¹ ВОЗ объявила пандемию коронавирусной инфекции // <https://ria.ru/20200311/1568462236.html> (дата обращения: 24.05.2020).

²Безналичные расходы россиян впервые оказались выше наличных. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения 24.05.2020).

³Сведения взяты из отчетов, основанных на данных автоматизированного информационно-справочного программного комплекса МВД России.

⁴Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1994 (ред. от 12.05.2019) // Российская газета. 1994. № 238.

⁵Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 61-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Российская газета. 1996. № 113.

⁶О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. 27.12.2019) // Российская газета. 1996. № 27.

⁷О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. 06.02.2020) // Российская газета. 2011. № 139.

⁸Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием: положение Банка России от 24.12.2004 № 266-П (ред. от 14.01.2015) // Вестник Банка России. 2005. № 17.

⁹О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. 27.12.2019) // Российская газета. 2011. № 139.

С целью охраны прав собственности в Уголовный кодекс Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) в 2012 г. были введены специальные составы мошенничества, а часть 3 статьи 158 дополнена пунктом «г», предусматривающим уголовную ответственность за кражу с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств².

Определение понятия «электронные денежные средства» также представлено в Федеральном законе «О национальной платежной системе» – это денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа³.

Нами был проведен анализ опубликованной судебной практики с помощью интегратора судебных решений⁴, по результатам которого были выявлены объективные закономерности исследуемых преступлений. Охват исследования составил более 100 приговоров, вынесенных судами общей юрисдикции Российской Федерации с 2015 по 2020 гг. по п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159.3 УК РФ⁵.

Согласно сведениям, опубликованным ГИАЦ МВД России, удельный вес исследуемых нами преступных деяний в общем числе зарегистрированных преступлений вырос до 19,9 %⁶. При этом раскрываемость данной группы преступлений в отчетном периоде составила 50 %.

Указанные деяния относятся к преступности в сфере высоких технологий. В целях однозначного толкования данного понятия обратимся к определению А.В. Аносова и Е.С. Кашапова, по мнению которых, преступления в сфере высоких технологий представляют собой обобщающее

понятие совокупности преступлений, совершенных с использованием современных сложных технологий, относящихся к наукоемким отраслям производства или обслуживания [1, с. 18]. Также приведем меры по противодействию корыстным преступлениям в сфере высоких технологий, руководствуясь данными официальной статистики, опубликованной ГИАЦ МВД России.

По итогам 2019 г. общий ущерб от противоправных транзакций в Российской Федерации, согласно данным Центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере Центрального Банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ), составил 6,4 млрд рублей, а средняя сумма похищенных электронных денежных средств составила 10 тыс. рублей⁷.

Исходя из очевидных сложностей в раскрытии и расследовании корыстных преступлений с использованием информационных технологий, обусловливаемых механизмом преступления, полагаем, что наиболее эффективным способом обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также охраны собственности является применение специфических мер предупреждения.

В целях определения наиболее эффективных мер противодействия корыстным преступлениям с использованием информационных технологий нами был изучен опыт зарубежных стран, поскольку история развития электронных средств платежа и электронных денежных средств в странах Европы и Америки берет свое начало с середины XX века, что предполагает возможность экстраполирования и применения передового опыта ряда стран в условиях современной российской действительности.

По состоянию на конец 2019 г. в Швеции в личной форме осуществлялось менее 2 % расчетов⁸, аналогичная ситуация наблюдается в Дании, Республике Исландия и Норвегии⁹. Во многих современных странах объемы безналичных платежей превысили 70 % от общего объема транзакций в результате применения мер законодательного

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 61-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Российская газета 1996. № 113.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ (ред. 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 49. Ст. 6752.

³ О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. 27.12.2019) // Российская газета 2011. №139.

⁴ Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 24.05.2020).

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 61-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Российская газета. 1996. № 113.

⁶ Сведения взяты из отчетов, основанных на данных автоматизированного информационно-справочного программного комплекса МВД России.

⁷ Мошенники в 2019 году украли у клиентов банков 6,4 млрд рублей. URL: <http://www.iksmedia.ru/news/5646620-Moshenniki-v-2019-godu-ukrali-u-kli.html#ixzz6Jz8bRIMI> (дата обращения 24.05.2020).

⁸ Шведские деньги: прощание с бумагой. URL: <https://ru.sweden.se/ljudi/dengi-eto-bumaga-tolko-ne-v-shvecii> (дата обращения 24.05.2020).

⁹ Эволюция платежей: что заставляет людей отказываться от наличных. URL: <https://plus.rbc.ru/specials/page1905509.html> (дата обращения 24.05.2020).

ограничения расчетов с использованием наличных денежных средств, что привело к необходимости дополнительного обеспечения правовой защиты указанной сферы общественных отношений¹.

В Соединенных Штатах Америки (далее – США) по сравнению с 1992 г. удалось снизить потери от мошенничества с банковскими картами на 70 %, в странах Евросоюза реализация превентивных мер позволила добиться снижения потерь от мошенничества более чем на 75 % по сравнению с уровнем конца 1990-х годов, во многом благодаря эффективному международному взаимодействию, технологическому совершенствованию порядка расчетов с использованием электронных средств платежа, актуализации систем безопасности и т.д.²

Изучение опыта зарубежных стран позволило прийти к выводу, что наиболее эффективным способом противодействия преступности с использованием информационных технологий является совершенствование мер банковского реагирования.

Развитие системы платежей в режиме реального времени (Real-Time Gross Settlement — RTGS), а также применение с 2013 г. усовершенствованных алгоритмов осуществления транзакций с дополнительной информацией (International Standards Organization — ISO20022) позволяет с большей вероятностью выявить неправомерную транзакцию в общем потоке платежей³.

Внедрение информационных чипов в банковские карты, способных обрабатывать свойства и особенности операции, оповещать банк-эмитент об условиях осуществления перевода также позволило повысить безопасность осуществления безналичных платежей. Модуль защиты данных банковской карты реализует шифрование, проверку целостности, а также генерирует случайные числа, которые используются для формирования уникальных транзакций, то есть совершенствование технического обеспечения платежей является необходимой мерой в предупреждении преступности данного вида.

По состоянию на начало апреля 2020 г. многие меры уже были интегрированы в банковскую систему Российской Федерации. Так, в целях обеспе-

чения безопасности совершаемых операций ЦБ РФ рекомендовал кредитным организациям применять технологии виртуальных частных сетей, многофакторной аутентификации, а также организовать мониторинг и контроль действий пользователей удаленного мобильного доступа.

Однако многие банки в Российской Федерации по-прежнему не интегрировали систему распознавания противоправных операций, что не позволяет добиться существенных результатов в сфере противодействия преступлениям с использованием информационных технологий⁴. Сущность данной системы заключается в анализе закономерностей в условиях эксплуатации электронных средств платежа, а также выявлении нетипичных для клиента переводов электронных денежных средств.

Перевод денежных средств — это действия оператора по переводу денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов по предоставлению получателю средств денежных средств плательщика⁵.

В 2018 г. ЦБ РФ обязал кредитные организации блокировать подозрительные транзакции, а также конкретизировал признаки такой транзакции:

- совпадение информации о получателе перевода с данными базы ЦБ о случаях и попытках хищений;
- совпадение параметров устройства, с которого совершается перевод, с данными из базы ЦБ РФ;
- несовпадение характера, параметра, объема, места совершения операции или устройства, с которого она проводится, с данными об обычных для клиента транзакциях⁶.

В соответствии с ч. 5 ст. 27 Федерального закона «О национальной платежной системе» ЦБ РФ формирует базу данных о получателе денежных средств без согласия клиента, а также базу данных с параметрами устройств, с помощью которых был осуществлен доступ к автоматизированной системе, программному обеспечению в целях перевода денежных средств без согласия клиента⁷. Кредитные организации также уполномочены собирать информацию о противоправных транзакциях и в дальнейшем передавать ее ЦБ РФ.

¹ Там же.

² Fraud. The facts 2012. URL: http://www.theukcardsassociation.org.uk/wm_documents/Fraud_The_Facts_2012.pdf (дата обращения 24.05.2020).

³ Instant Payments Mean Real-Time Payments Fraud. URL: <https://www.fico.com/blogs/instant-payments-mean-real-time-payments-fraud> (дата обращения 24.05.2020).

⁴ ЦБ РФ впервые оштрафует банки за отсутствие систем распознавания мошеннических операций. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2019/10/10/813384-dva-banka> (дата обращения 24.05.2020).

⁵ О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. 27.12.2019) // Российская газета. 2011. № 139.

⁶ Признаки осуществления перевода денежных средств без согласия клиента: приказ Банка России от 27.09.2018 № ОД-2525 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. 27.12.2019) // Российская газета. 2011. № 139.

Безусловно, упрощение доступа кредитных организаций к информации об условиях и особенностях транзакций позволит выявлять подозрительные операции, формировать базу данных получателей противоправных денежных переводов и своевременно блокировать их. Однако признаки осуществления перевода денежных средств без согласия клиента не учитывают возможное неправомерное завладение электронными средствами платежа клиента кредитной организации, следовательно, их применение в целях противодействия преступлению, предусмотренному ст. 159.3 УК РФ, невозможно.

Обсуждение и заключения

Таким образом, в связи с тенденцией увеличения числа преступлений в сфере информационных технологий, а также сложностями в их раскрытии и расследовании, особую актуальность приобретает совершенствование механизма предупреждения противоправных транзакций, технологического совершенствования порядка расчетов, оптимизации нормативной базы. Изучение опыта зарубежных стран в данной области свидетельствует о необходимости реализации системного подхода. Так, приоритетное значение в рамках данного направления имеют меры совершенствования программного комплекса и информационного обеспечения банковской деятельности.

В рамках реализации данного направления считаем необходимым дополнить приказ Банка России от 27 сентября 2018 г. № ОД-2525¹ пунктом 4 следующего содержания:

«4. Совершение двух и более операций по оплате товаров и (или) услуг в пределах лимита оплаты, не требующего ввода пин-кода в срок до 30 минут».

Приведенный нами признак характерен для типичной ситуации неправомерного завладения злоумышленником электронными средствами платежа клиента кредитной организации, выявленный в ходе исследования опубликованной судебной практики. Следовательно, его своевременное выявление позволит принять эффективные меры на этапе покушения на преступление и не позволит произвести неправомерную транзакцию.

Считаем, что совершенствование банковских мер реагирования является наиболее эффективным способом предупреждения преступлений в сфере информационных технологий, в частности, с использованием электронных средств платежа, поскольку иными способами невозможно достаточно полно охватить увеличивающиеся с каждым днем объемы безналичных операций.

Таким образом, сформулированные нами признаки операций, совершаемых без согласия клиента кредитной организации, направлены на совершенствование механизма банковского мониторинга в контексте предупреждения преступлений в сфере информационных технологий. Дальнейшее совершенствование мер банковского контроля и реагирования является обязательным условием обеспечения состояния законности и правопорядка в Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аносов А.В., Кашапова Е.С. Понятие преступлений в сфере высоких технологий // Академическая мысль. 2018. № 4 (5). С. 15 – 19.
2. Боровских Р.Н., Доронин Г.Н., Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология: учебное пособие. Новосибирск: Альфа-Порте, 2016. 102 с.
3. Долгова А.И. Криминология. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2016. 368 с.
4. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2015. 800 с.
5. Алексеев С.Л., Салимзянова Р.Р. Криминология: учебное пособие / под ред. д.ю.н., профессора А.Ю. Епихина. Казань: Академия социального образования, 2013. 212 с.
6. Гилинский Я.И., Морозова Ю.В., Федышина П.В. Актуальные проблемы криминологии: учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 192 с.
7. Чупрова А.Ю. Проблемы квалификации мошенничества с использованием информационных технологий // Уголовное право. 2015. № 5. С. 131 – 134.

REFERENCES

1. Anosov A.V., Kashapova E.S. Ponyatie prestuplenij v sfere vysokih tekhnologij // Akademicheskaya mysl'. 2018. № 4 (5). S. 15 – 19.
2. Borovskih R.N., Doronin G.N., Prokumentov L.M., SHesler A.V. Kriminologiya: uchebnoe posobie. Novosibirsk: Al'fa-Porte, 2016. 102 s.

¹ Признаки осуществления перевода денежных средств без согласия клиента: приказ Банка России от 27.09.2018 № ОД-2525 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Dolgova A.I. Kriminologiya. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Norma; INFRA-M, 2016. 368 s.
4. Kudryavcev V.N., Eminov V.E. Kriminologiya: uchebnik. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2015. 800 s.
5. Alekseev S.L., Salimzyanova R.R. Kriminologiya: uchebnoe posobie / pod red. d.yu.n., professora A.YU. Epihina. Kazan': Akademiya social'nogo obrazovaniya, 2013. 212 s.
6. Gilinskij YA.I., Morozova YU.V., Fedyshina P.V. Aktual'nye problemy kriminologii: uchebnoe posobie. SPb.: Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2016. 192 s.
7. SHuprova A.YU. Problemy kvalifikacii moshennichestva s ispol'zovaniem informacionnyh tekhnologij // Ugolovnoe pravo. 2015. № 5. S. 131 – 134.
3. Ivancov S.V., Spasennikov B.A., Borisov S.V. Problemy preduprezhdeniya prestuplenij v sfere cifrovoj ekonomiki // Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki. 2017. № 2 (60). S. 20 – 24.
4. Opal'skij A.P., Smirnov A.I. O deyatelnosti informacionno-poiskovoj sistemy po protivodejstviyu distancionnomu moshennichestvu // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2017. № 3 (19). S. 47 – 55.

Об авторе: Шавалеев Булат Эдуардович, адъюнкт Казанского юридического института МВД России
email: shavaleev.bulat@gmail.com

© Шавалеев Б.Э., 2020

About the author: Shavaleyev Bulat E., Postgraduate of Criminology and Penal Enforcement Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia
email: shavaleev.bulat@gmail.com

Статья получена: 08.05.2020. Статья принята к публикации: 23.06.2020.

Статья опубликована онлайн: 29.06.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

А.Е. Шалагин, А.Д. Идиятуллов

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В XXI ВЕКЕ

CRIME PREVENTION ABROAD IN XXI CENTURY

Введение: статья посвящена актуальным проблемам предупреждения преступлений в зарубежных странах. Особое внимание обращено на новые виды преступной деятельности в сети Интернет. Предложены меры по минимизации противоправных (общественно опасных) поступков.

Материалы и методы: при подготовке исследования были использованы зарубежные и отечественные труды по криминологии, социологии, психологии, девиантологии, уголовному праву, посвященные профилактике новых форм преступности. В ходе работы над статьей применялись общенаучные методы познания, а также специальные методы: логический, сравнительно-правовой, системно-структурный, статистический, а также контент-анализ российских и зарубежных источников, которые позволили проанализировать и обобщить собранные авторами материалы, сформулировать необходимые предложения и выводы по теме исследования.

Результаты исследования: в статье проанализирована практика предупреждения преступлений в зарубежных странах и предложены рекомендации, направленные на минимизацию преступных деяний.

Обсуждение и заключения: в статье представлен комплекс профилактических и корректирующих мероприятий, направленных на переориентацию антиобщественных взглядов и установок (противоправных поступков) в направлении спортивной, творческой, научной, предпринимательской и иной социально полезной деятельности.

Ключевые слова: преступление, преступность, зарубежный опыт, предупреждение, профилактика, пресечение, коррекция

Для цитирования: Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. Зарубежный опыт предупреждения преступности в XXI веке // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 219 - 225. DOI: 10.37973/KUI.2020.67.83.012

Introduction: the article is devoted to topical issues of crime prevention in foreign countries. Special attention is paid to new types of criminal activity on the Internet. Measures to minimize illegal (socially dangerous) actions are proposed.

Materials and Methods: in preparing the study, foreign and domestic works on criminology, sociology, psychology, deviantology, criminal law, devoted to the prevention of new forms of crime were used. In the course of work on the article, general scientific methods of cognition were used, as well as special methods: logical, comparative-legal, system-structural, statistical, as well as content analysis of Russian and foreign sources, which allowed us to analyze and summarize the materials collected by the authors, formulate the necessary proposals and conclusions on the research topic.

Results: the article analyzes the practice of crime prevention in foreign countries and offers recommendations aimed at minimizing criminal acts.

Discussion and Conclusions: the article presents a set of preventive and corrective measures aimed at reorienting anti-social attitudes (illegal actions) in the direction of sports, creative, scientific, entrepreneurial and other socially useful activities.

Key words: crime, criminality, foreign experience, prevention, prevention, suppression, correction

For citation: Shalagin A.E., Idiyatullova A.D. Crime Prevention Abroad in XXI Century // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. Т. 11, No 2. С. 219 - 225. DOI: 10.37973/KUI.2020.67.83.012

Введение

На фоне стремительного распространения коронавирусного заболевания (COVID-19) в конце 2019 – начале 2020 года, вызвавшего мировой экономический кризис, сопряженный с финансовой нестабильностью, ростом безработицы, инфляции, ожидается увеличение уровня преступности преимущественно в малообеспеченных слоях общества. Необходимость социальной изоляции населения, вызванная карантинными санитарно-эпидемиологическими мероприятиями, влияет на личностные контакты (связи) граждан, ограничивает доступ к общественной, религиозной, психолого-психиатрической помощи и поддержке. С другой стороны, в условиях неопределенности существенно повышается уровень стресса, беспокойства, семейного (домашнего) насилия. В группе риска находятся лица, отнесенные к социально-уязвимой категории (несовершеннолетние, пожилые граждане, инвалиды) [1]. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение зарубежного опыта по предупреждению преступлений, содержащего сведения об отдельных мерах социального контроля над преступностью, которые могут быть внедрены в отечественную практику.

Обзор литературы

Исследованию актуальных проблем, связанных с зарубежным опытом в области предупреждения преступного поведения, уделялось достаточно внимания в научных работах Я.И. Гилинского, Ю.Н. Жданова, С.М. Иншакова, М.П. Клейменова, И.М. Клейменова, Ю.Ю. Комлева, И.М. Мацкевича, В.С. Овчинского.

К фундаментальным исследованиям по данной проблеме относятся следующие труды: «Киберполиция XXI века. Международный опыт» (Ю.Н. Жданов, В.С. Овчинский, 2019), «Сравнительная криминология: монография» (И.М. Клейменов, 2012), «Зарубежная криминология: учеб. пособие для вузов» (С.М. Иншаков, 2003), «Интегративная криминология: девиантологический очерк: учеб. пособие» (Ю.Ю. Комлев, 2016).

Необходимо отметить работы зарубежных ученых: «Психология криминального поведения» (Курт Бартол, 2004); «Sapiens: Краткая история человечества» (Ю.Н. Харари, 2011); «Криминология. Избранные главы» (Холыст Брунон, 2015); «Приемлемое количество преступлений» (Нильс Кристи, 2011), «Криминология» (Д.Ф. Шели, 2003).

Материалы и методы

В настоящем исследовании были использованы зарубежные и отечественные труды по криминологии, психологии, социологии, девиантологии, уголовному праву. Применялись общенаучные, специальные и криминологические методы познания, которые позволили проанализировать и обобщить собранные авторами материалы зарубежных и российских источников, относящиеся к предмету исследования, а также сформулировать необходимые выводы и предложения.

Результаты исследования

Обратимся к анализу опыта работы зарубежных исследователей по данной проблеме.

Согласно программному документу «Современная стратегия предупреждения преступности» в Великобритании с 1995 по 2016 годы количество совершенных преступлений снизилось на 60%, но параллельно с этим шли процессы ее постепенной трансформации (самодетерминации). Отмечается, что общеуголовные «традиционные» преступления, такие как уличное насилие, угоны автотранспортных средств, кражи чужого имущества с проникновением в помещение, стали регистрироваться на 50% меньше. В то же время существенно возросло количество обращений граждан по поводу домашнего насилия, преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности, мошеннических действий, киберпреступлений, имеющих высокую степень латентности.

Современная стратегия предупреждения преступности в Великобритании основывается на положительном опыте прошлого и максимально использует новейшие научные достижения, методы и технологии с целью результативного воздействия на причины и условия преступности, личность преступника, социально негативные (фоновые) явления, взаимосвязанные с преступностью. К приоритетным направлениям предупреждения преступлений относится взаимодействие государственных структур, правоохранительных органов, муниципалитета, научных работников и общественности¹.

С 2010 года в Великобритании отмечался рост хищений цветных металлов (меди и свинца), вызванный повышением их рыночной стоимости. Объектами хищений становились металлическая кровля, высоковольтные силовые кабели в желез-

¹Официальный сайт правительства Великобритании / Преступность, справедливость и закон / Современная стратегия предупреждения преступности. 2016 (программный документ) URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/509831/6.1770_Modern_Crime_Prevention_Strategy_final_WEB_version.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

нодорожной инфраструктуре и другие металлические изделия. Проблема усугублялась тем, что такие преступления совершались под контролем организованной преступности. Новые правила лицензионного режима приема металлолома, запрет на наличный денежный расчет, подкрепленный жесткими правовыми санкциями, усложнили получение криминального дохода, что привело к существенному снижению данного вида преступности на 30%¹.

Установление уличных камер видеонаблюдения, удаление со стен домов надписей (граффити), продуманность архитектурных и строительных работ создают комфортные и безопасные условия для проживания граждан. Еще в 1982 году социологами Джорджем Келлингом и Джеймсом Уилсоном была разработана теория «Разбитых окон». В соответствии с ней при недостаточном внимании к мелким правонарушениям последние порождают более опасные преступные деяния, способствуют нарушениям общественного порядка, а также негативно сказываются на криминогенной обстановке.

В Великобритании, начиная с 1995 года, установление электронных иммобилайзеров и других средств безопасности на автотранспортные средства существенно повлияло на снижение преступлений, связанных с их хищением и умышленным повреждением (-78%) [2]. Увеличение количества домов с оконными и дверными электронными системами безопасности обусловило высокую степень их защищенности от противоправных действий (-73%). Ключевая роль в стратегии предупреждения преступности отводится устранению возможности совершения преступлений и минимизации их причин (условий) [3].

В школах Великобритании реализуется образовательная программа для несовершеннолетних в возрасте от 12 до 18 лет, направленная на освоение навыков взаимоуважения (взаимоподдержки), противодействия различным формам дискриминации (нетерпимости), рискам вовлечения в преступную (антиобщественную) деятельность. Активно развиваются проекты спортивного, волонтерского, социального и предпринимательского характера для подростков и молодежи.

Правоохранительные органы придерживаются национальной стратегии по развитию современных высокотехнологичных систем цифрового предотвращения и расследования преступлений, в том числе с возможностями искусственного интеллекта. Это позволяет использовать сведения,

полученные из открытых источников, например, из социальных сетей, а также при исследовании компьютерной техники, мобильных телефонов, изъятых в ходе проведения оперативно-розыскных и следственных действий.

Минимизация профессиональных издержек, связанных с бумажной волокитой, бюрократией, человеческим фактором, а также ускорение и оптимизация работы судебных и правоохранительных органов осуществляется в результате цифровизации деятельности всей системы уголовного правосудия. В соответствии с теорией коммуникаций Digital First эффективное использование цифровых доказательств обеспечивается путем создания совместимых технических инструментов, позволяющих хранить и обмениваться ими во всей системе уголовного правосудия. Безопасное онлайн-приложение «Track My Crime» позволяет пострадавшим отслеживать процесс расследования уголовного дела через веб-сайт Police.uk. Потерпевшие и свидетели, опасаясь за свою безопасность, могут давать показания в режиме видеоконференцсвязи без реального присутствия в зале судебного заседания.

Современные технологии позволяют развивать системы мобильной связи служб спасения, обеспечивающие надежность голосовых и иных сообщений, передающих критически важную информацию на портативное устройство сотрудников полиции и других служб. Видеозапись, осуществленная сотрудником полиции на месте преступления, является доказательством, в частности, по делам о домашнем насилии и позволяет отобразить те обстоятельства (эмоции), которые невозможно передать в письменных заявлениях.

В США действует Национальная программа единой отчетности о преступности (UCR), в рамках которой Федеральное бюро расследований (далее – ФБР) ежегодно собирает официальную статистическую информацию о преступлениях из полицейских и шерифских отделений всех штатов Америки с целью последующей публикации таких сведений, придания им в необходимых случаях гласности. Информация служит для передачи населению сведений о последних тенденциях в сфере обеспечения правопорядка и реализации мер, направленных на обеспечение личной безопасности граждан [4, с. 218].

Стандартизированная система категоризации преступлений США, называемая «индексной преступностью», обобщает информацию о семи видах наиболее распространенных преступлений

¹Morgan N., Hoare J., Byron C. (2015), An evaluation of government/law enforcement interventions aimed at reducing metal theft. London: Home Office. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/398511/horr80.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

корыстной и насильственной направленности, которые используются для оценки состояния и динамики преступности в стране. Индексные преступления США включают умышленное убийство, изнасилование, грабеж, нападение при отягчающих обстоятельствах, незаконное проникновение в помещение с целью хищения, кражу имущества стоимостью свыше 50 долларов, угон автомобиля. К прочим неиндексным видам преступлений относятся мошенничество, растрата, подделка документов, вандализм, публичное распитие спиртных напитков, употребление наркотиков, незаконное хранение оружия, поджог и т.п.

Повышенный интерес со стороны граждан вызывают статистические сведения о частоте происшествий с участием сотрудников правоохранительных органов, о количестве пострадавших среди них; состоянии и тенденциях преступлений, совершенных по мотивам расовой, национальной, этнической, религиозной, половой нетерпимости; сообщения о хищениях грузов и товаров [5, с. 133].

Одно из перспективных направлений зарубежной криминологии – архитектурная криминология. Во второй половине XX века в некоторых странах Западной Европы и США осуществлялось массовое возведение многоэтажных жилых домов на окраинах крупных промышленных городов в рамках государственных социальных программ по обеспечению населения доступным жильем. Построенные за короткий срок агломерации не соответствовали социальной инфраструктуре (из-за недостатка школ, больниц, учреждений общепита и досуга), заселенные бедными слоями населения и мигрантами, они через определенное время превращались в этнические «гетто» [6, с. 186].

Положение в таких районах усугублялось безработицей и межнациональными конфликтами. Архитектурная непродуманность создавала условия для совершения преступлений, обуславливая высокий уровень насильственных и корыстных преступлений, актов вандализма, изнасилований, поджогов. Такие жилые комплексы привлекали наркодилеров, представителей уличных банд и преступных сообществ. Криминогенная обстановка в районах Pruitt-Igoe (Сент-Луис, штат Миссури, США), Southgate Estate (Ранкорн, Великобритания), Red Road Flats (Глазго, Шотландия), Vijlmermeer (Амстердам, Нидерланды), Коулун (Гонконг), утрата государственного и общественного контроля обуславливали принятие решения о сносе этих сооружений и выселении граждан. Механизм социального контроля за противоправным

поведением, эффективный в сельских общинах (благодаря сложившимся взаимоотношениям, чувству принадлежности к определенному коллективу, морально-этической системе «одобрения-осуждения»), слабоэффективен в условиях мегаполиса из-за эмоциональной разобщенности, отчужденности и повышенного уровня тревожности людей.

В настоящий период при решении вопросов градостроительной политики предпочтение отдается малоэтажному строительству. В таких микрорайонах уровень преступности в семь раз ниже по сравнению с высотными агломерациями. Застройщики создают дома в соответствии с современными строительными нормами (при согласовании с правоохранительными органами), оборудуют их новыми системами безопасности, увеличивают количество наружных видеокамер, дворовое и внутриподъездное освещение, сокращают количество тупиков, подземных проходов, подвалов и т.п. [7, с. 212].

Наряду с позитивными изменениями, стремительное развитие современных информационных технологий, а также цифровизация и сетевизация общества приводят к появлению новых видов преступной активности (киберпреступлениям). К ним относятся:

- кибертерроризм, представляющий угрозу для персонифицированного круга лиц;
- сексуальные преступления, заключающиеся в совершении преступных посягательств на половую неприкосновенность и половую свободу личности, с использованием информационных технологий (создание и распространение порнографических материалов с участием несовершеннолетних, преследования и домогательства в киберпространстве и др.);
- имущественные преступления в цифровом пространстве (кражи, мошенничества, вымогательства, хищение персональных данных);
- иные киберпреступления (незаконный оборот наркотиков и оружия, торговля людьми, человеческими органами, распространение вредоносных компьютерных программ, нарушения авторского права и т.п. [8, с. 34].

Среди вышеперечисленных преступных проявлений в электронно-информационной среде особую группу составляют преступные посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних. По данным международной ассоциации INHOPE, в сети Интернет имеется свыше 300 000 веб-сайтов, содержащих CSAM-контент (материалы со сценами сексуального насилия над детьми), количество которых с каждым годом увеличи-

¹ Официальный сайт INHOPE – международной сети из 46 горячих онлайн-линий по борьбе с распространением видеоматериалов, содержащих сцены сексуального насилия над детьми в странах ЕС, России, Южной Африке, Северной и Южной Америке, Азии, Австралии и Новой Зеландии. URL: <https://www.inhope.org/EN> (дата обращения: 19.05.2020).

вается¹. В 2014 году в целях защиты подростков и молодежи от преступных посягательств сексуального характера и жестокого обращения была образована международная организация WePROTECT. В нее входят 84 страны, 24 высокотехнологичные компании (Facebook, Google, Microsoft и др.), 20 международных общественных организаций. Их деятельность направлена на минимизацию сексуальной эксплуатации несовершеннолетних в сети Интернет¹.

Согласно данным зарубежной некоммерческой организации The Internet Watch Foundation (IWF), в материалах, содержащих CSAM-контент, в половине случаев представлены малолетние дети в возрасте до 10 лет (46%). В большинстве случаев жертвами сексуального насилия становятся лица женского пола (92%). Значительное количество фото- и видеоматериалов со CSAM-контентом содержат сцены изнасилований и сексуальных перверсий (40%). Только в 2019 году аналитиками IWF из сети Интернет были удалены 132 700 веб-сайтов со сценами сексуального насилия над детьми².

Высокотехнологические программные продукты (Spotlight), созданные общественной некоммерческой организацией Торн (Thorn), позволяют идентифицировать личность жертв CSAM-контента и самих преступников.

Другой формой преступной деятельности, стремительно набирающей оборот во многих странах мира, является сексторция (sextortion). Это новая масштабная проблема, связанная с вымогательством у жертвы ее фото- и видеоизображений интимного содержания, денежных средств или принуждением к совершению действий сексуального характера, под угрозой распространения (обнародования) ранее полученных аналогичных материалов. Высокая степень латентности таких преступлений обуславливается тем, что жертвы стыдятся обращаться за помощью к своим близким родственникам или в правоохранительные органы, предпочитая самостоятельно решать данную проблему. Широкий спектр технических возможностей по минимизации риска стать жертвой такого преступления включает формирование закрытого профиля индивидуальной страницы (аккаунта) в социальной сети; усложнение пароля доступа к личной информации, удаление сомнительных приложений и запросов, запрет доступа к определенным интернет-ресурсам.

Существенное преимущество в предупреждении и пресечении преступлений предоставляет

использование беспилотных технологий дронов «Drones», управляемых дистанционно диспетчером. Также существуют определенные криминальные риски, связанные с использованием указанных технологий в преступных целях, например, осуществление доставки в пенитенциарные учреждения запрещенных к проносу предметов и веществ [9, с. 27].

Глобализация, цифровизация и сетевизация в глобальном масштабе создают новые условия для взаимодействия человеческих сообществ [10, с. 114]. Высоким потенциалом обладают современные технологии цифрового шифрования, позволяющие кодировать любую информацию таким образом, чтобы посторонние лица не имели доступа к ней. Такая технология предоставляет большие возможности для защиты персональных данных граждан, а также сведений, составляющих государственную и коммерческую тайну. Методы шифрования ежегодно усложняются путем применения новейших систем идентификации с помощью биометрии, отпечатков пальцев или ДНК [11, с. 140].

Обсуждение и заключения

К сожалению, на протяжении всей истории человечества её сопровождали войны, борьба за власть, преступления [12, с. 13]. Преступность имеет свойство самодетерминации, трансформации под те условия, в которых развивается общество [13, с. 84]. Наряду с организованной, экономической, профессиональной преступностью, многие виды противоправной деятельности сегодня переносятся в киберпространство (незаконный оборот наркотиков и оружия, торговля людьми и распространение порнографической продукции, мошеннические действия и теневая экономика и проч.). Происходит цифровизация преступности [14, с. 217].

По мнению В.С. Овчинского, для своевременного реагирования на новые цифровые угрозы правоохранительные органы должны активно задействовать возможности искусственного интеллекта и анализ Больших данных (Big Data), использовать современные технологии в сфере предупреждения и раскрытия преступлений, научные достижения, позволяющие идентифицировать личность правонарушителя по походке, «видеть сквозь стены», 3D, 4D-принтеры, дроны, глобальные навигационные системы, методику распознавания преступников (террористов) на базе нейронных компьютерных сетей и проч. [15, с.75].

Стратегия установления социального контроля над преступностью и ее минимизация в большин-

¹Официальный сайт WePROTECT URL: <https://www.weprotect.org/> (дата обращения: 19.05.2020).

²Официальный сайт британской некоммерческой организации The Internet Watch Foundation (IWF) URL: <https://www.iwf.org.uk/> (дата обращения: 19.05.2020).

стве развитых зарубежных государств основывается на использовании современных криминологических и криминалистических рекомендаций, направленных на повышение социальной защищенности населения, укрепление семейных взаимоотношений, правовое просвещение граждан, активное привлечение общественности к проблеме предупреждения преступности.

В целях коррекции и переориентации противоправного (антиобщественного) поведения на законопослушное проводится системная информационно-пропагандистская деятельность, развивается и стимулируется творческая, спортивная, предпринимательская и другая общественно полезная деятельность. Эффективными мерами индивидуальной профилактики остаются профилактические беседы и учеты, сообщения о противоправном (антиобщественном) поведении по месту работы или учебы правонарушителя, вынесение официального предостережения, устранение при-

чин и условий, способствующих совершению преступлений, оказание правовой, психологической, медицинской помощи жертвам преступных посягательств, социальная адаптация, ресоциализация, реабилитация правонарушителей.

Организация деятельности по предупреждению преступлений осуществляется с учетом научно обоснованных рекомендаций, выработанных специалистами в области криминальной психологии, виктимологии, криминологии, девиантологии, аддиктологии. К ним следует отнести популяризацию науки и образования, ориентацию на занятия физической культурой и спортом, поддержание здорового образа жизни, отказ от вредных привычек, развитие института современных профессий, предупреждение домашнего насилия, алкоголизма, проституции, употребления наркотиков, участия в азартных играх и т.п. [16, с.289; 17, с. 160].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Reger M.A., Stanley I.H., Joiner T.E. Suicide Mortality and Coronavirus Disease 2019 – A Perfect Storm? // JAMA Psychiatry. Published online April 10, 2020. URL: <https://jamanetwork.com/journals/jamapsychiatry/fullarticle/2764584> (дата обращения: 19.05.2020).
2. Farrell G., Tseloni A. and Tilley N. The effectiveness of vehicle security devices and their role in the crime drop // Criminology and Criminal Justice. 2011. 11 (1). Pp. 21-35. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1748895810392190> (дата обращения: 19.05.2020).
3. Tilley N., Farrell G. and Clarke R.V. Target suitability and the crime drop // The Criminal Act. 2015. Pp. 59-76. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1057/9781137391322_5 (дата обращения: 19.05.2020).
4. Курт Б. Психология криминального поведения. 7-е межд. изд. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК; ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 352 с.
5. Сморгунова А.Л. Современное состояние преступности в США и Великобритании (обзор основных тенденций) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 87. С. 132-139.
6. Клейменов И.М. Сравнительная криминология: монография. М.: Норма: ИНФА-М, 2012. 368 с.
7. Иншаков С.М. Зарубежная криминология: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. 383 с.
8. Комлев Ю.Ю. Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 1 (39). С. 31 – 40. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.004.
9. Жданов Ю.Н., Овчинский В.С. Киберполиция XXI века. Международный опыт / под ред. С.К. Кузнецова. М.: Международные отношения, 2020. 288 с.
10. Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк: учебное пособие. Казань: Центр инновационных технологий, 2016. 248 с.
11. Талан М.В. Преступления в сфере компьютерной информации по российскому и зарубежному законодательству // Интеллектуальная собственность. 2000. № 2. С. 140.
12. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2019. 512 с.
13. Гишинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна: сборник статей. СПб.: Алетейя, 2017. 282 с.
14. Шалагин А.Е. Предупреждение преступлений в сфере информационных и телекоммуникационных технологий // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности органов внутренних дел на современном этапе: материалы всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2019. С. 216 – 221.
15. Овчинский В.С. Технологии будущего против криминала. М.: Книжный мир, 2017. 288 с.
16. Шалагин А.Е., Шалагина А.К. Типология подростков и молодежи, характеризующихся различными формами девиантного поведения // Вопросы педагогики. 2020. № 4-1. С. 289 – 293.
17. Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. Взаимосвязь суицидального и преступного поведения // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 1. С. 159 – 161.

REFERENCES

1. Reger M.A., Stanley I.H., Joiner T.E. Suicide Mortality and Coronavirus Disease 2019 – A Perfect Storm? // JAMA Psychiatry. Published online April 10, 2020. URL: <https://jamanetwork.com/journals/jamapsychiatry/fullarticle/2764584> (data obrashcheniya: 19.05.2020).
2. Farrell G., Tseloni A. and Tilley N. The effectiveness of vehicle security devices and their role in the crime drop // Criminology and Criminal Justice. 2011. 11 (1). Pp. 21-35. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1748895810392190> (data obrashcheniya: 19.05.2020).
3. Tilley N., Farrell G. and Clarke R.V. Target suitability and the crime drop // The Criminal Act. 2015. Pp. 59-76. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1057/9781137391322_5 (data obrashcheniya: 19.05.2020).
4. Kurt B. Psihologiya kriminal'nogo povedeniya. 7-e mezhd. izd. SPb.: Prajm-EVROZNAK; OLMA-PRESS, 2004. 352 s.
5. Smorgunova A.L. Sovremennoe sostoyanie prestupnosti v SSHA i Velikobritanii (obzor osnovnykh tendencij) // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2009. № 87. S. 132-139.
6. Klejmenov I.M. Sravnitel'naya kriminologiya: monografiya. M.: Norma: INFА-M, 2012. 368 s.
7. Inshakov S.M. Zarubezhnaya kriminologiya: uchebnoe posobie dlya vuzov. 2-e izd. M.: YUNITI-DANA, Zakon i pravo, 2003. 383 s.
8. Komlev YU.YU. Cifrovizaciya, setevizaciya obshchestva postmoderna i razvitie cifrovoj kriminologii i deviantologii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. T. 11. № 1 (39). S. 31 – 40.
9. Zhdanov YU.N., Ovchinskij V.S. Kiberpoliciya XXI veka. Mezhdunarodnyj opyt / pod red. S.K. Kuznecova. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2020. 288 s.
10. Komlev YU.YU. Integrativnaya kriminologiya: deviantologicheskij ocherk: uchebnoe posobie. Kazan': Centr innovacionnykh tekhnologij, 2016. 248 s.
11. Talan M.V. Prestupleniya v sfere komp'yuternoj informacii po rossijskomu i zarubezhnomu zakonodatel'stvu // Intellektual'naya sobstvennost'. 2000. № 2. S. 140.
12. Harari YU.N. Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva. M.: Sindbad, 2019. 512 s.
13. Gilinskij YA.I. Deviantnost', prestupnost', social'nyj kontrol' v obshchestve postmoderna: sbornik statej. SPb.: Aletejya, 2017. 282 s.
14. SHalagin A.E. Preduprezhdenie prestuplenij v sfere informacionnykh i telekommunikacionnykh tekhnologij // Aktual'nye problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti organov vnutrennih del na sovremennom etape: materialy vserejskij nauchno-prakticheskij konferencii. Kazan', 2019. S. 216 – 221.
15. Ovchinskij V.S. Tekhnologii budushchego protiv kriminala. M.: Knizhnyj mir, 2017. 288 s.
16. SHalagin A.E., SHalagina A.K. Tipologiya podrostkov i molodezhi, harakterizuyushchihsya razlichnymi formami deviantnogo povedeniya // Voprosy pedagogiki. 2020. № 4-1. S. 289 – 293.
17. SHalagin A.E., Idiyatullov A.D. Vzaimosvyaz' suicidal'nogo i prestupnogo povedeniya // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. 2018. № 1. S. 159 – 161.

Об авторах:

Шалагин Антон Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России
email: aeshalagin@yandex.ru
Идиятуллов Алмаз Дамирович, адъюнкт Казанского юридического института МВД России
email: almaz.idiyatullov.52@bk.ru

© Шалагин А.Е., 2020

© Идиятуллов А.Д., 2020

Статья получена: 19.05.2020. Статья принята к публикации: 23.06.2020. Статья опубликована онлайн: 29.06.2020.

About the authors:

Shalagin Anton E., Candidate of Laws (Research doctorate), Associate Professor, Head of the Department of Criminology and Penal Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia
Idiyatullov Almaz D., Postgraduate of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Шалагин Антон Евгеньевич – анализ научной литературы по проблеме исследования; доработка текста исследования, разработка концептуальных подходов исследования, формирование выводов и практических рекомендаций. Идиятуллов Алмаз Дамирович – подготовка первоначального варианта текста, сбор и анализ эмпирических данных, их обобщение, поиск аналитических и статистических материалов в научных и справочных источниках.

Е.В. Шестакова

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО,
НАХОДЯЩЕГОСЯ В ЦЕНТРЕ ВРЕМЕННОГО
СОДЕРЖАНИЯ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ**

**CRIMINOLOGICAL PORTRAIT OF A PERSONALITY
OF A MINOR IN THE CENTERS OF TEMPORARY ISOLATION
FOR JUVENILE DELINQUENTS**

Введение: в статье представлен криминологический портрет личности несовершеннолетнего, находящегося в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел. Исследование особенностей такой личности обусловлено отсутствием дифференцированного подхода к организации профилактической работы с несовершеннолетними в условиях режима отдельных учреждений принудительной изоляции.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания: системно-структурный анализ, наблюдение, опрос (анкетирование), анализ документальных источников информации.

Результаты исследования: в статье отражены основные составляющие характеристики личности несовершеннолетнего, находящегося в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел, сочетающие основные элементы: социально-демографические, уголовно-правовые и социально-психологические свойства личности несовершеннолетнего правонарушителя.

Обсуждение и заключения: автор приходит к выводу о существовании отличительных характеристик, присущих несовершеннолетнему правонарушителю, находящемуся в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел, что определяет особую степень его общественной опасности. Несовершеннолетние правонарушители еще недостаточно опасны, чтобы исправлять их с помощью мер уголовно-правовых репрессий, но в то же время дальнейшее пребывание в обстановке, которая создала условия и обстоятельства совершения общественно опасных деяний, представляется невозможным. Автор придает особую важность изучению личности несовершеннолетнего правонарушителя, поскольку учет особенностей личности несовершеннолетнего, а также условия формирования и развития такой личности непосредственно влияют на результативность профилактической работы, проводимой в условиях центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел.

Ключевые слова: центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел, личность, несовершеннолетний, правонарушение, профилактика

Для цитирования: Шестакова Е.В. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего, находящегося в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 226-232. DOI: 10.37973/KUI.2020.12.52.013

Introduction: the article presents a criminological portrait of the personality of a minor held in the centers of temporary isolation for juvenile delinquents. The study of the characteristics of such a person is due to the lack of a differentiated approach to the organization of preventive work with minors in the conditions of the regime of individual institutions of forced isolation.

Materials and Methods: the research used general scientific and specific scientific methods of cognition: system-structural analysis, observation, survey, questionnaire, analysis of documentary sources of information.

Results: the article describe the main components of personality characteristics of juveniles in the centers of temporary isolation for juvenile delinquents, that combines key elements: socio-demographic, criminal-legal and socio-psychological characteristics of the individual juvenile offender.

Discussion and Conclusions: the author comes to the conclusion that there are distinctive characteristics of the personality of a minor offender contained in the centers of temporary isolation for juvenile delinquents, which determines the special degree of his public danger. They are not yet dangerous enough to correct them with the help of measures of criminal law repression, but at the same time, it seems impossible to continue living in the environment that created the conditions and circumstances for committing socially dangerous acts. The author attaches particular importance to the study of the personality of a juvenile offender because of the peculiarities of the identity of minors, as well as the conditions of formation and development of such a personality has a direct impact on the effectiveness in terms of the centers of temporary isolation for juvenile delinquents preventive work.

Keywords: the centers of temporary isolation for juvenile delinquents, personality, minor, offense, prevention

For citation: Shestakova E. V. Criminological Portrait of a Personality of a Minor in the Center of Temporary Isolation for Juvenile Delinquents // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 2. P. 226-232. DOI: 10.37973/KUI.2020.12.52.013

Введение

Эффективность проводимой профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями, находящимися в центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел (далее – ЦВСНП ОВД), в условиях принудительного ограничения определенных прав несовершеннолетних должна обеспечиваться грамотной организацией педагогического процесса и режима, предусматривающего осуществление круглосуточного надзора над несовершеннолетними, правильную организацию индивидуальной профилактической работы, сочетание принципов добровольности и обязательности в проведении учебно-воспитательных мероприятий, правовое, культурное, нравственно-эстетическое, трудовое воспитание.

Однако как бы хорошо ни были организованы указанные выше аспекты воспитательного процесса в рассматриваемых учреждениях, все они не смогут принести положительного для профилактики преступности результата, если при этом не учитываются особенности личности несовершеннолетних, находящихся в ЦВСНП ОВД, а также условия формирования и развития такой личности.

Учитывая, что срок содержания несовершеннолетних в ЦВСНП ОВД ограничен 30 сутками (в исключительных случаях - 45), всестороннее изучение личности правонарушителя и выработка действенных подходов и методов профилактической работы с несовершеннолетним весьма затруднительны. Применение дифференцированного подхода, предполагающего учет особенностей определенной социальной группы, свойственных ей отличительных черт, потребностей и интересов позволит интенсифицировать изучение особенностей отдельной личности и

повысить эффективность индивидуальной профилактической работы в отношении несовершеннолетнего.

Обзор литературы

Теоретическими и методологическими вопросами изучения личности несовершеннолетнего правонарушителя занимались Ю.М. Антонян, В.М. Бехтерев, Б.Б. Казак, А.И. Ушатиков и др. Проблемам личности несовершеннолетнего правонарушителя, находящегося в учреждениях принудительного содержания, посвящены научные труды И.П. Башкатова, Г.Г. Бочкарёвой, В.Г. Деева, В.Ф. Пирожкова и др., однако работы этих исследователей были посвящены вопросам изучения личности осужденных несовершеннолетних или обучающихся в специальных учреждениях закрытого типа.

Отдельные аспекты изучения особенностей личности несовершеннолетних в условиях ЦВСНП ОВД изложены в диссертационных исследованиях С.В. Прокуровой «Психологические особенности работы с подростками, находящимися в центрах временного содержания несовершеннолетних правонарушителей» [1] и Г.В. Кондратьева «Психологические особенности и коррекционная помощь подросткам, совершающим побеги и бродяжничество, в центре временного содержания несовершеннолетних правонарушителей» [2]. Однако комплексного криминологического исследования личности несовершеннолетнего правонарушителя, содержащегося в ЦВСНП ОВД, до настоящего времени не проводилось. В то же время, в соответствии с Федеральным законом от 24.06.1999 № 120-ФЗ¹, приказом МВД России от 01.09.2012 № 839², индивидуальная профилактическая работа с несовершеннолетними правонарушителями в условиях ЦВСНП ОВД должна проводиться при на-

¹Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. 28 июня. № 26. Ст. 3177.

²О совершенствовании деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей: приказ МВД России от 01.09.2012 № 839 // Российская газета. 2012. 17 декабря. № 290.

личии оснований с учетом их возраста, поведения, общественной опасности ранее совершенных правонарушений, а также других обстоятельств, имеющих значение для применения эффективных мер профилактического воздействия, в течение всего времени нахождения в ЦВСНП ОВД.

В литературе часто отмечается, что процесс социализации несовершеннолетних, находящихся в специализированных учреждениях, затруднен и специфичен. Неблагоприятная социальная ситуация утяжеляет картину, приводя к формированию специфических механизмов адаптивного поведения [3], и является актуальной исследовательской проблемой.

Материалы и методы

Личность правонарушителя следует рассматривать как совокупность социальных и психологических свойств и качеств личности, характеризующих лицо, совершившее правонарушение. Такое определение личности правонарушителя обуславливает выбор системно-структурного подхода к изучению личности несовершеннолетнего правонарушителя, находящегося в ЦВСНП ОВД. Применение системно-структурного анализа позволило выделить основные элементы и подсистемы рассматриваемой личности, в том числе элементы, имеющие прямую связь с правонарушающим поведением несовершеннолетних.

Очевидно, что для получения нового криминологического знания необходимо получить соответствующий эмпирический материал, что потребовало применения методов наблюдения, опроса, а также анализа документальных источников информации. В нашем исследовании характеристика личности представлена на основании изучения 240 учетных дел несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности в Тюменской, Курганской, Свердловской областях, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах и содержащихся в ЦВСНП ОВД в период с 2014 по 2018 годы. Кроме этого, криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего представлена с учетом результатов анкетирования 83 несовершеннолетних, содержащихся в ЦВСНП ОВД из вышеперечисленных регионов.

Результаты исследования

Основная масса несовершеннолетних, содержащихся в ЦВСНП ОВД, – это лица мужского пола. Девочки составляют не более 10 % от общего числа помещенных в ЦВСНП ОВД несовершеннолетних.

Динамика помещения несовершеннолетних девочек в ЦВСНП ОВД, как правило, стабильна и не всегда следует за общей динамикой противоправной деятельности несовершеннолетних женского пола, с учетом существующих условий помещения в ЦВСНП ОВД. В то же время мы можем заявить о наличии негативных социальных характеристик и нравственно-психологических качеств несовершеннолетних правонарушительниц по сравнению с несовершеннолетними мужского пола, а также об увеличении степени общественной опасности совершаемых ими деяний в современный период.

На большее физиологическое влияние пола на преступность еще в XIX веке указывал Габриель Де Тард. По его мнению, необходим дифференциальный подход к изучению личности преступника [4, с. 391]. В современном мире процессы феминизации преступности отмечаются исследователями на протяжении последних десятилетий [5,6,7]. Данные тенденции в полной мере распространяются и на несовершеннолетних девочек, совершающих общественно опасные деяния до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности. Согласно данным нашего исследования, более 80 % несовершеннолетних девочек, помещенных в ЦВСНП ОВД, систематически употребляют алкоголь, состоят в группах асоциальной направленности или имеют опыт ранних сексуальных отношений. В структуре общественно опасных деяний, совершенных несовершеннолетними женского пола, помещенными в ЦВСНП ОВД, преобладают общественно опасные деяния против личности: побои (ст. 116 Уголовного кодекса РФ (УК РФ)), умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ), убийство (ст. 105 УК РФ) – и составляют 52% от общего числа деяний, совершенных несовершеннолетними девочками, доля общественно опасных деяний против собственности составляет 43 %, на долю иных общественно опасных деяний приходится не более 5 %.

65% от общего числа несовершеннолетних, содержащихся в ЦВСНП ОВД, составляют несовершеннолетние в возрасте 11-13 лет, 16% составляют несовершеннолетние в возрасте до 10 лет, 15% в возрасте 14-15 лет и 4% - 16-17 лет.

Проблема нижней возрастной границы помещения несовершеннолетних в ЦВСНП ОВД периодически поднимается исследователями [8,9,10]. Как показывает практика, профилактическая работа с несовершеннолетними младшего возраста

¹Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: с изм. от 04.11.2019. Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 16.05.2019).

(7-8 лет) в режиме строгой принудительной изоляции преждевременна, поскольку применяемые методы слабо воспринимаются на данном этапе развития ребенка. Кроме этого, опрос представителей учреждений и служб системы профилактики подтверждает выводы о необходимости установления нижней возрастной границы помещения в ЦВСНП ОВД в 9-10 лет. Так, до 70 % опрошенных считают, что в указанном возрасте необходима активизация семейного и школьного воспитания, а также оказание психологической помощи.

Из проведенного нами исследования следует, что 67% несовершеннолетних, помещенных в ЦВСНП ОВД, воспитывались в неполных семьях, в основном матерью (95%), 4% воспитывались опекунами или являлись воспитанниками детских домов. 24% помещенных воспитывались в многодетных семьях (от 3 до 7 детей), из них 79% в неполных многодетных семьях. 68% несовершеннолетних воспитывались в семьях, относящихся к категории малообеспеченных семей, из них 73% из неполных семей, в 37 % случаев на момент помещения несовершеннолетних их родители злоупотребляли алкогольными напитками, из них 42% – в неполных семьях, 11% воспитывались ранее судимыми родственниками. 54% несовершеннолетних относились к категории безнадзорных детей. В 90% случаев законные представители привлекались к административной ответственности за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних детей, большая часть из них привлекалась к административной ответственности неоднократно.

В наших предыдущих работах мы уже подробно рассматривали влияние структурной деформации семьи на противоправное и виктимное поведение несовершеннолетних [11]. В настоящее время психологическая деформация семьи рассматривается в качестве центрального обстоятельства нарушения системы ценностей, морально-психологического климата в семье.

При изучении морально-психологического климата семьи мы выяснили, что 7% несовершеннолетних оценивают морально-психологический климат в семье как недоброжелательный или враждебный, 15% говорят о периодически возникающих скандалах или ссорах. При этом около 25% несовершеннолетних определяют отношения с родителями нейтральными, а больше равнодушными. Эти отношения характеризуются минимальным общением членов семьи, отсутствием общих интересов, проявлений заботы и любви, поверхностным интересом к делам ребенка.

Следует сказать, что криминологические аспекты отвергания родителями ребенка уже привлека-

ли к себе внимание исследователей. В 1996 году в монографии «Психология преступника и расследования преступлений» были отражены результаты изучения особенностей семейного воспитания преступников, виновных в совершении убийств. Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев и В.Е. Эминов пришли к выводу, что степень уверенности в способности матери к полному принятию сына у преступников меньше в десять с лишним раз, чем у правопослушных граждан. Этот результат можно рассматривать как психологическое подтверждение известного в криминологии положения: чем менее тесными являются внутрисемейные связи, тем более вероятными становятся связи лица вне семьи и, соответственно, снижается значение семьи. Психотравмирующие факторы на ранних этапах жизни при отсутствии затем других, благоприятных, компенсирующих обстоятельств формируют мотивы преступного поведения [12].

Не менее важным параметром, влияющим на криминализацию несовершеннолетних, является предоставление стандартов антисоциального поведения членами семьи. Так, 37 % исследованных нами несовершеннолетних воспитывались в семьях, в которых члены семьи злоупотребляли алкогольными напитками или психоактивными веществами, 11 % несовершеннолетних воспитывались ранее судимыми родителями (одним из них).

Самую малочисленную группу несовершеннолетних из исследованных нами составили те, кто воспитывался во внешне благополучных семьях, однако воспитательный процесс в семьях выражался в основном в виде защиты от любой критики поведения ребенка, его безудержном баловании или, напротив, тотальном контроле, культивировании исключительности личности, эгоизма и индивидуализма.

Таким образом, деформация семьи имеет множество составляющих и способствует формированию у несовершеннолетних качеств личности, способных, в совокупности с иными обстоятельствами, подтолкнуть к совершению противоправных деяний.

Практически все несовершеннолетние на момент их помещения в ЦВСНП ОВД являлись учащимися средних образовательных школ, только 4% из исследуемого количества несовершеннолетних нигде не учились и не работали. 42% учащихся характеризовались посредственно, как безынициативные, демонстрирующие низкий уровень знаний, «себе на уме». Только 5% несовершеннолетних в целом характеризовались положительно, и факт совершения ими общественно опасного деяния вызывал удивление у представи-

телей образовательных организаций. 13% несовершеннолетних в текущем или в предыдущие годы оставались на второй год в связи с невыполнением учебного плана, в 20% случаев несовершеннолетние обучались по программам обучения, адаптированным для лиц с ограниченными возможностями здоровья, с учетом особенностей их психофизического развития и индивидуальных возможностей.

Необходимо отметить, что среди исследуемых отмечено достаточное количество лиц, уклоняющихся от учебного процесса. Каждый второй периодически пропускает занятия без уважительной причины. Около 10% во время учебных занятий занимаются «временным приработком»: занимаются попрошайничеством у торговых центров, «паркуют» или моют автомобили, собирают изделия из цветных металлов и т.п.

По результатам нашего исследования, 149 (60%) несовершеннолетних на момент помещения в ЦВСНП ОВД не были заняты в досуговой сфере деятельности или трудоустроены, при том что в современный период материальная досуговая база активно развивается и дифференцируется. 15% несовершеннолетних из указанного числа ранее занимались в различных секциях, но по тем или иным причинам прекратили занятия, 28% ранее посещали изначально не интересовавшие их секции, «навязанные» семьей, учебным заведением или другими учреждениями профилактики, 13% не хотят и не хотели заниматься чем-либо. Кроме этого, снижение темпов досуговой занятости также отмечено у старшей возрастной группы (14-17 лет) несовершеннолетних. Можно констатировать, что чем старше становится подросток, тем сложнее удовлетворить его досуг по интересам. Необходимо принимать во внимание, что потребности подростков соотносятся с уровнем и темпами их физического и умственного развития.

Среди исследованных несовершеннолетних весьма велика доля лиц, употребляющих алкогольные напитки, токсические или психотропные вещества.

50 % исследованных нами несовершеннолетних признают, что систематически употребляют алкоголь или ранее употребляли в компании друзей или единолично, 10 % несовершеннолетних употребляли токсические вещества, 7 % наркотические вещества. Причем употребление токсических веществ превалирует в возрастной группе до 13 лет, тогда как употребление наркотических веществ – в старшей возрастной группе (15-17 лет). Не менее 17% исследованных на момент помещения в ЦВСНП ОВД состояли на учете у врача-нарколога.

Одним из важных моментов в характеристике несовершеннолетнего преступника является отношение несовершеннолетнего к соблюдению уголовно-правовых запретов, а именно повторность совершения общественно опасных деяний. Согласно данным нашего исследования, до помещения в ЦВСНП ОВД 73% ранее состояли на профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних в связи с совершением общественно опасных деяний до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности в среднем от 6 месяцев до 2 лет, 11% в связи с совершением административных правонарушений до достижения возраста привлечения к административной ответственности, 5% как употребляющие наркотические средства или психотропные вещества либо употребляющие одурманивающие вещества, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, 3 % несовершеннолетних – осуждены условно, к обязательным работам, исправительным работам или иным мерам наказания, не связанным с лишением свободы.

Таким образом, приходим к выводу, что основная масса несовершеннолетних, помещенных в ЦВСНП ОВД, ранее уже имела опыт совершения противоправных деяний. Как правило, несовершеннолетние, помещаемые в ЦВСНП ОВД, совершают повторные тождественные или однородные деяния. Только 10 % от общего числа несовершеннолетних с момента совершения первого общественно опасного деяния и до помещения в ЦВСНП ОВД совершали разнородные общественно опасные деяния, что говорит о наличии определенных постоянных потребностей, обуславливающих в дальнейшем мотивацию их поведения.

Основная масса общественно опасных деяний, совершенных несовершеннолетними, помещаемыми в ЦВСНП ОВД, характеризуется небольшой или средней степенью общественной опасности. Так, 51 % несовершеннолетних, помещенных в ЦВСНП ОВД, совершили деяния, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 158 УК РФ (кража), иные их деяния против собственности составляют 19 % в общей структуре деяний, совершенных исследуемыми несовершеннолетними, из них корыстно-насильственной направленности не более 5 %. Общественно опасные деяния против жизни и здоровья составляют 14 %, при этом тяжкие преступления, такие как убийство (ст. 105 УК РФ) и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), составляют не более 2 %. Следует отметить, что общественно опасные деяния против половой неприкосновенности личности занимают достаточно большую долю деяний и составляют 11 % от общего числа исследуемых,

при этом доля деяний против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста, составляет 10 %. Общественно опасные деяния против здоровья населения и общественной нравственности составляют 3 % деяний, иные деяния – не более 2 %.

48 % несовершеннолетних, помещенных в ЦВСНП ОВД, совершили общественно опасные деяния в составе группы лиц. Как правило, несовершеннолетние совершают общественно опасные деяния в группах небольшого состава, от 2 (в большинстве случаев) до 6 человек. Эти группы чаще всего формируются из числа безнадзорных несовершеннолетних, находящихся в дружеских или приятельских отношениях, преимущественно воспитывающихся в неблагополучных многодетных семьях, проводящих большую часть времени вне дома и семьи. Организованность в совершении общественно опасных деяний, как правило, отсутствует, как и четкое распределение ролей между соучастниками деяния.

Мотивы совершения общественно опасных деяний и иных правонарушений по своему содержанию весьма разнообразны. Как правило, в совершении общественно опасных деяний прослеживается сочетание различных мотивов совершения деяний, в зависимости от стойкости асоциальных установок личности и продолжительности антиобщественного поведения. Корыстные мотивы обычно сочетаются с желанием самоутвердиться, занять достойное место в группе сверстников. Сочетание сексуальных мотивов и престижных мотивов, т.е. желания закрепиться в референтной группе, прослеживается и в общественно опасных деяниях против половой неприкосновенности личности. Значительную часть занимают ситуационные мотивы совершения общественно опасных деяний, возникающие во внезапной ситуации, разрешение которой несовершеннолетние видят лишь в совершении противоправных деяний. В противоправных деяниях подростков наблюдаются

также жестокость, агрессивность, подражательство, противостояние обществу, желание добыть средства на алкогольные напитки, токсические или наркотические вещества и иные мотивы.

Обсуждение и заключения

Результаты исследования личности несовершеннолетнего, находящегося в ЦВСНП ОВД, подтверждают выводы о существовании некоторых отличительных характеристик такой личности, обусловленных, в первую очередь, правилами помещения в рассматриваемые учреждения и исключительностью применяемой меры воздействия.

Приведенные данные о структуре общественно опасных деяний, совершенных несовершеннолетними, находящимися в ЦВСНП ОВД, свидетельствуют об их особой степени общественной опасности, по сравнению с общей структурой преступности несовершеннолетних. Данные правонарушители еще недостаточно опасны, чтобы исправлять их с помощью мер уголовно-правовых репрессий. Но в то же время дальнейшее пребывание в обстановке, которая создала условия и обстоятельства совершения общественно опасных деяний, представляется невозможным.

Таким образом, представляя криминологический портрет несовершеннолетнего, находящегося в ЦВСНП ОВД, мы можем сказать, что это в 90 % случаев несовершеннолетний мужского пола в возрасте от 7 до 17 лет, в большинстве случаев воспитывающийся в неполной малообеспеченной семье, обладающий низким образовательным и познавательным уровнем развития, не охваченный досуговой и (или) трудовой занятостью, ранее совершавший общественно опасные деяния до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности и состоящий на профилактическом учете в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, совершивший, как правило, повторное общественно опасное деяние небольшой или средней тяжести против собственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прокурова С.В. Психологические особенности работы с подростками, находящимися в центрах временного содержания несовершеннолетних правонарушителей: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Моск. гос. обл. ун-т. М., 2006. 27 с.
2. Кондратьев Г.В. Психологические особенности и коррекционная помощь подросткам, совершающим побеги и бродяжничество, в центре временного содержания несовершеннолетних правонарушителей: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.10 / Нижегород. гос. пед. ун-т. Н. Новгород, 2006. 23 с.
3. Демидова-Петрова Е.В. Общесоциальное предупреждение преступности несовершеннолетних (по материалам Республики Татарстан) // Криминальная ситуация, реагирование на нее и направления антикриминальной политики: сборник трудов всероссийской научно-практической конференции, 28-29 января 2014. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2014. С. 222 – 229.
4. Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы: учебное пособие. М.: Инфра-М, 2010. 389 с.
5. Капрара Дж., Сервон Д. Психология личности. СПб.: Питер, 2003. 640 с.

6. Кирюшина Л.Ю. Психологические особенности личности несовершеннолетних преступниц и их значение в расследовании преступлений // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2-1(70). С. 100 – 104.
7. Комаров А.А. К вопросу о феминизации преступности // Юридические исследования. 2016. № 1. С. 49 – 64. DOI: 10.7256/2409-7136.2016.1.17189.
8. Колоколов Н.А. Процессуальный порядок рассмотрения в суде материалов о помещении несовершеннолетних в центры временной изоляции и учебно-воспитательные учреждения закрытого типа // Российский судья. 2000. № 3. С. 24 – 29.
9. Кузнецов А.В. Вопросы законодательной коллизии и практики совершенствования помещения несовершеннолетних в ЦВСНП и СУВУЗТ // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической Академии. 2017. № 32. С. 62 – 66.
10. Курочкин А.Д. О помещении несовершеннолетних в Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей в качестве меры пресечения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2018. № 1(18). С. 44 – 48.
11. Юзиханова Э.Г., Шестакова Е.В. Структурная деформация семьи как фактор виктимного поведения несовершеннолетних // Виктимология. Научно-практический журнал. 2018. № 1 (15). С. 86 – 92.
12. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. М.: Юристъ, 1996. 336 с.

REFERENCES

1. Prokurova S.V. Psihologicheskie osobennosti raboty s podrostkami, nahodyashchimisya v centrakh vremennogo sodержaniya nesovershennoletnih pravonarushitelej: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk: 19.00.07 / Mosk. gos. obl. un-t. M., 2006. 27 s.
2. Kondrat'ev G.V. Psihologicheskie osobennosti i korrekcionnaya pomoshch' podrostkam, sovershayushchim pobegi i brodyazhnichestvo, v centre vremennogo sodержaniya nesovershennoletnih pravonarushitelej: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk: 19.00.10 / Nizhegor. gos. ped. un-t. N. Novgorod, 2006. 23 s.
3. Demidova-Petrova E.V. Obshchesocial'noe preduprezhdenie prestupnosti nesovershennoletnih (po materialam Respubliki Tatarstan) // Kriminal'naya situaciya, reagirovanie na nee i napravleniya antikriminal'noj politiki: sbornik trudov vsrossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 28-29 yanvarya 2014. M.: Rossijskaya kriminologicheskaya associaciya, 2014. S. 222 – 229.
4. Tard G. Prestupnik i prestuplenie. Sravnitel'naya prestupnost'. Prestupleniya tolpy: uchebnoe posobie. M.: Infra-M, 2010. 389 s.
5. Капра Д., Сервон Д. Психология личности. СПб.: Питер, 2003. 640 с.
6. Кирюшина Л.Ю. Психологические особенности личности несовершеннолетних преступниц и их значение в расследовании преступлений // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2-1(70). С. 100 – 104.
7. Комаров А.А. К вопросу о феминизации преступности // Юридические исследования. 2016. № 1. С. 49 – 64.
8. Колоколов Н.А. Процессуальный порядок рассмотрения в суде материалов о помещении несовершеннолетних в центры временной изоляции и учебно-воспитательные учреждения закрытого типа // Российский судья. 2000. № 3. С. 24 – 29.
9. Кузнецов А.В. Вопросы законодательной коллизии и практики совершенствования помещения несовершеннолетних в ЦВСНП и СУВУЗТ // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической Академии. 2017. № 32. С. 62 – 66.
10. Курочкин А.Д. О помещении несовершеннолетних в Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей в качестве меры пресечения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2018. № 1(18). С. 44 – 48.
11. Юзиханова Э.Г., Шестакова Е.В. Структурная деформация семьи как фактор виктимного поведения несовершеннолетних // Виктимология. Научно-практический журнал. 2018. № 1 (15). С. 86 – 92.
12. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. М.: Юристъ, 1996. 336 с.

Об авторе: Шестакова Елена Владимировна, инспектор Центра временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей УМВД России по Тюменской области
email: legezina_elena@mail.ru

© Шестакова Е.В., 2020

Статья получена: 18.05.2020. Статья принята к публикации: 23.06.2020.

Статья опубликована онлайн: 29.06.2020.

About the author: Shestakova Elena V., Inspector, the Center of Temporary Isolation for Juvenile Delinquents Administration of MIA of Russia in Tyumen District
email: legezina_elena@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Ф.Н. Багаутдинов

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ
ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ МЕЖДУ СУДАМИ РЕГИОНОВ
И ВЫШЕСТОЯЩИМИ СУДАМИ**

**VIDEOTELECONFERENCE IN THE COURTS OF REGIONS
AND NEW HIGHER COURTS**

Введение: в статье анализируются вопросы организации видеоконференцсвязи между судами регионов и новыми вышестоящими судами – кассационным судом общей юрисдикции, апелляционным судом общей юрисдикции, которые начали работу с 1 октября 2019 года.

Материалы и методы: методологию исследования составляет системный, комплексный подход с использованием теоретических и эмпирических методов (анализа, синтеза, логико-юридический, сравнительного анализа, обобщения). Изучены 8 уголовных дел, рассмотренных Шестым кассационным судом общей юрисдикции с применением видеоконференцсвязи.

Результаты исследования: проведенное исследование подтвердило высокую эффективность применения видеоконференцсвязи при рассмотрении дел в новых кассационных и апелляционных судах общей юрисдикции.

Обсуждение и заключения: предлагается расширять и совершенствовать использование видеоконференцсвязи при осуществлении правосудия в апелляционных, кассационных судах общей юрисдикции.

Ключевые слова: видеоконференцсвязь в судопроизводстве, кассационные и апелляционные суды общей юрисдикции, удостоверение личности участника судопроизводства при организации видеоконференцсвязи

Для цитирования: Багаутдинов Ф.Н. Некоторые вопросы организации видеоконференцсвязи между судами регионов и вышестоящими судами // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 233 - 236. DOI: 10.37973/KUI.2020.70.16.014

Introduction: the author analyses videoteleconference between the courts of regions and new higher courts: general jurisdiction courts of cassation, general jurisdiction courts of appeal that have been working since October 1, 2019.

Materials and Methods: methodology of the study was systemic, complex approach with theoretical and empirical methods (analysis, synthesis, logical and judicial, comparative, generalization). The author studied 8 cases that that the Sixth Court of Cassation considered with the usage of videoteleconference.

Results: the study confirmed the high efficiency of videoteleconference in dealing with cases in new general jurisdiction cassation and appeal courts.

Discussion and Conclusions: the author suggests expand and improve the usage of videoteleconference in general jurisdiction cassation and appeal courts.

Keywords: video conferencing in court proceedings, cassation and appeal courts of general jurisdiction, ID card of the participant of court proceedings at organization of video conferencing

For citation: Bagautdinov F.N. Videoteleconference in the Courts of Regions and New Higher Courts // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 2. P. 233 - 236. DOI: 10.37973/KUI.2020.70.16.014

Введение

Использование видеоконференцсвязи при осуществлении правосудия становится все более востребованным. Данная форма участия имеет свои особенности в рамках каждого вида судопроизводства. Проблема использования видеоконференцсвязи чрезвычайно актуализировалась и в связи с началом с 1 октября 2019 г. деятельности в России новых судов общей юрисдикции.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 25 июня 2019 года № 19 «О применении норм главы 47.1. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» рекомендует организовывать беспрепятственную и доступную видеоконференцсвязь при рассмотрении дел судами апелляционной и кассационной инстанций. При этом право участия в судебном заседании суда кассационной инстанции посредством использования систем видеоконференцсвязи должно быть разъяснено не только осужденному, содержащемуся под стражей, но и другим лицам, подлежащим извещению (не содержащемуся под стражей осужденному, защитнику, потерпевшему и др.). Данное разъяснение позволит принимать участие в заседании суда кассационной инстанции в режиме видеоконференцсвязи более широкому кругу лиц [1].

Результаты обсуждения

Следует подчеркнуть, что закон детально не регулирует вопросы организации видеоконференцсвязи в уголовном или ином судопроизводстве, в частности, он не содержит категоричного требования о том, что видеоконференцсвязь должна быть организована именно из места нахождения суда первой инстанции. Этот вопрос оставлен на усмотрение суда, рассматривающего апелляционную или кассационную жалобу.

В соответствии со ст. 401.8 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) (действия суда кассационной инстанции при поступлении уголовного дела с кассационными жалобой, представлением) в постановлении судьи о назначении судебного заседания суда кассационной инстанции разрешается определенный круг вопросов, в том числе:

- о месте, дате и времени рассмотрения уголовного дела;
- о форме участия в судебном заседании лица, содержащегося под стражей, или осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы.

Организация видеоконференцсвязи между судом региона (особенно районным судом) и соответствующим апелляционным или кассационным судами – дело сложное, требующее немало време-

ни и средств. Не все районные, городские суды располагают соответствующим оборудованием для этого и специалистами. Не всегда имеются свободные помещения для организации видеоконференцсвязи, свободные каналы связи и так далее.

В самом начале деятельности новых судов мы рекомендовали создать специальные центры судебной видеоконференцсвязи на базе областных, республиканских судов, а также в отдельных крупных городах регионов, чтобы через них участники судопроизводства могли донести до суда свои доводы [2].

Для организации работы судов в новых условиях формирования апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции на базе Верховного суда Республики Татарстан была сформирована рабочая группа, выработавшая специальный алгоритм работы. При этом судами используется программное обеспечение, необходимое для проведения судебных заседаний посредством видеоконференцсвязи.

В данном вопросе важная роль отводится районным, городским судам. Кассационные жалобы, представление для их рассмотрения в порядке сплошной кассации, подаются в соответствующий суд кассационной инстанции через суд первой инстанции, вынесший обжалуемое решение. И именно суд первой инстанции, в соответствии со ст. 401.7 УПК РФ, проводит необходимые подготовительные действия.

Как указал Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 25 июня 2019 года № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции», осуществляя подготовительные действия, судья суда первой инстанции выясняет у лиц, содержащихся под стражей и подлежащих извещению, желают ли они участвовать в судебном заседании. При этом всем лицам, подлежащим извещению, разъясняется их право участвовать в заседании суда кассационной инстанции посредством использования систем видеоконференцсвязи.

Видеоконференцсвязь должна быть организована с учетом желания лица, который хочет ею воспользоваться. Например, гражданин осужден Зеленодольским городским судом Республики Татарстан к наказанию, не связанному с лишением свободы, приговор вступил в законную силу. Осужденный проживает в г. Казани и в кассационной жалобе указывает, что выбирает способ участия в суде кассационной инстанции посредством видеоконференцсвязи через ближайший районный суд города Казани, коим является суд Приволжского района.

Далее суд кассационной инстанции направляет поручение в Приволжский районный суд города Казани об организации участия осужденного посредством видеоконференцсвязи в судебном заседании суда кассационной инстанции. Здесь важно, чтобы поручение пришло заблаговременно, с тем чтобы районный суд мог определить судью, выделить зал для участия. В практике имели место случаи, когда поручение из суда кассационной, апелляционной инстанции об организации видеоконференцсвязи приходило накануне даты, указанной в поручении. В результате из-за отсутствия на указанные дату и время свободных судей и залов судебного заседания районный суд вынужден был отказывать в организации видеоконференцсвязи с вышестоящим судом в установленный им срок. Кроме этого, для организации видеоконференцсвязи должны быть и свободные линии связи, а они могут быть заняты. Например, тот же Приволжский районный суд города Казани использует видеоконференцсвязь при рассмотрении дел и обеспечивает связь со многими адресатами, к их числу относятся, например, изолятор, исправительные колонии, Верховный суд Республики Татарстан, другие суды и т.д.

В Республике Татарстан в качестве одного из вариантов было принято решение об организации видеоконференцсвязи с апелляционным (г. Нижний Новгород) и кассационным (г. Самара) судами на базе Московского районного суда города Казани. Большое здание данного суда (в нем ранее располагался арбитражный суд округа) позволяет выделить отдельные помещения для видеоконференцсвязи. Усилиями Судебного департамента в Республике Татарстан данный суд был оснащен необходимым оборудованием, программным обеспечением для организации видеоконференцсвязи с апелляционным, кассационным судами.

При проведении видеоконференцсвязи является обязательным участие судьи, который должен удостоверить личность лица, желающего принять участие в заседании суда апелляционной или кассационной инстанции посредством видеоконференцсвязи. При осуществлении видеоконференцсвязи из суда первой инстанции могут возникнуть некоторые сложности: например, суд кассационной инстанции назначил дату и время рассмотрения кассационной жалобы, в районный суд явился потерпевший, который изъявил желание об участии в деле путем видеоконференцсвязи, а свободных судей нет, все на процессах. Подобные и другие накладки вполне могут иметь место.

Чтобы избежать подобного, решено ввести дежурство судей города Казани на базе Московского районного суда. С учетом общей численности су-

дей в городе Казани получается, что на каждого судью в год выпадает один день дежурства.

Предполагается, что в установленный день дежурный судья прибывает в Московский районный суд. Отметим, что это происходит не каждый день, а только в определенные дни недели, которые выделяются, например, кассационным судом для рассмотрения кассационной жалобы, представления по Республике Татарстан. Дежурный судья обеспечивает установление личности лица, явившегося для участия в суде кассационной инстанции посредством видеоконференцсвязи, и способствует этому.

При этом из Московского районного суда города Казани обеспечивается участие в судебном заседании суда кассационной инстанции посредством видеоконференцсвязи, как правило, следующих категорий лиц, проживающих в городе Казани:

- осужденных, не находящихся под стражей;
- защитников осужденных;
- потерпевших, гражданских истцов и гражданских ответчиков, иных лиц.

Подобный формат организации видеоконференцсвязи удобен и для вышестоящих судов. Им не приходится связываться с разными районными судами, они осуществляют видеоконференцсвязь только с одним уполномоченным судом. Данная система в настоящее время находится на стадии подготовки и введения в действие.

Конечно, осуществление видеоконференцсвязи исключительно из одного уполномоченного суда не является единственно возможным и желательным способом. Например, в апреле 2020 г. Шестым кассационным судом общей юрисдикции (г. Самара) была использована система видеоконференцсвязи при рассмотрении уголовного дела Нижнекамского городского суда Республики Татарстан.

Осужденные, находящиеся под стражей, по их ходатайству принимают участие в судебном заседании суда кассационной, апелляционной инстанции посредством видеоконференцсвязи, организованной непосредственно из следственного изолятора. Данная система в следственных изоляторах налажена и применяется достаточно давно. Как свидетельствует статистика, большинство осужденных, желающих принять участие в заседании суда кассационной инстанции, выбирают именно такой способ участия, как видеоконференцсвязь.

Обсуждение и заключения

Проведенное исследование подтвердило высокую эффективность применения видеоконференцсвязи при рассмотрении дел в новых кассационных и апелляционных судах общей юрисдикции.

Дальнейшее развитие и совершенствование видеоконференцсвязи между судами регионов и вышестоящими апелляционным, кассационным судами – в интересах как самих судов, так и участников судопроизводства. Видеоконференцсвязь позволяет рационализировать, ускорить судебный

процесс и избежать лишних затрат. По мнению участников процесса, официальная процедура видеоконференцсвязи дисциплинирует и суд, так как условия видеоконференцсвязи требуют от судей соблюдения всех правил ведения процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бехало С.В., Давыдов В.А. Новая кассация в уголовном процессе. Что учесть судьям и сторонам // Уголовный процесс. 2019. № 8 (176). С. 24 – 29.
2. Багаутдинов Ф.Н. Новая кассация по уголовным делам: некоторые вопросы правового регулирования и деятельности // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 31 – 35.

REFERENCES

1. Bekhalo S.V., Davydov V.A. Novaya kassaciya v ugovolnom processe. Chto uchest' sud'yam i storonom // Ugolovnyj process. 2019. № 8 (176). S. 24 – 29.
2. Bagautdinov F.N. Novaya kassaciya po ugovolnym delam: nekotorye voprosy pravovogo regulirovaniya i deyatel'nosti // Rossijskaya yusticiya. 2020. № 1. S. 31 – 35.

Об авторе:

Багаутдинов Флер Нуретдинович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
email: kzn.ui.agprf@mail.ru

© Багаутдинов Ф.Н., 2020

About the author: Bagautdinov Fleur N. Doctor of Laws, Professor, Head of Prosecutorial Supervision over the Execution of Laws in Investigation Activity and the Participation of the Prosecutor in Criminal Proceedings of the Kazan Law Institute (Branch) of the University of the Russian Federation
email: kzn.ui.agprf@mail.ru

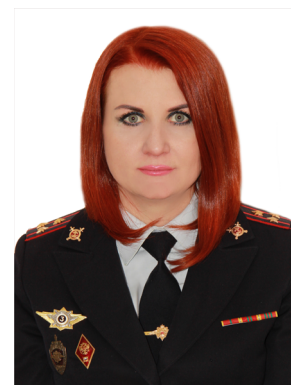
Статья получена: 10.05.2020. Статья принята к публикации: 23.06.2020. .Статья опубликована онлайн: 29.06.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

М.Э. Каац

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕХАНИЗМА ПРИЗНАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ

IMPROVING THE MECHANISM FOR RECOGNIZING EVIDENCE AS INADMISSIBLE

Введение: в статье исследуются отдельные нормативные и практические вопросы, связанные с особенностями реализации процедуры признания доказательств недопустимыми. Несогласованность законодательных предписаний отечественного уголовного процесса, регламентирующих различные аспекты признания доказательств недопустимыми, свидетельствует об отсутствии стройной концепции проведения данного процессуального действия и возникающих в связи с этим проблемах правоприменительной практики.

Материалы и методы: в процессе исследования применялись общенаучные и частные методы. Материалами исследования послужили нормы уголовно-процессуального закона; публикации, посвященные теме исследования; практика деятельности органов предварительного расследования и суда; результаты проведенного автором опроса сотрудников следственных органов и подразделений дознания органов внутренних дел.

Результаты исследования: в статье анализируются отдельные процессуальные аспекты механизма признания доказательств недопустимыми, закрепленные в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (УПК РФ). Предлагается усовершенствовать данную процедуру путем ее четкого законодательного регулирования в действующих институтах ходатайств и жалоб отечественного уголовного процесса.

Обсуждение и заключения: представлен авторский подход, направленный на совершенствование законодательного механизма признания доказательств недопустимыми. Сделаны выводы о необходимости нормативной коррекции ч. 3-4 ст. 88 УПК РФ с отражением в них, во-первых, всех уполномоченных субъектов, принимающих решение о недопустимости доказательств, во-вторых, отсылки к гл. 15-16 УПК РФ, регулиующим вопросы разрешения ходатайств и жалоб. Именно в рамках данных глав предложено рассматривать вопросы об исключении доказательств. В связи с этим также внесены предложения о необходимости включения прокурора в круг субъектов, уполномоченных разрешать ходатайства, а также увеличения, при необходимости, срока их разрешения.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказательства в уголовном судопроизводстве, недопустимые доказательства

Для цитирования: Каац М.Э. К вопросу о совершенствовании механизма признания доказательств недопустимыми // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 237-243. DOI: 10.37973/KUI.2020.63.17.015

Introduction: the inconsistency of the legislative provisions of the domestic criminal procedure regulating various aspects of the recognition of evidence as inadmissible indicates the absence of a coherent concept of this procedural action and the problems of law enforcement practice that arise in this regard. The article examines normative and practical issues related to the implementation of the procedure for recognizing evidence as inadmissible.

Materials and Methods: general scientific and private methods were used in the research process. The materials of the study were the norms of the criminal procedure law; publications on the topic of the study; materials of the practice of the preliminary investigation and court bodies; results of the author's survey of employees of investigative bodies and investigation departments of the police department.

Results: the article analyzes certain procedural aspects of the mechanism for recognizing evidence as inadmissible, which are fixed in the code of criminal procedure of the Russian Federation. It is proposed to improve this procedure by clearly regulating it in the existing institutions of proceedings and complaints in the domestic criminal process.

Discussion and Conclusions: the author's approach aimed at improving the legislative mechanism for recognizing evidence as inadmissible is presented. Conclusions about the need for a normative core of the reaction h.h. 3-4 of Article 88 of the code of criminal procedure, to include, first, all authorized persons, making the decision on the inadmissibility of the evidence, and secondly, the reference to Chapter 15-16 code of criminal procedure governing the resolution of complaints and grievances. It is within the framework of these chapters that it is proposed to consider questions about the exclusion of evidence. In this regard, proposals were also made on the need to include the Prosecutor in the circle of subjects authorized to resolve petitions, as well as to increase, if necessary, the term of their decision.

Keywords: criminal proceedings, evidence in criminal proceedings, inadmissible evidence

For citation: Kaats M.E. Improving the Mechanism for Recognizing Evidence as Inadmissible // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 2. P. 237 -243. DOI: 10.37973/KUI.2020.63.17.015

Введение

Институт доказывания, являясь ядром уголовного судопроизводства, всегда привлекал к себе внимание ученых-процессуалистов, однако до настоящего момента многие вопросы доказательственной деятельности остаются неразрешенными в силу отсутствия их должного законодательного регулирования. К одному из таких вопросов относится допустимость доказательств, обеспечение которой является важной задачей уголовного судопроизводства и гарантией от незаконного и необоснованного уголовного преследования.

Основное законодательное закрепление, связанное с недопустимыми доказательствами, осуществлено в ч. 3 ст. 7 УПК РФ. В указанной норме отмечено, что любые нарушения предписаний УПК РФ со стороны уполномоченных органов или лиц являются основаниями признания любых доказательств недопустимыми. Кроме пересказанных положений, указанная норма не содержит в себе никаких механизмов признания доказательств недопустимыми и не отсылает к другим статьям УПК РФ, которые содержат отдельные законодательные положения признания доказательств недопустимыми.

Статья 75 УПК РФ закрепляет случаи признания доказательств недопустимыми. Причем законодатель идет по пути расширения данных случаев, добавляя новые основания недопустимости доказательств. Так, последние изменения в данную норму были внесены 27 декабря 2019 года в связи с реализацией в Российской Федерации третьего этапа «амнистии капитала»¹. При этом процедура осуществления данного процессуального действия осталась без внимания законодателей.

В ч. 3 и 4 ст. 88 УПК РФ указаны субъекты, уполномоченные принимать решение о недопустимости доказательств, а также последствия положительного решения о признании доказательств недопустимыми, однако инициаторы заявления подобных ходатайств являются ограниченными.

Анализ уголовно-процессуального законодательства свидетельствует, что исключение фактических обстоятельств, которые не могут использоваться в качестве доказательств, возможно как на досудебной стадии, так и в рамках судебного заседания. В рамках досудебной стадии правом исключения таких фактических обстоятельств обладает лицо, проводящее расследование по уголовному делу (дознатель, следователь), а также прокурор и в рамках судебного рассмотрения – суд.

Порядок исключения доказательств более детально регламентирован в судебном производстве, что подтверждается положениями ст. 234 и 235 УПК РФ. Стороны почти всегда пользуются возможностью заявления ходатайства об исключении тех или иных доказательств в стадиях судебного производства. Соответственно, в процессе оценки допустимости того или иного доказательства суду необходимо проследить весь путь их формирования с целью определения их допустимости. Так, Е.А. Суковатицина отмечает, что «при оценке копий документов суду следует определить, каким образом осуществлялось копирование, не произошло ли изменение копии по сравнению с оригиналом». Автор отмечает, что на практике существуют примеры, когда фактические данные, содержащиеся в копии документа, сознательно изменяются с целью достижения необходимого результата по сравнению с первоисточником [1, с. 225-229]. Отметим, что в основном оценка доказательств в судебных стадиях происходит только по поступившим ходатайствам об исключении того или иного доказательства, а судья, в свою очередь, при разрешении ходатайства лишь поверхностно выясняет, каким образом получено то или иное доказательство и был ли соблюден при этом закон. В рамках же досудебного производства указанный порядок не закреплен, а нормы гл. 15 УПК РФ являются в этом отношении не согласующимися с другими нормами, закрепляющими различные аспекты недопустимости доказательств.

¹. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2019 № 498-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 52 (часть I). Ст. 7816.

Вышеобозначенные моменты определяют актуальность затронутой в статье проблематики и необходимость проведения научного анализа в исследуемой области с выработкой конкретных предложений и рекомендаций, направленных на совершенствование действующего уголовно-процессуального законодательства.

Обзор литературы

Проблемам исследования фундаментальных основ недопустимости доказательств в сфере уголовного судопроизводства посвящены диссертационные работы последних лет таких ученых, как А.В. Рудин [2], С.А. Сущенко [3], В.В. Терехин [4] и др. Некоторые аспекты признания доказательств недопустимыми анализировались в научных публикациях А.М. Лютынского [5], Е.А. Суковатиной [1], И.В. Титовец [6] и др. Однако проблематика затронутой в статье темы обусловлена в первую очередь отсутствием законодательного регулирования механизма признания доказательств недопустимыми, что порождает возникновение различных точек зрения и обуславливает необходимость продолжения научной дискуссии в данном направлении.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют общенаучные (общелогические) методы исследования (индукция и дедукция), а также частные (формально-юридический и конкретно-социологический) методы исследования. Материалами исследования послужили законодательные предписания УПК РФ, публикации отечественных ученых-процессуалистов, материалы практики органов предварительного расследования и суда, а также результаты проведенного автором опроса сотрудников следственных органов и подразделений дознания органов внутренних дел (ОВД).

Результаты исследования

В положениях ч. 3 ст. 88 УПК РФ закреплено, что в ходе осуществления предварительного расследования уполномоченное лицо (дознатель, следователь, прокурор) имеет право признать доказательство недопустимым. В норме также отмечено, что такое признание может осуществляться как по собственной инициативе должностного лица, так и по ходатайству подозреваемого или обвиняемого. Таким образом, решение вопроса о допустимости доказательств может быть инициативным, а также исходить от лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование.

Судя по проведенному нами опросу следователей и дознавателей ОВД¹, принятие решения о недопустимости того или иного доказательства по собственной инициативе является крайне редким явлением. Причина кроется в том, что данные лица не имеют заинтересованности в исключении доказательств, которые ими были собраны.

Что касается порядка исключения недопустимых доказательств по ходатайству подозреваемого и обвиняемого, то следует констатировать низкую эффективность такого механизма. Об этом также свидетельствуют результаты проведенного нами опроса. Как указали сотрудники органов предварительного расследования, никому из них не приходилось самостоятельно рассматривать ходатайства о недопустимости доказательств. Как правило, данные ходатайства рассматриваются в рамках реализации прокурорского надзора или судом в порядке ст. 234, 235 УПК РФ.

Так, обвиняемым на стадии подготовки к судебному заседанию было подано ходатайство в суд о признании заявления о явке с повинной недопустимым доказательством в связи физическим и моральным давлением на него со стороны органа дознания с целью его сознания в преступлении. К данному ходатайству был приложен акт медицинского освидетельствования на наличие ссадин, ушибов и кровоподтеков, полученных предположительно в период нахождения обвиняемого в ОМВД России по г. Сибая для оформления явки с повинной².

Нередко инициатива признания доказательств недопустимым исходит от защитника подозреваемого, обвиняемого, и лишь в судебных стадиях. Об этом свидетельствуют и другие ученые [5, с. 31].

Так, по одному из уголовных дел защитник подал в суд ходатайство о признании допроса несовершеннолетнего недопустимым доказательством в связи с тем, что допрос не был зафиксирован на видеокамеру. Суд данное ходатайство отклонил, так как, согласно ст. 425 УПК РФ, видео-сопровождение допроса несовершеннолетнего не является обязательным³. По другому уголовному делу защитник ходатайствовал перед судом о признании допроса свидетеля недопустимым доказательством в связи с тем, что он был допрошен в 02.00 часа, то есть в ночное время. При этом свидетель никуда не скрывался, имеет место жительство, соответственно, данное следственное действие не может быть расценено как не терпящее отлагательств⁴.

¹ В опросе приняли участие следователи и дознаватели, проходящие повышение квалификации на базе Уфимского юридического института МВД России в 2019 году. Здесь и далее по тексту статьи будут приводиться результаты анкетирования данной категории субъектов.

² Материалы УД № 5161665—9 от 10 октября 2019 г., возбужденного отделом дознания ОМВД России по г. Сибая.

³ Материалы УД № 48543887—9 от 9 сентября 2019 г., возбужденного отделом дознания ОМВД России по г. Сибая.

⁴ Материалы УД № 1190180046—4 от 28 декабря 2019 г., возбужденного отделом дознания ОМВД России по г. Сибая.

По нашему убеждению, отсутствие заявленных ходатайств о недопустимости доказательств на стадии расследования связано, во-первых, с избираемой тактикой защитника и его доверителя, а во-вторых, с отсутствием должной законодательной регламентацией механизма заявления и разрешения подобных ходатайств в досудебный период.

Так, адвокаты утверждают, что намеренно откладывают заявление таких ходатайств на этап судебного разбирательства. Подобные тактические приемы адвокатов обусловлены нежеланием, чтобы лица, проводящие расследование, устраняли имеющиеся нарушения. Существенное уменьшение способов по устранению допущенных нарушений на судебной стадии увеличивает вероятность того, что ходатайство адвоката о недопустимости доказательств будет удовлетворено в связи с невозможностью восполнить сведения о достоверности информации. Причина сложившейся практики, по нашему мнению, кроется в неверном понимании отношений между адвокатом и следователем (дознавателем), заключающихся в противоборстве указанных субъектов. Между тем действующий УПК РФ предлагает иную модель отношений, предполагающую взаимодействие адвоката и лица, расследующего уголовное дело. Изначально другое понимание роли адвоката как участника уголовного процесса, способствующего осуществлению правосудия путем предотвращения обвинительного уклона следователя (дознавателя), предполагает реагирование на допущенные нарушения УПК РФ в момент, когда он их заметил. Это означает, что необходимо менять правосознание субъектов и участников уголовно-процессуальной деятельности и работать над совершенствованием механизма разрешения вопроса о (не)допустимости доказательств.

При этом если обратиться к буквальному толкованию ч. 3 ст. 88 УПК РФ, защитник не указан в качестве субъекта, по просьбе которого в процессе расследования может решаться вопрос о допустимости доказательств. В данной норме налицо необоснованно суженный круг субъектов заявления ходатайств об исключении доказательств [3, с. 196]. Не ясно, почему законодатель не указал, что обладают правом на заявление подобных ходатайств также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители и другие заинтересованные лица, перечисленные в ч. 1 ст. 119 УПК РФ. В свете недавних изменений и допол-

нений, внесенных в УПК РФ, правом на заявление подобного ходатайства должно обладать и лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, статус которого закреплен в ст. 56.1 УПК РФ¹. В юридической литературе его предлагают именовать «изобличителем» [7, с. 16], а также «лицом, являющимся источником сведений» [8, с. 216].

Право всех вышеперечисленных участников уголовного процесса на заявление ходатайств о признании доказательств недопустимым должно быть, по мнению автора статьи, закреплено в УПК РФ.

К субъектам, уполномоченным принимать решения о недопустимости доказательств, относятся, помимо прочих, прокурор.

Необходимо отметить, что об устранении недопустимых доказательств прокурором имеется упоминание и во внутриведомственных актах. Так, на основании приказа Генпрокуратуры РФ «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»² при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия необходимо добиваться соблюдения требований ч. 3 ст. 7 и ст. 75 УПК РФ о недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением установленного законом порядка.

Однако каким образом прокурор может «добиться» соблюдения требований о допустимости во внутриведомственных актах, не сказано. Проблематичным видится и уголовно-процессуальное регулирование данного вопроса.

Очевидно, что такая возможность может возникнуть при рассмотрении прокурором материалов уголовного дела с обвинительным заключением (актом, постановлением), поскольку данный этап знаменует окончание предварительного расследования, а в законодательстве предусмотрены предшествующие данному этапу механизмы, в рамках которых происходит взаимодействие прокурора и лица, проводящего расследование. «Так, по уголовному делу № 1-818/03253 по обвинению И. в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 228 УК РФ, допрос подозреваемого был проведен дознавателем без участия защитника. Прокурор возвратил уголовное дело на дополнительное расследование из-за возможного признания показаний подозреваемого недопустимым доказательством» [4, с. 138]. В данной ситуации прокурор своими

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.10.2018 № 376-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 45. Ст. 6831.

² Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генпрокуратуры России от 28.12.2016 № 826 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.02.2020).

действиями способствовал возможному возникновению вопроса об исключении доказательств в судебных стадиях. При этом сам прокурор предусмотрен в качестве субъекта, правомочного признавать доказательство недопустимыми по ходатайству подозреваемого или обвиняемого, на что указано в ч. 3 ст. 88 УПК РФ.

Однако если обратиться к нормам, регулирующим процедуру разрешения ходатайств (гл. 15 УПК РФ), то упоминания о прокуроре мы там не найдем. Налицо ситуация, делающая невозможным реализацию прокурором полномочий по признанию доказательств недопустимыми, выход из которой единственный – признать за данным участником уголовного процесса право на рассмотрение и разрешение ходатайств в соответствующих нормах гл. 15 УПК РФ.

При этом для разрешения ходатайства о признании доказательств недопустимым в данной главе должен быть установлен более длительный временной период, так как вряд ли трое суток можно считать оптимальными для рассмотрения подобного вопроса. На наш взгляд, срок разрешения ходатайств о признании доказательств недопустимыми при необходимости должен продлеваться до 10 суток. Исходя из этого, считаем целесообразным дополнить ст. 121 УПК РФ предложением следующего содержания: «Срок разрешения ходатайства, заявленного в порядке ч. 3 ст. 88 УПК РФ, может быть продлен до 10 суток».

В юридической научной среде встречаются суждения о необходимости предоставления права признания доказательств недопустимыми не только прокурору, но и «начальнику органа дознания, начальнику подразделения дознания, а также иным должностным лицам, не относящимся к субъектам уголовного преследования, но на которых согласно ч. 3 ст. 40 УПК РФ и ч. 4 ст. 146 УПК РФ возлагается возбуждение уголовных дел и выполнение неотложных следственных действий» [2, с. 13]. По нашему мнению, данных участников уголовного судопроизводства излишне наделять подобными правомочиями, так как начальник органа (подразделения) дознания не реализует функцию ведомственного контроля в рамках гл. 16 УПК РФ, а субъектов, перечисленных в ч. 3 ст. 40 УПК РФ, в силу исключительности выполняемых ими уголовно-процессуальных функций, носящих временный характер, просто нецелесообразно наделять подобными судьбоносными доказательственными полномочиями, так как вряд ли у данных лиц сформированы комплексные уголовно-процессуальные компетенции, позволяющие им на должном уровне проявлять себя во всех сферах судопроизводства.

Информация о нарушении норм УПК РФ, приводящая к недопустимости доказательств, может содержаться в жалобе, поданной на действия должностных лиц руководителю следственного органа или прокурору в порядке ст. 124 УПК РФ. В этом случае и руководитель следственного органа может считаться субъектом, уполномоченным принимать решения о недопустимости доказательств. Примеры принятия подобных решений встречаются в юридической литературе. Так, «следователем ОВД по Приокскому району г. Н.Новгорода был проведен дополнительный допрос потерпевшего К., являющегося гражданином Республики Камерун, без привлечения переводчика. Исполняющий обязанности начальника ГСУ при ГУВД по Нижегородской области Н. вынес обоснованное и мотивированное постановление о признании данного дополнительного протокола допроса потерпевшего недопустимым доказательством» [4, с. 146].

Таким образом, исходя из вышеописанных моментов, предлагаем следующую формулировку ч. 3 ст. 88 УПК РФ: «Прокурор, руководитель следственного органа, следователь, дознаватель вправе признать доказательство недопустимым по собственной инициативе или по ходатайству (жалобе) подозреваемого, обвиняемого, а также других участников уголовного судопроизводства в порядке, предусмотренном главами 15-16 настоящего Кодекса». В связи с этим мы не поддерживаем мнение отдельных ученых, предлагающих внести в данную норму положение о необходимости вынесения «компетентными участниками уголовного судопроизводства постановления о признании доказательств недопустимыми и их исключении» [6, с. 533], так как ст. 122 УПК РФ и ч. 2 ст. 124 УПК РФ предусматривают вынесение данного процессуального решения по результатам рассмотрения ходатайств и жалоб.

По справедливому замечанию С.А. Сущенко, уголовно-процессуальным законодательством предусмотрена еще одна процедура по исключению недопустимых доказательств в рамках досудебного производства. Так, некоторые доказательства могут быть подвержены исключению в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Осуществляя ретроспективный судебный контроль, судья, проверяя законность произведенного следственного действия, выносит решение о его законности или незаконности. В случае признания произведенного следственного действия незаконным доказательства, полученные в ходе его производства, признаются недопустимыми в соответствии со ст. 75 УПК РФ [3, с. 198]. Указанное положение должно быть отражено, по

нашему мнению, в ч. 4 ст. 88 УПК РФ, которая может иметь следующую формулировку: «Судья в период досудебного производства признает доказательство недопустимым в случае установления незаконности произведенного следственного действия в порядке ч. 5 ст. 165 настоящего Кодекса. В период судебного производства суд вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству сторон или по собственной инициативе в порядке, установленном статьями 234 и 235 настоящего Кодекса».

Обсуждение и заключения

Таким образом, в рамках проведенного исследования проанализированы отдельные проблемные вопросы процедуры признания доказательств недопустимыми, выявлены нормы дискуссионного содержания и сформулированы предложения по их совершенствованию.

Обосновано суждение о необходимости закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве четкого, выверенного процессуального механизма, который позволил бы применять основания признания доказательств недопустимыми.

Основу данного механизма образует ч. 3 ст. 7 УПК РФ, закрепляющая один из элементов принципа законности уголовного судопроизводства, а также ст. 75 УПК РФ, отражающая случаи признания доказательств недопустимыми. Сама процедура проведения данного процессуального действия через отсылочную норму правил оценки доказательств (ч. 3-4 ст. 88 УПК РФ), по нашему убеждению, должна реализовываться посредством механизма разрешения ходатайств и жалоб уголовного судопроизводства (гл. 15-16 УПК РФ).

В связи с этим предложено ч. 3 ст. 88 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Прокурор, руководитель следственного органа, следователь, дознаватель вправе признать доказательство недопустимым по собственной инициативе или по ходатайству (жалобе) подозреваемого, обвиняемого, а также других участников уголовного судопроизводства в порядке, предусмотренном главами 15-16 настоящего Кодекса». Прокурор как субъект, уполномоченный принимать и разрешать ходатайства, должен быть предусмотрен в ст. 119, 121 УПК РФ. Также предлагается в случае необходимости предоставить возможность уполномоченным субъектам увеличивать срок разрешения ходатайств о недопустимости доказательств на период до 10 суток, о чем необходимо дополнить ст. 121 УПК РФ.

С учетом возможности судебного разрешения вопросов о признании доказательств недопустимыми внесено предложение об изменении формулировки ч. 4 ст. 88 УПК РФ: «Судья в период досудебного производства признает доказательство недопустимым в случае установления незаконности произведенного следственного действия в порядке ч. 5 ст. 165 настоящего Кодекса. В период судебного производства суд вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству сторон или по собственной инициативе в порядке, установленном статьями 234 и 235 настоящего Кодекса».

Вышеуказанные предложения позволят, на наш взгляд, усовершенствовать и оптимизировать процедуру признания доказательств недопустимыми в сфере российского уголовного судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Суковатицина Е.А. Проблемы оценки достоверности доказательств на предварительном слушании в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Краснодар, 2016. С. 225 – 229.
2. Рудин А.В. Проверка доказательств в ходе досудебного производства в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Краснодар, 2019. 188 с.
3. Сущенко С.А. Недопустимость доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и зарубежных государств англо-американской и континентальной правовых семей: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2020. 262 с.
4. Терехин В.В. Недопустимые доказательства в уголовном процессе России: теоретические и прикладные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Н. Новгород, 2016. 510 с.
5. Лютынский А.М., Карташова Е.Г. Процессуальный порядок признания доказательств по уголовному делу недопустимыми: некоторые проблемы и решения // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3 (31). С. 29 – 32.
6. Титовец И.В. Понятие и система механизма исключения недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу // Оптимизация деятельности органов предварительного следствия и дознания: правовые, управленческие и криминалистические проблемы: сборник научных статей Международной научно-практической конференции. М., 2017. С. 529 – 533.
7. Куценко С.М. Современный взгляд на институт досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 2 (22). С. 14 – 17.

8. Латыпов В.С. Новелла процессуального законодательства, или новый этап развития института содействия правосудию // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 2. С. 213 – 218.

REFERENCES

1. Sukovaticina E.A. Problemy ocenki dostovernosti dokazatel'stv na predvaritel'nom slushanii v ugovnom sudoproizvodstve // Aktual'nye problemy sudebnoj, pravoohranitel'noj, pravozashchitnoj, ugovno-processual'noj deyatel'nosti i nacional'noj bezopasnosti: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Krasnodar, 2016. S. 225 – 229.
2. Rudin A.V. Proverka dokazatel'stv v hode dosudebnogo proizvodstva v rossijskom ugovnom processe: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Krasnodar, 2019. 188 s.
3. Sushchenko S.A. Nedopustimost' dokazatel'stv v ugovnom processe Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh gosudarstv anglo-amerikanskoj i kontinental'noj pravovyh semej: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. M., 2020. 262 s.
4. Terekhin V.V. Nedopustimye dokazatel'stva v ugovnom processe Rossii: teoreticheskie i prikladnye aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. N. Novgorod, 2016. 510 s.
5. Lyutynskij A.M., Kartashova E.G. Processual'nyj poryadok priznaniya dokazatel'stv po ugovnomu delu nedopustimymi: nekotorye problemy i resheniya // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2015. № 3 (31). S. 29 – 32.
6. Titovec I.V. Ponyatie i sistema mekhanizma isklyucheniya nedopustimyh dokazatel'stv v hode dosudebnogo proizvodstva po ugovnomu delu // Optimizaciya deyatel'nosti organov predvaritel'nogo sledstviya i doznaniya: pravovye, upravlencheskie i kriminalisticheskie problemy: sbornik nauchnyh statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. M., 2017. S. 529 – 533.
7. Kucenko S.M. Sovremennyy vzglyad na institut dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 2 (22). S. 14 – 17.
8. Latypov V.S. Novella processual'nogo zakonodatel'stva, ili novyj etap razvitiya instituta sodejstviya pravosudiyu // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. Т. 10, № 2. С. 213 – 218.

Об авторе: Каац Марина Эвальдовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России
email: renatnasir@mail.ru

© Каац М.Э., 2020

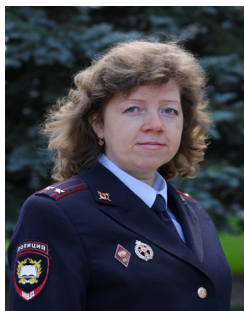
About the author: Kaats Marina E., Candidate of Laws (Research doctorate), Associate Professor of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of MIA of Russia
email: renatnasir@mail.ru

Статья получена: 19.02.2020. Статья принята к публикации: 23.06.2020.
Статья опубликована онлайн: 29.06.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.13

DOI: 10.37973/KUI.2020.78.40.016

Е.С. Кудряшова

**КАЧЕСТВО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ КАК ОБЩЕЕ УСЛОВИЕ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

**PRE-TRIAL QUALITY IN A CRIMINAL CASE AS A GENERAL
CONDITION OF PRELIMINARY INVESTIGATION**

Введение: статья посвящена анализу исследований ученых-процессуалистов содержания понятия «общие условия предварительного расследования» и их системы, а также выработке и аргументации предложений о включении в систему общих условий предварительного расследования нового компонента «качество досудебного производства по уголовному делу».

Материалы и методы: исследование основано на методе материалистической диалектики. Проблема обеспечения общих условий предварительного расследования рассматривается во взаимосвязи с иными уголовно-процессуальными проблемами, а именно: единства и дифференциации форм досудебного производства, обеспечения качества дознания и предварительного следствия.

Результаты исследования: на современном этапе развития общества и государства все больше внимания уделяется повышению эффективности и качества досудебного производства. На основе анализа норм действующего уголовно-процессуального законодательства, а также результатов теоретического осмысления системы общих условий предварительного расследования автором сформулировано содержание понятия «качество досудебного производства по уголовному делу». Автор статьи полагает, что существует возможность включения этой дефиниции в сложившуюся систему общих условий досудебного производства.

Обсуждения и заключения: автором обосновано включение в систему общих условий предварительного расследования новой составляющей – «качество досудебного производства по уголовному делу», а также раскрыто ее содержание.

Ключевые слова: уголовное дело, досудебное производство, общие условия предварительного расследования, качество дознания, качество предварительного следствия

Для цитирования: Кудряшова Е.С. Качество досудебного производства по уголовному делу как общее условие предварительного расследования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 244 – 249. DOI: 10.37973/KUI.2020.78.40.016

Introduction: the article analyzes the research of process scientists related to the content of the concept "general conditions of preliminary investigation" and their system. The purpose of the research is to develop and argue for the inclusion in the system of general conditions of preliminary investigation of a new component "pre-trial quality in a criminal case".

Materials and Methods: the study is based on the method of materialistic dialectics. The issue of ensuring general conditions of preliminary investigation is considered in connection with a number of other criminal procedure issues: unity and differentiation of forms of pre-trial proceedings, quality assurance of inquiry and preliminary investigation.

Results: at the current stage of development of society and the state, more attention is paid to improving the efficiency and quality of pre-trial procedure. Based on the analysis of the norms of the current criminal procedure legislation, as well as the results of theoretical understanding of the system of general conditions of preliminary investigation, the author has formulated the content of the concept of "quality of pre-trial proceedings in a criminal case". The author believes that it is possible to include this definition in the existing system.

Discussion and Conclusions: the author proposed and justified the inclusion of a new component in the system of general conditions of preliminary investigation - "Quality of pre-trial criminal proceedings", and disclosed its content.

Keywords: criminal case, pre-trial proceedings, general conditions of preliminary investigation, quality of inquiry, quality of preliminary investigation

For citation: Kudriashova E.S. Quality of the Pre-trial Proceedings in a Criminal Case as a General Condition of the Preliminary Investigation // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 2. P. 244 – 249. DOI: 10.37973/KUI.2020.78.40.016

Введение

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации регламентирует закрепление общих условий только двух стадий уголовного процесса: предварительного расследования (главы 21, 22 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ)) и судебного разбирательства (глава 35 УПК РФ). Законодательная дефиниция общих условий также не предусмотрена. Кроме того, в теории уголовного процесса однозначный подход к раскрытию содержания этого понятия до настоящего времени отсутствует, а элементы системы общих условий предварительного расследования неопределенны.

Общие условия предварительного расследования обладают следующими характерными чертами: нормативным закреплением; обусловленностью принципами уголовного процесса; единообразием применения; определяют порядок досудебного производства; применимы практически на любом этапе предварительного расследования; образуют систему, состоящую из взаимосвязанных элементов.

Значение рассматриваемых общих условий заключается в том, что они обеспечивают единство и дифференциацию форм предварительного расследования – дознания и предварительного следствия, а их соблюдение позволяет гарантировать законность, всесторонность, полноту и объективность расследования, обеспечивать права и интересы участников досудебного производства.

Обзор литературы

Ученые-процессуалисты определяют общие условия предварительного расследования в основном как правила, нормы поведения, требования закона [1, с. 4; 2, с. 194], устанавливающие порядок деятельности по уголовным делам [3, с. 17], либо порядок осуществления процессуальных действий и принятия решения на стадии предварительного расследования [4, с. 229].

Взгляды некоторых ученых обосновываются зависимостью общих условий досудебного производства от цели уголовного процесса и их связью с принципами, установленными законом в качестве общеобязательных (общевозможных) для досудебных производств [5, с. 751].

Нам импонирует позиция П.А. Лупинской, согласно которой общими условиями являются установленные законом правила, выражающие характерные черты предварительного расследования и определяющие наиболее существенные требования, предъявляемые к порядку производства процессуальных действий и принятию решений [6, с. 376].

В целом общие условия предварительного расследования можно трактовать как требования уголовно-процессуального закона, регламентирующие производство дознания и предварительного следствия, основанные на принципах уголовного процесса, призванные обеспечить достижение целей уголовного процесса при расследовании преступлений.

Материалы и методы

Базовым методом исследования выступил метод материалистической диалектики: проблема соблюдения общих условий предварительного расследования рассматривается во взаимосвязи с рядом иных правовых вопросов – уголовно-процессуальных форм, функций, процессуальных гарантий, единства и дифференциации форм досудебного производства. В дополнение к нему в процессе исследования применялись общенаучные методы: исторический (в части исторического развития системы общих условий), формально-логический (характеристика уровней качества предварительного расследования), анализа, синтеза, а также частнонаучные методы: логико-юридический (исследование содержания конкретных уголовно-процессуальных норм и их логическая связь), формально-юридический и др. Комплексное применение названных методов позволило обеспечить достоверность и основательность исследования.

Результаты исследования

В теории и практике уголовного процесса существуют различные подходы к системе общих условий предварительного расследования. Законодательный перечень рассматриваемых условий закреплен в главе 21 УПК РФ.

Действовавший в первой половине XX века Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года содержал нормы, устанавливающие общие условия производства предварительного следствия, в частности: обязательность производства предварительного следствия; исследование обстоятельств, усиливающих и смягчающих степень и характер ответственности, а также имеющих значение для дела; сроки производства предварительного следствия; соединение уголовных дел; надзор со стороны прокуратуры; предъявление гражданского иска и мер по его обеспечению.

Глава 10 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года «Общие условия предварительного следствия» включала в себя такие условия, как обязательность предварительного следствия и подследственность, полномочия следователя, полномочия начальника следственного отдела, участие понятых, признание гражданским истцом, привлечение в качестве гражданского ответчика и

ряд других. Примечательно, что уже в тот период были закреплены нормы «Применение звукозаписи при допросе», «Привлечение общественности к участию в раскрытии преступлений».

В современной уголовно-процессуальной теории наиболее основательная система принципов предложена В.Т. Томиным. Она достаточно подробно отражает правовую природу и сущность предварительного расследования именно потому, что требования общего характера, предъявляемые к участникам уголовного судопроизводства, задействованным в осуществлении досудебного производства, содержатся не только в главе 21 УПК РФ, но и в нормах других глав закона. Исходя из представления о том, что весь уголовный процесс строится на единой системе принципов, полагаем, что предложение В.Т. Томина об общих условиях конкретной стадии как специфических проявлениях одних и тех же принципов в разных обстоятельствах вполне оправданно. Иными словами, определенный принцип, охватывая весь процесс, выражается по-разному в разных стадиях. Разумеется, сами принципы демонстрируют лишь отдаленное влияние на общие условия, проявляются в определенных правовых нормах, регулирующих действия участников правоотношений [5, с. 751 – 752].

Наряду с общими условиями, регламентированными в указанной главе, ученый вычленил такие, как прокурорский надзор и процессуальное руководство органами, осуществляющими предварительное расследование; судебный контроль; взаимодействие органов предварительного расследования с иными подразделениями; участие «удостоверителей» в производстве следственных действий; строгая регламентация фиксации хода и результатов процесса; вынесение процессуального акта по признанию участников досудебного производства с признаваемым законным интересом для вступления в стадию предварительного расследования (вынесение постановлений о признании, привлечении) и ряд иных.

Л.В. Головки выделил два основных критерия обособления общих условий предварительного расследования от других правовых норм, регламентирующих порядок предварительного расследования [7, с. 328–329]. К первому критерию он отнес формы расследования. Вследствие этого в систему общих условий предварительного расследования им включены положения, устанавливающие дифференциацию двух форм: предварительного следствия и дознания, соответственно, – подследственность; ко всему прочему, определенные институты, регламентированные главой 21 УПК РФ, – в качестве общих условий. Специ-

альные нормы, согласно этому критерию, относятся либо к предварительному следствию, либо к дознанию.

Второй критерий, основанный на поэтапности стадии предварительного расследования, разграничивает положения, регулирующие один из этапов (специальные), и применяемые практически на всех этапах (общие) по отношению к первым. Поскольку предварительное следствие считается более длительной, сложной формой по сравнению с дознанием, зачастую подобные общие положения относят к общим условиям предварительного следствия [8]. Так, в главе 22 УПК РФ сосредоточены именно нормы, касающиеся общих условий предварительного следствия, а приемы кодификационной техники отражают их суть (к примеру, норма ст. 166 УПК РФ относится ко всем следственным действиям, проводимым на любой стадии досудебного производства любым уполномоченным должностным лицом).

По мнению Л.В. Головки, оба критерия используются одновременно и не являются взаимоисключающими.

Высказываются отдельные суждения о модернизации и совершенствовании современной системы общих условий путем дополнения раздела 7 УПК РФ «Возбуждение уголовного дела» отдельными положениями, касающимися общих условий стадии возбуждения уголовного дела; либо о переименовании главы 21 УПК РФ в «Общие условия досудебного производства», с включением в нее соответствующих норм [9].

Общие условия содержат правовые требования, обеспечивающие осуществление на стадии предварительного расследования назначения уголовного судопроизводства и его принципов. Уголовно-процессуальная система досудебного производства не допускает отступления от содержащихся в общих условиях требований. Любое отклонение от их предписаний является нарушением процедуры досудебного процесса и влечет негативные последствия, как для лиц, допустивших их, так и для расследования по делу в целом. В совокупности общие условия предварительного расследования формируют относительно самостоятельную и специфическую часть уголовного процесса.

Перейдем к рассмотрению содержания дефиниции «качество предварительного расследования».

К.В. Степанов сформулировал качество предварительного расследования как свойство предварительного расследования, выражающее соответствие реальной действительности следователя (дознателя) предъявляемым к ней в источниках уголовно-процессуального права требованиям

[10, с. 99]. Думается, что такое утверждение не отражает до конца его основные характеристики. Автор косвенно указывает на требования, предъявляемые источниками уголовно-процессуального права к содержанию деятельности уполномоченного должностного лица, не конкретизируя ее. Согласимся с тем, что две составляющие назначения уголовного судопроизводства характеризуют содержательные признаки качественного расследования, одновременно с этим всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств совершенного преступления обеспечивает качественное расследование.

О.А. Попова предложила свое видение качества предварительного расследования, связав совокупность его характеристик с требованиями закона, отражающими правоотношения участников уголовного судопроизводства: наделенных правом принимать по делу процессуальные решения и вовлеченных в процесс граждан [11].

В.И. Власов выявил 3 уровня качественного предварительного расследования: низкий, средний и высокий. По его мнению, низкокачественное расследование отличается существенными нарушениями требований закона, при котором уголовное дело не разрешается по существу. Среднекачественное расследование имеет место в том случае, если наблюдаются некоторые нарушения материальных и (или) процессуальных норм, не влияющие в значительной степени на принятие уполномоченным должностным лицом законного и обоснованного решения. Наконец, при высококачественном расследовании найдены полные, всесторонние и объективные ответы на вопросы об обстоятельствах совершенного преступления, при строгом соблюдении требований закона [12, с. 37–38].

Развивая его взгляды, Е.П. Ищенко связал высокое качество (объективность, полнота и всесторонность предварительного расследования) с кадровой и законодательной политикой и правоприменительной практикой, которые должны соответствовать состоянию преступности и тенденциям ее распространения [13].

Проанализировав высказанные точки зрения, позволим себе сформулировать понятие «качество предварительного расследования» как свойство досудебного уголовного производства, заключающееся во всестороннем, полном и объективном исследовании фактических обстоятельств уголовного дела с быстротой принятия законного и обоснованного итогового решения в стадии, доказанности всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, при неуклонном обеспечении прав и законных интересов участников процесса и соблюдении законности [14, с. 20–21, 80–81].

На основании этих положений выделение такого свойства досудебного производства, как «качество предварительного расследования» вполне обоснованно вписывается в любую систему общих условий предварительного расследования.

Обеспечение качества предварительного расследования в силу выполнения конкретных уголовно-процессуальных функций является обязанностью уполномоченных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, а также прокурора, надзирающего за этой деятельностью.

Качественное предварительное расследование должно сочетать всестороннее, полное и объективное исследование фактических обстоятельств совершенного преступления с быстротой принятия законного и обоснованного решения и соблюдением законности.

Среди приоритетных направлений деятельности органов предварительного расследования, в особенности дознания, на современном этапе выделяется следующее: быстрое разрешение бесспорного уголовного дела об очевидном преступлении небольшой или средней тяжести – освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба и примирением обвиняемого (подозреваемого) с потерпевшим.

Только суд вправе оценивать качество дознания и предварительного следствия. Если суд признает дознание или предварительное следствие некачественными, в таком случае заинтересованные лица вправе заявить к органам предварительного расследования требование о реабилитации, а также компенсации морального и материального вреда в порядке гражданского и уголовного (глава 18 УПК РФ) судопроизводства.

Обсуждение и заключения

Предлагаем дополнить главу 21 УПК РФ статьей «Качество досудебного производства по уголовному делу» следующего содержания:

«1. Дознание и предварительное следствие должны быть качественными, т.е. обеспечивать назначение уголовного судопроизводства в разумный срок с минимальными процессуальными издержками с направлением его в суд для разрешения по существу или окончательное его прекращение в связи с разрешением уголовно-правового спора по существу во внесудебном порядке.

2. Обеспечение качества предварительного расследования в силу выполнения конкретных уголовно-процессуальных функций является обязанностью уполномоченных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, а также прокурора, осуществляющего надзор за этой деятельностью.

3. Качественное предварительное расследование должно сочетать всестороннее, полное и объективное исследование фактических обстоятельств совершенного преступления с быстротой принятия законного и обоснованного решения и соблюдением законности.

Быстрое и справедливое разрешение бесспорного уголовного дела об очевидном преступлении небольшой или средней тяжести по существу с освобождением от уголовной ответственности правонарушителя, возмещение ущерба (заглаживание вреда) и примирением потерпевшего с

обвиняемым (подозреваемым) являются приоритетными задачами органов предварительного расследования.

4. Только суд вправе оценивать качество дознания и предварительного следствия. Если суд признает дознание или предварительное следствие некачественными, в таком случае заинтересованные лица вправе заявить к органам предварительного расследования требование о реабилитации, а также компенсации морального и материального вреда в порядке гражданского и уголовного (глава 18 УПК РФ) судопроизводства».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный процесс (конспект лекций) / автор-сост. А. Желудков. М.: Изд-во «ПРИОР», 1999. 176 с.
2. Зуев С.В., Суягин К.И. Уголовный процесс: учебник. Челябинск: ИЦ ЮУрГУ, 2016. 562 с.
3. Марфицин П.Г. Общие условия производства предварительного расследования: учеб.-практ. пособие. Омск: Юрид. ин-т МВД России, 1996. 72 с.
4. Уголовный процесс: учебник для бакалавров / под ред. А. И. Баstryкина, А. А. Усачева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2014. 545 с.
5. Уголовный процесс России: учебник / А.С. Александров [и др.]; науч. ред. В.Т. Тomin. М.: Юрайт-Издат, 2003. 821 с.
6. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2009. 1072 с.
7. Головки Л.В. Курс уголовного процесса. М.: Статут, 2016. 665 с.
8. Горленко С.В. Общие условия производства предварительного следствия в уголовном процессе: понятие, история и современность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 22 с.
9. Клещев С.В. Вопросы реализации общих условий предварительного расследования на первоначальной стадии уголовного судопроизводства // Вопросы взаимодействия следственных и иных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации: материалы межведомственной научно-практической конференции. Тверь: ТГУ, 2019. С. 68–74.
10. Степанов К.В. Проблемы качества предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2004. 199 с.
11. Попова О.А. Об определении качества предварительного расследования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 2 (29). С. 16–21.
12. Власов В.И. Расследование преступлений. Проблемы качества / под ред. В.М. Парадеева. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1988. 200 с.
13. Ищенко Е.П. К проблеме качества предварительного расследования преступлений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 5. С.120–134.
14. Кудряшова Е.С. Обеспечение качества дознания в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. 262 с.

REFERENCES

1. Ugolovnyj process (konspekt lekciij) / avtor-sost. A. ZHeludkov. M.: Izd-vo «PRIOR», 1999. 176 s.
2. Zuev S.V., Sutyagin K.I. Ugolovnyj process: uchebnik. CHelyabinsk: IC YUUrGU, 2016. 562 s.
3. Marficin P.G. Obshchie usloviya proizvodstva predvaritel'nogo rassledovaniya: ucheb.-prakt. posobie. Omsk: YUrid. in-t MVD Rossii, 1996. 72 s.
4. Ugolovnyj process: uchebnik dlya bakalavrov / pod red. A. I. Bastrykina, A. A. Usacheva. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Izd-vo YUrajt, 2014. 545 s.
5. Ugolovnyj process Rossii: uchebnik / A.S. Aleksandrov [i dr.]; nauch. red. V.T. Tomin. M.: YUrajt-Izdat, 2003. 821 s.
6. Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik / отв. red. P.A. Lupinskaya. 2-e izd., pererab. i dop. M.: NORMA, 2009. 1072 s.
7. Golovko L.V. Kurs ugolovnogo processa. M.: Statut, 2016. 665 s.
8. Gorlenko S.V. Obshchie usloviya proizvodstva predvaritel'nogo sledstviya v ugolovnom processe: ponyatie, istoriya i sovremennost': avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2001. 22 s.
9. Kleshchev S.V. Voprosy realizacii obshchih uslovij predvaritel'nogo rassledovaniya na pervonachal'noj stadii ugolovnogo sudoproizvodstva // Voprosy vzaimodejstviya sledstvennyh i inyh podrazdelenij organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii: materialy mezhvedomstvennoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Tver': TGU, 2019. S. 68–74.
10. Stepanov K. V. Problemy kachestva predvaritel'nogo rassledovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu. 2004. 199 s.

11. Popova O.A. Ob opredelenii kachestva predvaritel'nogo rassledovaniya // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2014. № 2 (29). S. 16–21.
12. Vlasov V.I. Rassledovanie prestuplenij. Problemy kachestva / pod red. V.M. Paradeeva. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1988. 200 s.
13. Ishchenko E.P. K probleme kachestva predvaritel'nogo rassledovaniya prestuplenij // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. 2017. № 5. S.120–134.
14. Kudryashova E.S. Obespechenie kachestva doznaniya v ugolovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2020. 262 s.

Об авторе: Кудряшова Елена Семеновна, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России.
email: uvd95@yandex.ru

© Кудряшова Е.С., 2020

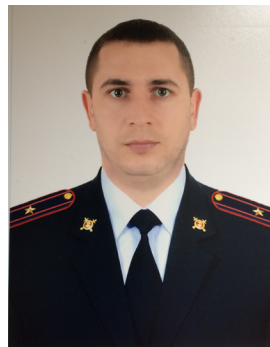
Статья получена: 27.04.2020. Статья принята к публикации: 23.06.2020.
Статья опубликована онлайн: 29.06.2020.

About the author: Kudryashova Elena S., Senior Lecturer in the Criminal Investigation Department
email: uvd95@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author read and approved the final version of the manuscript.

УДК 343.2.7

DOI: 10.37973/KUI.2020.93.67.017

А.В. Равнюшкин, А.П. Нагорный

**О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВЫХ НОРМ УГОЛОВНОГО
ЗАКОНА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ДЕЯТЕЛЬНЫМ РАСКАЯНИЕМ, ПРИМИРЕНИЕМ
СТОРОН И НАЗНАЧЕНИЕМ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА
В ВИДЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА**

**IMPROVEMENT OF LEGAL NORMS OF THE CRIMINAL LAW REGULATING
RELEASE FROM CRIMINAL RESPONSIBILITY DUE TO ACTIVE REPENTANCE,
RECONCILIATION OF THE PARTIES AND APPOINTMENT OF A MEASURE
OF A CRIMINAL LEGAL NATURE IN THE FORM OF A JUDICIAL FINE**

Введение: в статье рассматриваются проблемные вопросы освобождения лиц от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, назначением судебного штрафа. Отмечается, что настоящая конструкция норм, предусмотренных в ст. 75, 76 и 76.2 Уголовного кодекса РФ (УК РФ), способствует стремительному росту числа уголовных дел, прекращенных органами внутренних дел по основаниям, указанным в ст. 25, 25.1, 28 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ), в том числе и в отношении лиц, неоднократно совершающих общественно опасные деяния.

Материалы и методы: материалами исследования послужили нормы, УК РФ, УПК РФ, других правовых актов, статистические данные, судебная практика и научная литература. В работе использовались логический, статистический, системно-структурный и формально-юридический методы.

Результаты исследования: обосновывается необходимость внесения дополнений в статьи 75, 76 и 76.2 УК РФ для исключения повторного освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, назначением судом судебного штрафа лиц, совершивших умышленные общественно опасные деяния, и реализации профилактики их общественно опасного поведения.

Обсуждение и заключения: исследованы причины и последствия освобождения, в том числе неоднократно, от уголовной ответственности по рассматриваемым основаниям в отношении одних и тех же лиц. Отмечается, что повторное освобождение одного и того же лица от уголовной ответственности по одному и тому же нереабилитирующему основанию не отвечает принципу справедливости. Предлагается устранить пробел в законодательстве путем введения в УК РФ норм, исключающих возможность неоднократного освобождения от уголовной ответственности по данным основаниям.

Ключевые слова: нереабилитирующие основания, освобождение от уголовной ответственности, деятельное раскаяние, примирение сторон, судебный штраф

Для цитирования: Равнюшкин А.В., Нагорный А.П. О совершенствовании правовых норм уголовного закона, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением сторон и назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 2. С. 250 - 257. DOI: 10.37973/KUI.2020.93.67.017

Introduction: the article deals with areas of concern of release of persons from criminal liability in connection with active repentance, reconciliation with a victim, and the imposition of a judicial fine. It is noted that current design rules provided for in Articles 75, 76 and 76.2 of the Criminal Code, promotes rapid growth in the number of criminal cases terminated by the bodies of internal affairs on the grounds referred to in 25, 25.1, 28 Criminal

Procedure Code of the Russian Federation, including in respect of persons who repeatedly commit socially dangerous acts.

Materials and Methods: the research materials were the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the Criminal Code of the Russian Federation, other legal acts, statistical data, judicial practice and scientific literature. The paper used logical, statistical, system-structural, and formal-legal methods.

Results: the necessity of amendments to Articles 75, 76 and 76.2 of the Criminal Code to exclude the re-release from criminal responsibility in connection with active repentance, reconciliation with the victims, the court appointed a judicial fine of perpetrators of deliberate socially dangerous acts, and implementation of prevention of socially dangerous behavior of these entities.

Discussion and Conclusions: the author investigates the reasons and consequences of release, including repeated, from criminal responsibility on the considered grounds in relation to the same persons, notes that the repeated release of the same person from criminal liability on the same non-rehabilitating basis does not meet the principle of justice. It is proposed to eliminate the gap in the legislation by introducing rules in the Criminal Code of the Russian Federation that exclude the possibility of repeated exemption from criminal liability on these grounds.

Keywords: Non-rehabilitating grounds for exemption from criminal liability, active remorse, reconciliation of the parties, and a court fine

For citation: Ravniushkin A.V., Nagorny A.P. Improvement of Legal Norms of the Criminal Law Regulating Release from Criminal Responsibility due to Active Repentance, Reconciliation of the Parties and Appointment of a Measure of a Criminal Legal Nature in the Form of a Judicial Fine // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 2. P. 250 - 257. DOI: 10.37973/KUI.2020.93.67.017

Введение

В настоящее время активизировалась практика прекращения уголовных дел и уголовного преследования до судебной стадии по ст. 25 (примирение сторон), ст. 25.1 (назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа) и ст. 28 (деятельное раскаяние) УПК РФ, что вызывает пристальное внимание практических работников органов внутренних дел, лиц, наделенных судебной властью, и научной общественности.

Несмотря на то, что доля преступлений, уголовное преследование по которым прекращено по ст. 25, 28 УПК РФ, в объеме предварительно расследованных деяний составляет всего 3% и является, по сути, малым [1, с. 164], по данным Организационно-аналитического департамента МВД России, за последние пять лет число уголовных дел, прекращенных органами внутренних дел по данным основаниям, возросло почти в два раза (+94,1 %, с 14,6 тыс. в 2014 г. до 28,3 тыс. в 2018 г.) и по итогам 2018 г. прирост количества таких уголовных дел составил 22%¹. Данная тенденция была продолжена и в 2019 году: только за первое его полугодие было принято решений о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям – 33,2% от общего количества

прекращенных дел (56 тыс.). При этом ст. 25, 28 УПК РФ были применены более чем в половине (50,5%) от их числа².

В то же время за последние два года резко возросла практика возбуждения должностными лицами органов внутренних дел, осуществляющими предварительное расследование, перед судом ходатайств о прекращении уголовного дела в отношении подозреваемого и определении этому лицу в порядке ст. 25.1 УПК РФ судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового характера. В 2018 г. в суд по этому основанию направлено 12,9 тыс. уголовных дел, почти в три раза больше, чем в предыдущем (4,6 тыс.), и данная тенденция продолжена в 2019³.

Нельзя игнорировать то, что число совершенных преступлений по уголовным делам, прекращенным по данным основаниям, в среднем составляет более 1,14, то есть фактически статьи 25, 25.1, 28 УПК РФ применялись и в отношении лиц, неоднократно, в том числе систематически, совершающих преступления⁴.

Активная практика прекращения уголовных дел по ст. 25, 25.1 и 28 УПК РФ явилась результатом недостаточной правовой регламентации оснований и условий прекращения уголовных дел

¹ Об утверждении Перечня актуальных вопросов в сфере внутренних дел для комплексной проработки и подготовки проектов управленческих решений на 2019 год: распоряжение МВД России от 04.03.2019 № 1/2148 // Организационно-аналитический департамент МВД России. URL: http://10.0.42.25/attachments/article/1302/1_2148.pdf, С. 4 (дата обращения: 10.02.2020).

² Статистический сборник «Состояние преступности в России» (расширенный) за I полугодие 2019 года // ЦСИ ФКУ ГИАЦ МВД России. С. 7. URL: <http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=SbLong&go=showcat&cid=147> (дата обращения: 10.02.2020).

³ Об утверждении Перечня актуальных вопросов в сфере внутренних дел для комплексной проработки и подготовки проектов управленческих решений на 2019 год: распоряжение МВД России от 04.03.2019 № 1/2148 // Организационно-аналитический департамент МВД России. URL: http://10.0.42.25/attachments/article/1302/1_2148.pdf, С. 5 (дата обращения: 10.02.2020).

⁴ Там же. С. 4.

по нереабилитирующим основаниям. Рассматриваемые условия фактически допускают повторное освобождение одного и того же лица от уголовной ответственности за совершенное ранее умышленное общественно опасное деяние. Данное положение не может не вызывать обеспокоенность, поскольку неизвестны масштабы криминогенных последствий от подобного рода решений. Не исключено, что одни и те же лица, неоднократно совершившие общественно опасные деяния и неоднократно же освобожденные от уголовной ответственности в результате совершения преступления «впервые», могли совершить его в отношении одних и тех же потерпевших.

Очевидно, что указанные правовые нормы УК РФ нуждаются в дополнительном совершенствовании в целях реализации принципа справедливости и законности.

Обзор литературы

Изучению проблемных общетеоретических вопросов прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям посвящено множество диссертационных исследований [2, 3, 4]. Предметом научных изысканий стал собственно институт освобождения от уголовной ответственности по реабилитирующим основаниям. Такие работы преобладают в общем количестве научных трудов, посвященных данной теме. Однако среди фундаментальных научных работ имеются исследования, посвященные практическим аспектам исследуемой темы [5]. Отдельные ее проблемные практические вопросы остаются неразрешенными, и научные исследования продолжаются [6, 7].

Публикационная активность связана прежде всего с состоянием правовых норм, предоставляющих явно широкие возможности для прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Остаются недостаточно регламентированными условия, при наличии которых лицом, осуществляющим предварительное расследование, или судом может быть принято решение в пользу освобождения от уголовной ответственности.

Результаты исследования

Рост уголовных дел, прекращаемых по ст. 25, 25.1, 28 УПК РФ, обусловлен рядом факторов.

Во-первых, отчасти следует согласиться с мнением, что должностными лицами органов внутренних дел, осуществляющими предварительное расследование преступлений, решение об освобождении лица по нереабилитирующим основаниям редко принимается из-за необходимости освобождения как такового. Вынесение постановления

о прекращении уголовного дела вызвано недостаточностью доказательств, указывающих на виновность подозреваемого, иначе расследование уголовного дела было бы окончено обвинительным заключением (актом) [8, с. 74]. Для осуществляющего расследование должностного лица иногда проще предложить подозреваемому согласиться с прекращением уголовного дела по нереабилитирующему основанию и вручить соответствующее постановление, чем искать доказательства вины. К тому же на этом следователь или дознаватель экономит время.

Во-вторых, отсутствует полное легальное определение деятельного раскаяния, примирения с потерпевшим в соответствующих статьях УК РФ.

В ч. 1 ст. 75 УК РФ указано, что деятельным раскаянием признается добровольная явка с повинной, содействие раскрытию и расследованию преступления, возмещение ущерба или иное заглаживание вреда. Однако в законе не определено, являются ли перечисленные действия альтернативными или для освобождения от уголовной ответственности по данному основанию требуется безоговорочное выполнение всех условий. В соответствии с п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» определено, что только совокупность выполнения всех перечисленных в ч. 1 ст. 75 УК РФ условий или тех действий, которые лицо объективно могло совершить, может свидетельствовать о деятельном раскаянии¹. Тем не менее, уголовным законом не конкретизирован точный объем действий, образующих деятельное раскаяние. Постановления Пленума не являются нормативными правовыми актами и носят преимущественно разъяснительный характер.

Условиями ст. 76 УК РФ являются примирение с потерпевшим и заглаживание причиненного потерпевшему вреда. Однако отсутствует нормативное определение последнего, что также вызывает неоднозначное понимание.

Таким образом, в указанных нормах УК РФ закреплено лишь несколько условий, которые связаны как с тяжестью совершенного преступления, так и с личностью преступника, совершившего преступление впервые. Должностные лица органов внутренних дел, осуществляющие предварительное расследование, успешно пользуются данным пробелом в нормативном регулировании,

¹ Рос. газета. 2013. 5 июля.

² Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdpr.ru/> (дата обращения: 15.01.2020).

прекращают уголовное преследование или уголовное дело, не задумываясь о действительных последствиях такого решения, тогда как обязаны устанавливать причины и условия совершения расследуемого ими преступления.

В-третьих, положения вышеуказанного постановления Пленума чрезвычайно расширили понятие «лицо, впервые совершившее преступление».

В действительности лицами, впервые совершившими преступление, суд считает всех установленных в совершении общественно опасного деяния, кроме ранее осужденных. Не исключено освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям лиц, совершивших преступление «впервые», но в составе группы. Уголовный закон никак не ограничивает возможность такого освобождения.

В связи с этим отмечается избыточный рост практики применения ст. 25, 28 УПК РФ, приведший к росту фактического рецидива и снижению уровня профилактики преступлений. Так, МВД России отмечает факты неоднократного прекращения уголовных дел, в том числе судом, по ст. 25, 28 УПК РФ в отношении одних и тех же лиц¹.

Яркий пример неоднократного освобождения одного и того же лица от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям за совершение умышленных преступлений приводится в «Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ)», утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 10 июля 2019 года². Согласно постановлению Тындинского районного суда Амурской области от 7 июня 2017 г. подсудимым Я., обвиняемым в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 166 УК РФ, а также его защитником было заявлено ходатайство о прекращении уголовного дела на основании ст. 28 УПК РФ – в связи с деятельным раскаянием. Суд пришел к выводу о невозможности прекращения дела по данному основанию, указав, что Я. в течение длительного времени регулярно совершал преступления против собственности, трижды привлекался к уголовной ответственности за преступления, связанные с неправомерным завладением автомобилями без цели хищения, при этом уголовные дела были прекращены в связи с деятельным раскаянием. Кроме того, в судебном заседании судом было установлено, что Я., достоверно зная, что в отношении его уже имеется возбужденное уголов-

ное дело по факту совершения в октябре 2016 г. угона транспортного средства, тем не менее, в январе 2017 г. совершил аналогичное преступление. При таких обстоятельствах суд отказал в прекращении уголовного преследования на основании ст. 28 УПК РФ и освободил Я. от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (указанное постановление обжаловано не было)».

Предоставление самой возможности неоднократного освобождения от уголовной ответственности указанным лицам по рассматриваемым нереабилитирующим основаниям представляется недопустимым. В значительной части принимаемые решения не соответствуют публичным интересам в области уголовной политики, ослабевают реализацию принципа справедливости и неотвратимости наказания, демонстрируют несовершенство правовых норм, составляющих институт освобождения от уголовной ответственности.

Существует точка зрения, согласно которой для квалификации лица как впервые совершившего преступление необходимо, чтобы за ранее совершенные преступления к нему не применялись наказание либо другие меры уголовно-правового характера, в том числе освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям [9, с. 87]. Предполагается, что в таком случае лицо либо никогда не подвергалось уголовному преследованию или никогда не было подозреваемым, либо в отношении него возбужденное уголовное дело было прекращено ввиду наличия реабилитирующих оснований. Однако стоит согласиться с тем, что будет несправедливым и незаконным считать лицо привлекавшимся к уголовной ответственности «не впервые», поскольку решение суда о прекращении уголовного дела влечет соответствующие правовые последствия и нельзя присваивать статус «виновного» лицу, в отношении которого не был вынесен обвинительный приговор, вступивший в законную силу [10, с. 79]. Представляется также несправедливым считать лицо, освобожденное от уголовной ответственности судом в связи с назначением судебного штрафа, виновным, поскольку претерпело правовые последствия такого освобождения. В данном случае суд не объявляет лицо виновным, но освобождает от уголовной ответственности, которые влекут известные последствия для данного лица.

По мнению авторов, в законодательном определении категорий либо перечня лиц, которых следует считать «совершившими преступление впер-

¹ Об утверждении Перечня актуальных вопросов в сфере внутренних дел для комплексной проработки и подготовки проектов управленческих решений на 2019 год: распоряжение МВД России от 04.03.2019 № 1/2148 // Организационно-аналитический департамент МВД России. URL: http://10.0.42.25/attachments/article/1302/1_2148.pdf, С. 8 (дата обращения: 10.02.2020).

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 12. С. 30.

вые», нет необходимости, так как данные лица уже перечислены в п. 2 рассматриваемого постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19. По нашему мнению, Верховный Суд Российской Федерации вполне корректно определил лиц, которых следует считать «впервые совершившими преступление».

Проблема состоит в том, что сама конструкция правовых норм уголовного закона, предусматривающая применение нереабилитирующих оснований, создает возможность активизации практики прекращения по ним, в том числе по одним и тем же уголовным делам, вследствие присутствия «материальных» условий – возмещения ущерба и (или) заглаживания вреда. В рассматриваемых статьях очевидна их явная конкуренция. По мнению авторов статьи, конкуренцию данных условий следует не устранить, но существенно ограничить.

Следует отметить, что выбор следователя, дознавателя и суда о применении конкретного нереабилитирующего основания уже ограничен мнением подозреваемого, обвиняемого или подсудимого лица. Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации в рассматриваемом обзоре указал: «Если в ходе судебного разбирательства суд придет к выводу о невозможности прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием либо примирением сторон, то он при отсутствии возражений подсудимого прекращает уголовное дело с назначением судебного штрафа»¹. Данное предписание устанавливает последовательность применения судами нереабилитирующих оснований. В первую очередь применяется либо деятельное раскаяние, либо примирение сторон, во вторую – судебный штраф. Подобные предписания для должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, отсутствуют.

Однако Верховный Суд Российской Федерации не дал разъяснений по поводу обстоятельств или условий, при наличии которых однозначно «суд придет к выводу о невозможности прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием либо примирением сторон». Можно лишь предположить, что этой невозможностью является установленный судом факт предыдущего освобождения данного лица от уголовной ответственности по тому нереабилитирующему основанию, по которому суд имеет намерение предложить.

Действующая редакция ст. 75, 76 и 76.2 УК РФ не запрещает неоднократного применения одного и того же нереабилитирующего основания в отношении одного и того же лица.

В связи с тем, что применение нереабилитирующих оснований выполняет и «фискальную функцию», возмещение ущерба и (или) вреда подозреваемыми и обвиняемыми должно оставаться обязательным для них условием, но не главным. В научной литературе отмечается, что своего уточнения требует вопрос определения минимально допустимой степени возмещения ущерба, критерии оценивания достаточности возвращения имущества потерпевшему [11, с. 21].

Необходимо обратить внимание на собственно особые условия: а именно деятельное раскаяние и примирение с потерпевшим.

Просьба потерпевшего или его законного представителя о прекращении уголовного преследования ввиду деятельного раскаяния или примирения с потерпевшим нуждается в объективной оценке и может быть основой решения о прекращении уголовного дела [12, с. 72]. Роль потерпевшего в данной ситуации трудно переоценить. В то же время рассматриваемая норма не содержит обязательного согласия потерпевшего или его представителя на удовлетворение ходатайства, главное – это соблюдение лицом, совершившим преступное деяние, закрепленных в этой норме условий, позволяющих сделать объективный вывод о его действительном деятельном раскаянии. С одной стороны, нельзя ставить искреннее деятельное раскаяние лица в зависимость от мнения потерпевшего, с другой стороны – если доводы последнего обоснованы и справедливы, суд объективно не может не учесть их при оценке соблюдения условий такого раскаяния и принятия решения по делу [10, с. 81].

По мнению некоторых ученых, поддерживаемому авторами статьи, в постановлении о прекращении уголовного дела, вынесенного должностным лицом ввиду наличия нереабилитирующих оснований, должен быть сформулирован вывод о том, что обвиняемый в действительности совершил вменяемое ему общественно опасное деяние, предусмотренное конкретной статьей УК РФ [13, с. 80]. Решение суда о прекращении уголовного дела не фиксирует факт вины обвиняемого, однако констатирует факт совершения лицом деяния, обладающего признаками преступления. Исследовав доказательства, суд установил, что деяние совершено именно подсудимым лицом.

Действительно, если лицо повторно допустило общественно опасное деяние и было освобождено от уголовной ответственности ввиду деятельного раскаяния, а затем, вновь совершив общественно опасное деяние, раскаивается в нем и соверша-

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 12. С. 30.

ет все действия, перечисленные в ч. 1 ст. 75 УК РФ, для освобождения, то возникают сомнения, во-первых, в искренности раскаяния лица, а во-вторых, что такое освобождение действительно будет справедливым. Примирение с потерпевшим так же не означает, что лицо встало на путь исправления. Фактически подозреваемое в совершении преступления лицо может неоднократно злоупотреблять правом на нереабилитирующее освобождение. Вышеуказанный пример из судебной практики ярко это подтверждает.

Очевидно, что складывающаяся практика способствует появлению у лиц, в отношении которых неоднократно прекращались уголовные дела по данным основаниям, ощущения безнаказанности, что оказывает отрицательное влияние на складывающуюся криминальную обстановку. Не обеспечивается неотвратимость уголовной ответственности и наказания.

Вместе с тем снижается результативность деятельности органов предварительного расследования, так как прекращение уголовного преследования со ссылкой на нереабилитирующие основания возможно только в рамках уже возбужденного уголовного дела.

Обсуждение и заключения

Возникает необходимость ограничения правовой возможности практического применения рассматриваемых нереабилитирующих оснований для освобождения от уголовной ответственности лиц, неоднократно привлекаемых к ней. При этом прописывать в уголовном законе лиц, которых следует считать совершившими преступление впервые, нет необходимости.

Законодателю прежде всего следует обратить внимание на условия, при соблюдении которых могут применяться рассматриваемые основания. При этом отсутствует необходимость вводить какие-либо новые условия. Выход из сложившейся ситуации видится в уточнении кратности их применения. Оптимальным с точки зрения профилактики повторного общественно опасного поведения будет однократность использования указанных условий.

По нашему мнению, необходимо, чтобы специальные условия освобождения от уголовной ответственности за умышленные преступления, указанные в соответствующих статьях УК РФ, могли применяться в отношении конкретного лица за всю практику органов предварительного расследования и суда только один раз. Одно и то

же лицо может быть освобождено от уголовной ответственности за совершение умышленного преступления в связи с примирением с потерпевшим только один раз, аналогично – в связи с деятельным раскаянием и ввиду назначения судом судебного штрафа. Повторное освобождение одного и того же лица от уголовной ответственности по одному и тому же нереабилитирующему основанию фактически необходимо признать злоупотреблением правом.

Представляется целесообразным внести ряд дополнений в УК РФ.

Статью 75 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием» УК РФ дополнить частью 3 следующего содержания:

«3. Лицо, ранее освобожденное от уголовной ответственности за совершение умышленного преступления в соответствии с частью 1 настоящей статьи, не может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием».

Статью 76 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим» УК РФ дополнить частью 2 следующего содержания:

«2. Лицо, ранее освобожденное от уголовной ответственности за совершение умышленного преступления в соответствии с частью 1 настоящей статьи, не может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим».

Статью 76.2 «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа» УК РФ дополнить частью 2 следующего содержания:

«2. Лицо, ранее освобожденное от уголовной ответственности за совершение умышленного преступления в соответствии с частью 1 настоящей статьи, не может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа».

Предложенные дополнения в соответствующие статьи УК РФ представляются предпочтительными, так как в результате будет устранена правовая коллизия и не потребуются внесения радикальных изменений в уголовный закон. Институт прекращения уголовного дела по исследуемым нереабилитирующим основаниям будет более эффективным в достижении назначения уголовного судопроизводства, выражающегося в защите законных интересов потерпевшего по возмещению причиненного преступлением вреда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кабельков С.Н. Влияние законности, целесообразности, справедливости на практику прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям // Вестник ВИЭПП. 2018. № 1. С. 162 – 165.
2. Кабельков С.Н. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования по нереабилитирующим основаниям, не исключающим производство по делу: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 2001. 213 с.
3. Хабарова Е.А. Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям: система оснований и гарантии прав участников процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Екатеринбург, 2004. 24 с.
4. Тарасов И.С. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Н. Новгород, 2007. 30 с.
5. Филимонов С.А. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям (теоретические и практические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Краснодар, 2009. 25 с.
6. Артамонов А.Н. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям // Законодательства и практика. Омск: Омская академия МВД России. 2015. № 2(35). С. 71 – 78.
7. Фильченко А.П. Возмещение ущерба и заглаживание вреда как условия освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Адвокатская практика. М: Издательская группа «Юрист». № 4. 2019. С. 21 – 27.
8. Павлова Т.А. Презумпция невиновности и прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (34). С. 70 – 75.
9. Ларина Л.Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 87 – 90.
10. Докучаева Д.И. Деятельное раскаяние // Союз криминалистов и криминологов. М.: Проспект, 2018. № 4. С. 77 – 85.
11. Фильченко А.П. Возмещение ущерба и заглаживание вреда как условия освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Адвокатская практика. 2019. № 4. С. 21 – 27.
12. Артамонов А.Н. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям // Законодательства и практика. Омск: Омская академия МВД России, 2015. № 2 (35). С. 71 – 78.
13. Диденко Н.С., Кузнецова С.М. Реализация принципа состязательности сторон при прекращении уголовных дел органами предварительного расследования по нереабилитирующим основаниям // Юрист-Правоведь. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России, 2016. № 4 (77). С. 79 – 81.

REFERENCES

1. Kabel'kov S.N. Vliyanie zakonnosti, celesoobraznosti, spravedlivosti na praktiku prekrashcheniya ugovolnyh del po nereabilitiruyushchim osnovaniyam // Vestnik VIEPP. 2018. № 1. S. 162 – 165.
2. Kabel'kov S.N. Prekrashchenie ugovolnogo dela v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya po nereabilitiruyushchim osnovaniyam, ne isklyuchayushchim proizvodstvo po delu: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Volgograd, 2001. 213 s.
3. Habarova E.A. Prekrashchenie ugovolnyh del po nereabilitiruyushchim osnovaniyam: sistema osnovanij i garantii prav uchastnikov processa: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Ekaterinburg, 2004. 24 s.
4. Tarasov I.S. Prekrashchenie ugovolnogo dela i ugovolnogo presledovaniya po nereabilitiruyushchim osnovaniyam: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. N. Novgorod, 2007. 30 s.
5. Filimonov S.A. Prekrashchenie ugovolnogo dela i ugovolnogo presledovaniya po nereabilitiruyushchim osnovaniyam (teoreticheskie i prakticheskie aspekty): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Krasnodar, 2009. 25 s.
6. Artamonov A.N. Prekrashchenie ugovolnogo dela (ugolovnogo presledovaniya) po nereabilitiruyushchim osnovaniyam // Zakonodatel'stva i praktika. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii. 2015. № 2(35). S. 71 – 78.
7. Fil'chenko A.P. Vozmeshchenie ushcherba i zaglazhivanie vreda kak usloviya osvobozhdeniya ot ugovolnoj otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa // Advokatskaya praktika. M: Izdatel'skaya gruppa «YUrist». № 4. 2019. S. 21 – 27.
8. Pavlova T.A. Prezumpciya nevinovnosti i prekrashchenie ugovolnogo dela (ugolovnogo presledovaniya) po nereabilitiruyushchim osnovaniyam // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 4 (34). S. 70 – 75.
9. Larina L.YU. Ponyatie lica, v pervye sovershivshego prestuplenie // YUridicheskaya nauka. 2014. № 1. S. 87 – 90.
10. Dokuchaeva D.I. Deyatel'noe raskayanie // Soyuz kriminalistov i kriminologov. M.: Prospekt, 2018. № 4. S. 77 – 85.
11. Fil'chenko A.P. Vozmeshchenie ushcherba i zaglazhivanie vreda kak usloviya osvobozhdeniya ot ugovolnoj otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa // Advokatskaya praktika. 2019. № 4. S. 21 – 27.
12. Artamonov A.N. Prekrashchenie ugovolnogo dela (ugolovnogo presledovaniya) po nereabilitiruyushchim osnovaniyam // Zakonodatel'stva i praktika. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2015. № 2 (35). S. 71 – 78.
13. Didenko N.S., Kuznecova S.M. Realizaciya principa sostyazatel'nosti storon pri prekrashchenii ugovolnyh del organami predvaritel'nogo rassledovaniya po nereabilitiruyushchim osnovaniyam // YUrist"-Pravoved". Rostov-na-Donu: Rostovskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2016. № 4 (77). S. 79 – 81.

Об авторах:

Равнюшкин Алексей Викторович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

email: rav.kin@mail.ru

Нагорный Александр Петрович, преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

email: nag.van.ale@mail.ru

© Равнюшкин А.В., 2020

© Нагорный А.П., 2020

Статья получена: 05.03.2020. Статья принята к публикации: 23.06.2020.

Статья опубликована онлайн: 29.06.2020.

About the authors:

Ravniushkin Alexey V., Candidate of History (Research doctorate), Senior Lecturer, the Department of Special Disciplines of the Crimean Branch of the Krasnodar University of MIA of Russia

email: rav.kin@mail.ru

Nagorny Alexandr P., Lecturer, the Department of Special Disciplines of the Crimean Branch of Krasnodar University of MIA of Russia

email: nag.van.ale@mail.ru

Заявленный вклад авторов

Равнюшкин А.В. – введение, изучение нормативно-правовой базы, представление статистических сведений, судебной практики, обсуждение и заключения

Нагорный А.П. – изучение научной литературы по теме. Изучение факторов, влияющих на рост уголовных дел, прекращаемых по исследуемым основаниям. Заключение.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Принимаются оригинальные научные статьи на русском языке, соответствующие профилю Журнала и отражающие результаты теоретических и/или экспериментальных исследований авторов. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы.

2. Статья представляется в редакцию Журнала в электронном виде. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне). Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие указанным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.

3. Необходимо указать УДК (<http://www.udk-codes.net/>).

4. Заголовок статьи (на русском и английском языках) должен кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

5. Аннотация (на русском и английском языках) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации – 200–250 слов.

6. Ключевые слова (на русском и английском языках) являются поисковым образом научной статьи. Во всех библиографических базах данных возможен поиск статей по ключевым словам. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов – 5–10.

7. Основной текст статьи излагается на русском языке в определенной последовательности:

введение (Introduction);

обзор литературы (Literature Review);

материалы и методы (Materials and Methods);

результаты исследования (Results);

обсуждение и заключения (Discussion and Conclusions).

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

7.1. Введение содержит постановку научной проблемы, указание на ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Прежде всего указывается общая тема исследования. Затем необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы, описать наиболее авторитетные и доступные читателю публикации по рассматриваемой теме. Обозначаются проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья, и главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней.

7.2. Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

7.3. Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т.д.).

7.4. Результаты. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Цель данного раздела – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками).

Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

7.5. Обсуждение и заключения. Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования: в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы; необходимо сопоставить

полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

8. Список использованных источников. Библиографическое описание документов оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2009. При оформлении ссылок (в первую очередь, на оригинальные источники из научных журналов) следует указать фамилии авторов, журнал (электронный адрес), год издания, том (выпуск), номер, страницы, DOI или адрес доступа в сети Интернет.

9. Аффiliation авторов (на русском и английском языках) : Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, электронная почта.

10. Вклад соавторов (на русском и английском языках). В примечании разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Экземпляры журнала с опубликованными статьями можно получить путем подписки.

Опубликованные в Журнале статьи размещаются в полнотекстовом виде в электронной библиотеке Российского индекса научного цитирования, а также на сайте журнала (email: vestnikkui.ru).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрусталевой Ольгой Николаевной (тел.(843) 537-62-13, электронный адрес vestnikkui@mail.ru)

Главный редактор Ф.К. Зиннуров

Заместитель главного редактора С.Н. Миронов

Корректоры О.Н. Хрусталева, Е.В. Зотина

Дизайн Е.А. Бикмуллина

Верстка Е.О. Смирнова

Перевод Е.О. Смирнова

Редакционно-издательское отделение
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Номер отпечатан в типографии КЮИ МВД России
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 130

Подписано в печать 23.06.2020
Формат 60x84 1/8 Усл.печ.л. 17,4 Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Тираж 200 экз.